

№3(39) 2016

ПРО

КНИГИ

ЖУРНАЛ БИБЛИОФИЛА

МОСКВА
2016

Содержание

Редакционно-издательский совет

Сеславинский Михаил Вадимович, *председатель*
Афанасьев Михаил Дмитриевич
Горская Елена Валерьевна
Гусев Павел Николаевич
Ларионова Людмила Геннадьевна
Ласунский Олег Григорьевич
Самарин Александр Юрьевич
Тараканова Ольга Леонидовна

Редакция

Ответственный редактор *Сергей Чистяков*
Технический редактор *Екатерина Игнатьева*
Редактор *Лариса Еремина*
Компьютерная верстка *Аида Сидоренко*
Корректор *Ирина Любавина*
Представитель журнала в Санкт-Петербурге *Елена Матвеева*

Номер издан при поддержке ПАО «Транснефть»

*про
Книги*

© «Про книги», 2016

<i>Т.А. Долгодрова</i> Вездесущие путти в книжной орнаментике	4
<i>Е.А. Динерштейн</i> Неизвестный шарж из российской Горьковианы	12
<i>Б.Н. Вавава</i> Испорченный автограф А.М. Ремизова. Заметки коллекционера	20
Специальный каталог А-17 (август 1983 года) магазина А. Савина «Русский библиофил»	34
<i>П.В. Ефремовский</i> Букинист (из очерка «Петербургские разносчики»)	44
<i>К.С. Костюченко.</i> Что помнит он, Толстовский дом?	52
<i>А.А. Барташевич</i> Блокадный дневник	64
<i>М.В. Сеславинский.</i> Издания произведений Л.Н. Толстого в библиофильской жизни	88
Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей»	100
Проект издания «Лицевого летописного свода царя Ивана Грозного» осуществлен при поддержке ПАО «Транснефть»	122
Ex libris «Про книги»	124
Книжные ПРОисшествия	128
Поэты ПРО книги	132
Листая старые газеты	134
Комикс	142
No comments	144

Вездесущие путти в книжной орнаментике

Т.А. Долгодрова

Во многих книгах эпохи Ренессанса на титульном листе можно увидеть изображения путти, которые поддерживают гербы или просто занимаются своими делами на пространстве книжного листа. Само слово путти — множественное число от латинского PUTUS — маленький мальчик или Амурчик (с крыльями или без), встречающийся в искусстве Ренессанса и барокко. Он происходил из греко-римской мифологии и символизировал предвестника земного или ангельского духа. Мы сталкиваемся с путти везде — в станковой живописи, архитектуре, скульптуре, фресках, в украшениях мебели,

в декоре книг, и всегда их присутствие вносит оживление и свету.

Путти могли входить и в рукописный декор печатной книги, как в экземпляре «Тускуланских бесед» Цицерона (из собрания Г. Клемма (РГБ)), изданных в Риме Ульрихом Ханом в 1469 году. Первую страницу книги украшает рукописная полурамка, внизу листа — путти, держащие венок, в который можно было поместить герб владельца книги. Подобные сюжеты, где путти держат блазон с гербом, встречаются очень часто в немецких книгах XVI века. Присутствуют они и в сюжетных инициалах, как например,

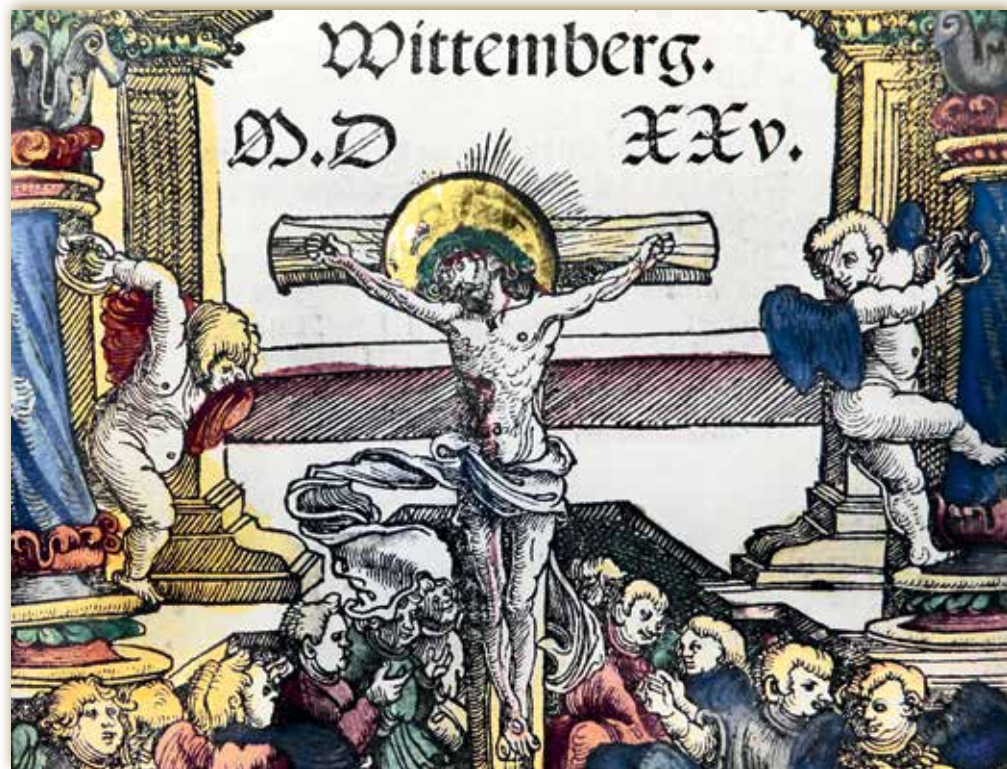
Фрагмент декора первой страницы книги Цицерона «Тускуланские беседы» (Рим, 1469). РГБ

Сюжетный инициал из книги Клаудиана «О душе» (Базель, 1520). РГБ

в сочинении Клаудиана «О душе», изданном в Базеле в 1520 году.

Кажется, что путти присутствовали везде. Так, в Библии в переводе Лютера, изданной в Виттенберге Михаэлем Лоттером (Michael Lotter) в 1525 году, в книге Ветхого Завета путти изображены на титульном листе в сцене Распятия (гравюра на дереве с раскраской акварелью и золотом). Приняв причудливые позы, они находятся по сторонам от распятия, как бы обрамляя его. В гравюре с изображением театра в иллюстрированном издании «Комедий» Теренция, опубликованных в Париже Антуаном Вераром между 1499 и 1503 годами, путти восседает или раскачивается на гирлянде в самом центре сценки, становясь чуть ли не главным действующим лицом композиции. В книге Лодовико Ариосто «Неистовый

Фрагмент титульного листа книги Ветхого Завета Библии Лютера (Виттенберг, 1525). РГБ

Гравюра из книги Теренция «Комедии» (Париж, между 1499 и 1503 годами). РГБ

Роланд», изданной в Венеции Габриеле Джиолито де Феррари в 1544 году (экземпляр из коллекции Г. Клемма (РГБ)), на титульном листе верх рамки украшают фигурки путти, вальяжно пристроившихся на скульптурах.

Особенно любопытны изображения работающих путти. Они есть в книге «Добавления к хроникам» («Supplementum chronicharum»), изданной в Венеции Бернардинусом Рициусом де Новария в 1492 году (экземпляр собрания

В. фон Клемпера (РГБ)). На ксилографических рамках в стиле Ренессанс (разворот первого и второго листов), которые обрамляют изображения сцен семи дней творения, внизу помещены изображения работающих путти. Вот парочка путти свежует зайца, вот один — мнет виноград в чане — делает вино, а другой — ощипывает птицу. В другой паре путти один несет корзину с виноградом, другой играет на флейте. Два путти, развернув свитки с текстом, образуют навершие картуша для герба будущего владельца книги. Эти легкие очерковые гравюры в ренессансном стиле сделаны анонимным мастером, в манере которого много общего с мастером Библии Малерми (Венеция, 1493).

В рамке на титульном листе книги «Повелитель дураков» Томаса Мурнера

(Базель, 1519) даны путти, иронично изображающие торжественную процессию.

Хранящееся в РГБ редкое издание поэтических сатир итальянского художника, драматурга и поэта Сальваторе Роза (Salvatore Rosa (1615–1673)) «Сатиры, посвященные Сеттано», напечатанное предположительно в Риме без указания имени печатника в конце XVII века, имеет замечательный гравированный на меди экслибрис начала XIX века с изображением сценки в библиотеке, где кроме беседующих библиофилов запечатлены путти, читающие и рассматривающие книги. Книжный знак имеет надпись на латыни: «C.S. Iordani et amicorum» — «К.С. Иордана и его друзей». Этот экслибрис служит повторением надписей

Экслибрис «К.С. Иордана и его друзей». Из экземпляра книги Сальваторе Роза «Сатиры, посвященные Сеттано» (Рим, кон. XVII века). РГБ

на знаменитых экслибрисах XVI века на переплетах книг Жана Гролье и его друзей — Тома Майо (Майоли) и Марка Лорена. Сам текст этих экслибрисов восходит к античным образцам. Над этой надписью еще одна: «Deus nobis hæc otia fecit» — «Бог дал нам этот мир». Сверху экслибрис содержит надпись: «Dulces ante omnia musae» — «Сладостно всякое искусство». Но прежде всего нас привлекают в этом экслибрисе путти, которые работают с книгами. Один из них читает лежащую на столе и открытую книгу, другой листает и рассматривает, третий несет ящик для книг. Экслибрис этот явно сделан под влиянием раскрытых в XVIII веке фресок и мозаик Помпей и Геркуланума — древнеримских городов, погибших при извержении Везувия в 79 году н.э. На них были изображены трогательные путти, участвующие в гонках на повозках, запряженных оленями, занятые сбором лепестков роз и делая-

щие из них духи, собиранием и продажей цветов и изготовлением гирлянд, чисткой и стиркой одежды, торгующие вином, работающие в ювелирной мастерской. Эти забавные изображения произвели после открытия огромное впечатление, и им начали подражать в живописи и в гравюре, в том числе и книжной.

При расчистке фресок в 1700 году в роскошной вилле Арианны в Стабии южнее Помпей была обнаружена ставшая впоследствии очень знаменитой фреска, получившая название «Торговка амурами». Ее сюжет многократно появлялся в работах художников и граверов. Наиболее известная трактовка этой темы, идущая от раскрытых росписей и очень популярная в XVIII веке, принадлежит художнику Жозефу-Мари Вьену (Joseph-Marie Vien (1716–1809)), чья картина «Торговка амурами» была выставлена в Салоне в Париже в 1763 году. Тема эта была повторена и другими художниками.

Фрагмент декоративной рамки из книги «Добавления к хроникам» (Венеция, 1492). РГБ

Фрагмент декоративной рамки титульного листа книги Томаса Мурнера «Повелитель дураков». (Базель, 1519). РГБ

Фреска «Торговка амурами». Вилла Арианны (Стабия). Середина I века н.э.

Жак Фирмен Боварле с картины Жозефа-Мари Вьена. Торговка амурами. Гравюра. 1778

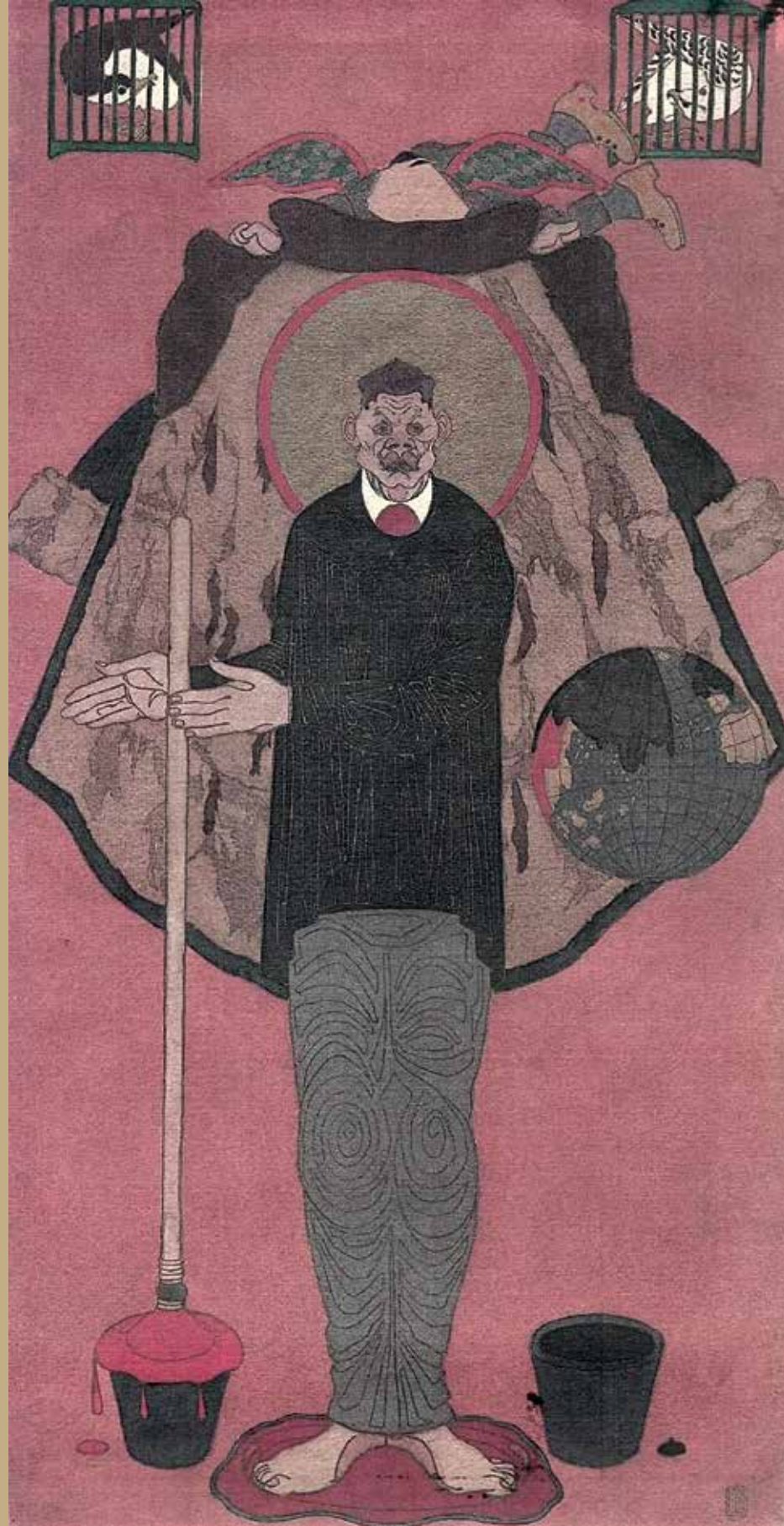
Фрагмент декора набивной ткани, созданной на мануфактуре Кристофа-Филиппа Оберкампа (1815). РФБ

Так, известна гравюра «Торговка амурами» 1778 года Жака Фирмена Боварле (Jacques Firmin Beauvarlet (1731–1797)). Этот сюжет воспроизводился и в набивной ткани, созданной на мануфактуре Кристофа-Филиппа Оберкампа под Парижем в местечке Жуи-ан-Жоза в 1815 году. Ее называют шедевром тканей Жуи. Набойка в стиле ампира содержит несколько сценок, заключенных в медальоны овальной формы, картуши, восьмиугольники. Свое название ткань получила по виньетке восьмиугольной формы, где изображены три женщины, одна из которых предлагает другой вынутого из клетки амура с крылышками, а третья — уже с амуром, который стоит около ее колен.

Изучая произведения искусства, манускрипты и старопечатные книги, нельзя не поразиться обилию этих сорванцов путти, развлекающих зрителя, — они кругом, они повсюду!

Сюжетный инициал из книги Клаудиана «О душе» (Базель, 1520). РФБ

Неизвестный шарж из российской Горьковианы

Е.А. Динерштейн

Иконография Горького громадна, но тем не менее каждый зафиксированный в ней артефакт представляет значительный интерес, поскольку помогает воссоздать личность писателя, а главное, понять его значимость для современников. В каждом из них, будь то портрет живописца, рисунок графика или фотография, проявляются какие-то ранее не замеченные черточки характера, подчас неизвестные факты, ускользнувшие от внимания исследователей. Интересны даже шаржи и карикатуры, в которых фигурирует Горький, хотя они часто передают его образ исходя из конъюнктурных соображений. Такие изображения нередко анонимны, и тогда приходится устанавливать имя художника, дату создания этого произведения, разгадывать завуалированный в нем смысл и пытаться определить повод, подвигнувший автора на его создание.

В данном случае такому поиску помогла фотокопия документа, сохранившаяся в архиве М. Горького ИМЛИ РАН и свидетельствующая о существовании неизвестного шаржа, на котором изображены Максим Горький и Зиновий Исаевич Гржебин и есть имя и отчество художника. Так как в архиве сохранились еще несколько фотокопий из переписки, связанной с изданием журналов «Жупел» и «Адская почта», можно было предположить, что все эти документы принадлежат его бывшей сотруднице, автору ста-

ти «М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта» З.М. Карасик. Фотокопии эти в архиве М. Горького были сохранены, потому что отсутствовали их оригиналы (все оригиналы, кроме того, с которого сделана вышеупомянутая фотокопия, хранятся в архиве Русского музея). К сожалению, поиски оригинала этого документа, не упомянутого даже в Путеводителе и картотеке РГАЛИ, где хранится персональный фонд автора рисунка, художника Павла Егоровича Щербова, первоначально результатов не дали. Пришлось обратиться к описи его фонда, и оказалось, что кроме искомого письма в нем находится и другое, несомненно, с ним связанное. Оба письма обращены З.И. Гржебиным непосредственно к Щербову.

«Дорогой Павел Егорович, я был очень огорчен, что Ваш рисунок Горького вместе с моей рожей оказался у Маклина, а не у меня, на что я рассчитывал и в чем был уверен. Я охотно верну ему 5000 р., которые он Вам заплатил, но мне нужно было бы получить письмо Ваше на его имя (Борис Викторович Маклин) с просьбой передать мне этот рисунок. Ваш Гржебин»¹.

Гржебин был человеком энергичным. Из письма ясно, что он даже успел заручиться согласием Маклина на передачу ему шаржа Щербова. И Маклину явно ничего не оставалось, как уступить просьбе Гржебина. Но тогда невольно

* На шмуцтитуле шарж П.Е. Щербова.

¹ РГАЛИ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 31. Л. 1. (Фотокопия: Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Птл. 6–73–1)

Ю.П. Анненков. Портрет З.И. Гржебина. 1919.
Холст, масло

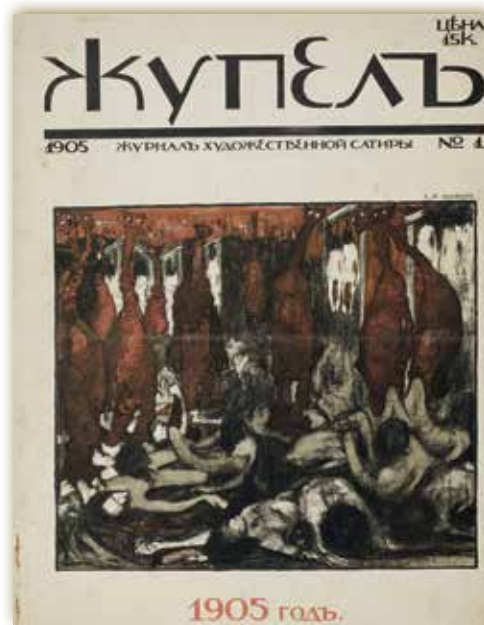
возникает вопрос, почему горьковедом ничего не известно о работе Щербова? Он хоть и не числился в рядах широко известных художников, но одну из его работ по совету В. Серова все-таки приобрел Третьяков. Значилось его имя и в числе сотрудников журналов «Жупел» и «Адская почта».

На этот вопрос, вероятно, отвечает второе письмо Гржебина на бланке журнала «Адская почта» (по содержанию его следует датировать 1907 годом):

«Многоуважаемый Павел Егорович, Александр Иванович (Куприн. — Е.Д.) приехал. Привез Вам трубку [со] старинной резьбой. Ваши рисунки у меня. Хотел Вам привезти, да боюсь, может быть, в самом деле Вам это было бы неприятно. Как прикажете: мне их доставить или поручить кому-нибудь. Ваш Гржебин.

Прошу Вас, передайте мой искренний привет Анастасии Давыдовне»².

Доехать до Гатчины, где жил Щербов, из Петербурга не представляло труда, но Гржебина несколько смущал сам факт возвращения работ сотруднику двух издаваемых им журналов, которых он официально числился редактором-издателем. Дело в том, что к этому моменту, несмотря на запрещения правительства, свет увидели шесть номеров вышеназванных журналов. О них, без преувеличения, заговорила вся Россия. Выдающийся советский драматург Евгений Шварц, вспоминая в 1951 году о событиях 1905 года, когда он еще ребенком жил далеко от столицы, в провинциальном Майкопе, не преминул отметить в дневнике: «Сильное впечатление от известного рисунка — кажется, Добужинского — кукла, кровавое пятно на стене (добавим от себя: рядом с наклеенным на ней царским Манифестом от 17 октября. — Е.Д.), лужа крови на панели

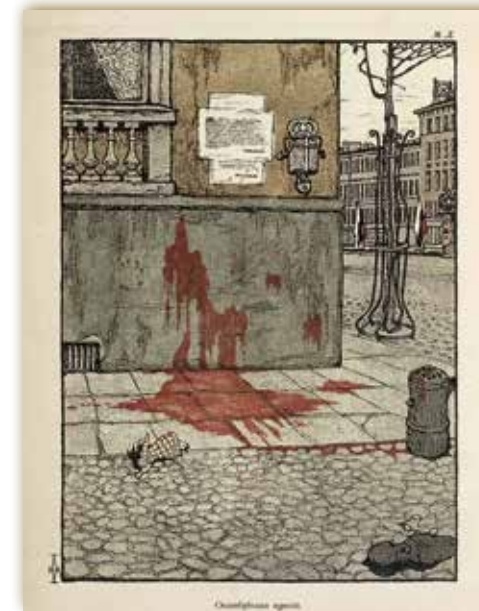

Обложка журнала «Жупель» (1905. №1)

(речь идет о рисунке М. Добужинского «Октябрьская идиллия» в № 1 журнала «Жупел» за 1905 год. — Е.Д.). Папа удивился: откуда вдруг появились такие художники? Кто пишет в этих журналах? Где скрывались эти таланты?»³

«Таланты» не скрывались, но были весьма привередливы в отборе публикуемого материала — как изобразительного, так и литературного, почему и были запрещены властями. Щербов же был художником камерного характера и узкой тематики, как можно судить по его опубликованным работам. И хотя решения о составе каждого номера «Жупела» и «Адской почты» принимались коллегиально, не последнюю роль в отборе материала играли Гржебин и, отчасти, Горький. Отсюда и особое отношение Щербова, не упустившего возможности, когда представился случай, излить свои к ним чувства и доказать, что и его работы могут обладать политической остротой. Его шарж — по сути, закамуфлированная пародия на знаменитую картину И.Е. Репина «Толстой босой» (1891 год).

На рисунке Щербова Горький изображен стоящим босым в луже запекшейся красной краски (о том, что это не кровь, свидетельствуют ровные края лужи). У его ног находятся два ведра: одно пустое из-под черной краски, другое полное — с красной. Вверху карикатурно изображен в серых помятых штанишках и желтых ботинках херувим с физиономией Гржебина (на публикуемом рисунке она вырезана, о чем более подробно будет сказано ниже), который накидывает на Горького широко распахнутую необыкновенно красивую меховую шубу с меховыми же оторочками. Шуба как бы наброшена на плечи писателя и заодно

М.В. Добужинский. Октябрьская идиллия.
Иллюстрация из журнала «Жупель» (1905. №1)

прикрывает висящий в пространстве глобус. Небольшая часть обозначенной на глобусе земной тверди уже залепана красной краской, что позволяет сделать предположение о времени действия представленной сцены. Над головой Горького сияет нимб, а сам он одет в какой-то артистический необычный костюм. Руки его нерешительно придерживают длинную малярную кисть, опущенную в ведро, переполненное красной краской.

В правом и левом верхних углах рисунка расположены клетки. В них, сжатыми в комок, художник поместил Буревестника и Сокола.

Нельзя сказать, что все детали шаржа достаточно продуманы. У Репина Толстой в рабочей блузе стоит, как мифологический Антей, босиком на земле, дающей ему силу, а Горький же стоит в нерешительности, ожидая дара свыше. Но, как известно, библейские ангелы были не

² Там же. Л. 2.

³ Шварц Е. Живу беспокойно: Из дневников. М., 1990. С. 117.

Титульный лист издания романа М. Горького «Жизнь Клим Самгина» (Берлин, 1928)

дарителями, а лишь посланниками между Богом и человеком. Художник явно имел в виду какое-то достаточно известное событие, связанное с ожиданием — как Горького, так и ангела в помятых штанишках. А обилие красной краски подсказывает, что происходит все это уже после двух революций. Первым из такого рода событий могло стать издание газеты «Новая жизнь». Оно перечеркивало ранние заявления Горького о необходимости создания радикально-демократической партии, способной противостоять хаосу, царящему в стране⁴.

⁴ Если быть точным, то издание газеты «Новая жизнь» было предпринято компанией из четырех лиц: М. Горьким, З.И. Гржебиным, А.Н. Тихоновым и И.П. Ладъжниковым. Но роль Гржебина в этом деле Горький особо подчеркивал в одном из писем Ленину.

⁵ Никитин Е.Н. «Исповедь» М. Горького: новое прочтение. М., 2000. С. 103–105.

⁶ Мансыров С.П. Мои воспоминания о Государственной Думе // Историк и современник. Т. 3. Берлин, 1922. С. 19.

⁷ Никитин Е.Н. А.Н. Тихонов — участник издательских начинаний М. Горького // Книга. Исследования и материалы. Сб. 102. М., 2015. С. 100.

По свидетельству Н.Н. Суханова, все деньги для создания газеты дал Горький. Они были получены им заимообразно на выпуск, как заранее было оговорено, *беспартийной либеральной газеты*⁵. Деньги, по 150 тысяч рублей, дали займы: промышленник Б.А. Гордон, банкир Э.К. Груббе и И.Д. Сытин. Какую-то часть средств внес А.И. Коновалов⁶. Сомнительно, но возможно, что как-то поучаствовали в финансировании издания и его организаторы.

Первый номер «Новой жизни» вышел 18 апреля 1917 года. Принятое газетой направление определялось М. Горьким. Несмотря на финансовый успех, направление это не удовлетворяло кредиторов, особенно Б.А. Гордона, и он потребовал возврата своей части займа. Товарищеский суд в лице главного арбитра, известного адвоката В.П. Карабчевского, предложил Горькому удовлетворить просьбу Гордона⁷. Дело происходило в начале августа 1917 года, но еще до Октябрьской революции. Гржебин, фактически ведущий хозяйственную часть газеты, успел выплатить долги всем кредиторам, кроме Б.А. Гордона. Личный долг Горького он не мог погасить без его разрешения, но того, видимо, покорило, что его конфликт с Гордоном получил огласку, и разрешения Гржебин, вероятно, не получил.

В 1928 году, когда в Москве стало выходить юбилейное собрание сочинений писателя, а в Берлине советское издательство «Книга» приступило к изданию романа «Жизнь Клим Самгина», Гордон возобновил свои претензии к Горькому.

Писатель на его письма даже не ответил, а его сотоварищи по издательским делам А.Н. Тихонов, И.П. Ладъжников и П.П. Крючков заявили, что «не считают для себя обязательным удовлетворять какие-либо претензии по изданию этой газеты» (т.е. «Новой жизни». — *Е.Д.*) на том основании, что Гордон передавал деньги лично Горькому⁸.

Считать именно это горьковское начинание поводом для щербовского шаржа и, следовательно, датировать его 1917–1918 годами все-таки крайне рискованно, хотя бы потому, что изображены на нем два неприятные автору лица — Горький и Гржебин, но последний-то в данном случае не давал ему оснований для обвинений. Скорее все-таки имелось в виду созданное Гржебиным в 1919 году частное издательство, идеологическим руководителем которого стал М. Горький, добившийся поддержки этой идеи Лениным, правда, преследовавшим при этом свои цели.

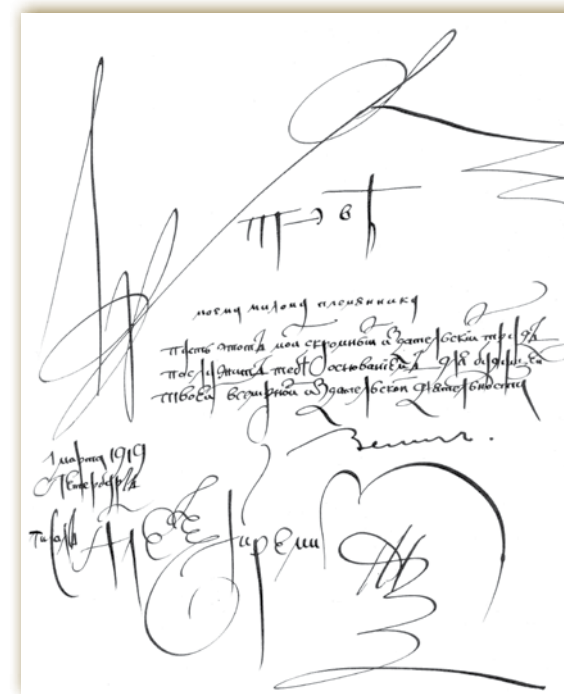
Печататься книги для Советской России должны были за границей. Для этого правительство выделяло валюту. Задуманная комбинация представляла заметную выгоду для государства. Однако горьковско-гржебинское начинание вызвало недовольство в широких общественных кругах, в том числе и партийных. Шарж П.Е. Щербова — одно из ярких тому доказательств.

Договора заведующего Госиздата В.В. Воровского с Гржебиным и Горьким были подписаны в начале 1920 года, а саму возможность печатать книги за рубежом председатель

Совнаркома В.И. Ленин санкционировал лишь 27 апреля 1920 года. Но задуман этот проект был гораздо раньше, о чем можно судить по шуточной надписи Гржебина своему племяннику Товию Наумовичу Гржебину (1896–1958), которая была торжественно исполнена А.М. Ремизовым в стиле его известных «грамот»:

«Тэве, моему милому племяннику. Пусть этот мой скромный издательский труд послужит тебе основанием для будущей твоей всемирной издательской деятельности. Зиновий. 1 марта 1919. Петербург»⁹.

Запись станет понятной, если учесть, что Товий Гржебин намечался в руководители московского филиала будущей

Дарственная надпись З.И. Гржебина Т.Н. Гржебину, исполненная А.М. Ремизовым. 1919

⁸ Архив Горького. Кг-рл. 7–35–1, 2, 3.

⁹ Инскрипт сделан на книге: Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. Т. 1. Вып. 1. Ч. 1. СПб., 1912 — (частное собрание).

фирмы, которая действительно скоро обосновалась в Берлине.

Все сказанное дает основание датировать карикатуру Щербова 1919–1920 годами. Опубликовать ее, да еще и в цвете, в советских изданиях того времени не представлялось возможным, но через коллекционеров она могла получить известность в узких кругах, на которые и была, собственно, рассчитана. Потому Щербов и продал ее частному лицу. Когда же владелец стал карикатуру демонстрировать, Гржебин поспешил ее приобрести, чтобы она не стала известна Горькому и не получила широкого распространения. Горький против доброжелательных шаржей никогда не возражал, но на сей раз карикатура Щербова, с которым он был хорошо знаком, не могла его не задеть. Поэтому перед отъездом в Берлин, а может быть, и ранее Гржебин переправил карикатуру с некоторыми другими неприятными Горькому материалами в Москву Товию. В таком виде шарж Щербова, видимо, пролежал у Товия Гржебина до начала 1930-х годов, пока тот не убедился, что секретарь М. Горького П.П. Крючков не собирается полностью рассчитаться с семьей дядюшки по обязательствам своего шефа, а сам писатель вычеркнул его из своей памяти. Тогда он и решился произвести некую экзекуцию над рисунком Щербова, вырезав из него физиономию Зиновия Исаевича и подведя таким образом итог их бывшего содружества. Для этого Товий имел все основания.

В описываемое время Товий Наумович был заведующим издательством Московского областного союза совет-

ских художников (МОССХ). По воспоминаниям хорошо его знавшего А.Ф. Перельмана, написанным в блокадном Ленинграде, «младший Гржебин был инициативным, энергичным и дельным издательским работником, энтузиастом своего дела. Культурный издатель с широким пониманием своих задач <...> Замечательные качества младшего Гржебина и то, что, увлеченный делом, он иногда не замечал, как за спиной орудуют сомнительные дельцы, привели его в судебную камеру и к годичному заключению в тюрьме, откуда он вышел с испорченной репутацией и отрезанными крыльями»¹⁰.

3 марта 1948 года Правление Московского союза художников исключило Товия Гржебина из состава Союза как «не удовлетворяющего требованиям Устава (разд. 4, пункт 1): «Членами Московского союза художников могут быть квалифицированные художники, критики и искусствоведы с определившимся творческим и общественным лицом»¹¹.

Чем занимался Товий Наумович после такого вердикта, точно не известно. По словам племянницы его жены, Анны Григорьевны Федоровой, которая передала подлинник шаржа П.Е. Щербова в Музей Горького ИМЛИ РАН, а копию — автору публикации, он перебивался работой в ряде московских типографий. Штампы в паспорте о судимости отрешили его от всякой издательской деятельности.

Да, если бы в Музее и атрибутировали рисунок Щербова, то все равно не напечатали. Такие были времена.

WWW.ABOUTBOOKS.RU

ВСЁ О КНИГАХ

- **Книжные новости России и мира**
- **Материалы вышедших номеров**
- **Анонсы будущих публикаций**
- **Редакционная подписка**

¹⁰ Перельман А.Ф. Воспоминания. СПб., 2009. С. 216–218.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 497. Л. 21 (об).

Алексея Ремизова

Алексей Ремизов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА
АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

Алексей Ремизов

Санкт-Петербург, 1907 года
14 мая

посадить на коня,
бу пускати сабѣ
пѣсно.

Испорченный автограф А.М. Ремизова

Заметки коллекционера

Б.Н. Варава

У собирателей книжных редкостей, особенно если к ним относятся книги с автографами авторов, находится порой книжка-другая с инскриптами-загадками. Бывает, что неизвестен адресат автографа или испорчена дарственная надпись — густо зачеркнута чернилами, а то вовсе стерта чьей-то безжалостной рукой. Разобраться с такими — НЛА (неопознанными литературными автографами) обычно не дает череда неотложных дел. И лежат такие книжки с загадками где-нибудь в дальнем углу книжного шкафа, ожидая своего часа. Несколько таких книг с испорченными автографами скопились и в моем собрании. Об одной из них пойдет речь. Причем к порче автографа, как позже выяснилось, оказался причастен не кто-то посторонний, а... сам автор.

В 1907 году в петербургском издательстве «Оры» вышла в свет малоформатная книжка А.М. Ремизова (1877–1957) под названием «Лимонарь, сиречь: Луг духовный». Это была третья книга писателя. В то же время для Ремизова она стала первым сборником переработок древних сказаний, запрещенных церковью. Сюжеты книги основаны на народных версиях библейских событий, являющихся «отреченными», то есть не принятыми как церковная догма¹.

Отрывки из этой книги, до ее выхода в свет, Ремизов читал на Башне у Вячеслава Иванова. Некоторые из притч вызвали резкую отрицательную реакцию Иванова. По свидетельству современников, чуть не произошла настоящая ссора. «Луг духовный» пришелся не по душе не только Вячеславу Иванову, но и ряду других друзей и знакомых Ремизова. Хотя находилось немало читателей и критиков, которые, наоборот, с восторгом приняли книгу с ее необычной ритмической прозой, считая ее необыкновенно новой, приоткрывающей глубинные и неизведанные пласты древней славянской и христианской литературы. Сам писатель до конца жизни оставался «верен» этой книге, ценил ее, считая коренной в своем творчестве. Он включил ее, переработав текст, в два собрания своих сочинений (1912, 1914). В таком же ключе, что и «Луг духовный», были написаны его произведения «Посолонь» (1907), «Страница» (1918), «Московские любимые легенды. Три серпа» (1929). Но возвратимся к автографу писателя на нашем экземпляре книги «Луг духовный».

На авантитуле книги от полной дарственной надписи осталась лишь «хвостик», подпись: «Алексей Ремизов. С.-Петербург. 1907 года. 14 мая». Начальная часть текста густо вымарана

* В оформлении шмуцтитула использован портрет А.М. Ремизова работы Б.М. Кустодиева.

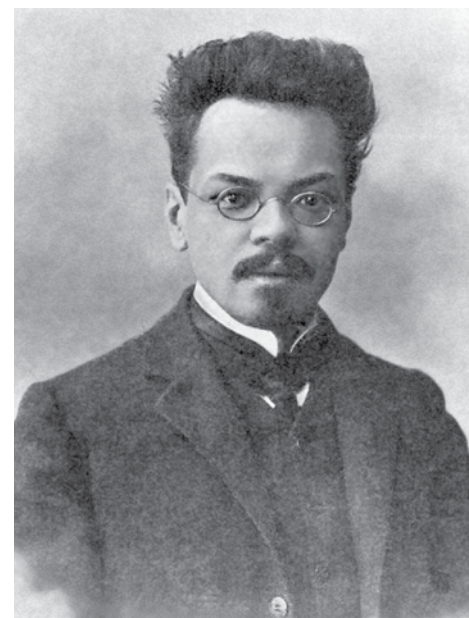
¹ Лимонарь (греч. «лужок», «луг, цветник»; лат. «луг духовный») название средневековой нравоучительной книги, содержащей повествования о жизни христианских подвижников. Автором Лимонария считается инок Иоанн Мосх (VII век).

Титульный лист книги А.М. Ремизова «Лимонарь: сиречь, Лугъ духовный» (СПб., 1907)

Дарственная надпись А.М. Ремизова на книгу «Лимонарь: сиречь, Лугъ духовный» (СПб., 1907)

А.М. Ремизов. Начало XX века

черными чернилами. Ниже на той же странице расплылась жирная чернильная клякса. То, что кляксу посадил автор, не вызывало сомнений — под кляксой рукой Ремизова мелким почерком сделана приписка: «посадил кляксу, ну пускай себе едет». Почему же клякса «поехала»? Здесь не трудно догадаться — рукой, точнее, пером в руке писателя клякса была этими же чернилами «подправлена» и обратилась в силуэт бредущего слона с хоботом, хвостом и наездником на спине. Ремизов был незаурядным рисовальщиком, что отмечалось многими его современниками, поэтому «пустить» кляксу в путь для него было делом не сложным². Вот такой подпорченный, но оригинальный автограф писателя нужно было расшифровать, узнать скрытого самим Ремизо-

вым под слоем чернил адресата его же дарственной надписи.

В юности Ремизов учился на естественном отделении математического факультета Московского университета, потому в естествознании некоторый «познал толк», но вряд ли он предполагал, что через 100 лет скрытая, казалось, навсегда надпись будет прочтена. Технический прогресс шагнул вперед — появился электронно-оптический преобразователь, посредством которого с помощью «просмотра в отраженных инфракрасных лучах с фильтром» залитые чернилами строчки «заговорили». Документально этот факт подтвержден в справке № 202, выданной экспертно-криминалистическим отделом Северо-Западного управления внутренних дел

12 марта 1993 года. Кроме того, в той же справке зафиксировано, что все надписи, зачеркивания и слон-клякса сделаны одним и тем же «черным красителем», поэтому в «авторстве» зачеркивания текста надписи сомневаться не приходится — им был сам Ремизов, автор «Луга духовного». Вот так милиция в начале 1990-х годов «послужила» Серебряному веку нашей литературы.

Возрожденный и полный текст дарственной надписи гласил: «Федору Ивановичу Щеколдину. В знак уважения и воспоминания. Алексей Ремизов. С.-Петербург. 1907 года. 14 мая».

Щеколдин Ф.И. (1870–1919) личностью оказался известной и в биографии Ремизова далеко не случайной. Социал-демократ, организатор и один из руководителей «Северного рабочего союза», в 1902 году он отбывал ссылку в Усть-Сысольске, где и познакомился с будущим писателем. В 1896 году Ремизов был арестован за организацию студенческих бес-

порядков и заключен в Таганскую тюрьму, затем сослан под гласный надзор полиции на два года в Пензу. Там он с энтузиазмом принимается за революционную пропаганду среди рабочих, вторично был арестован и отправлен по этапу в Вологодскую губернию. Жил в Вологде и Усть-Сысольске, где их пути с Щеколдиным и пересеклись. В тюрьме и ссылках Ремизов провел в общей сложности шесть лет. Его сотоварищами по ссылке были философ Н.А. Бердяев, Д.В. Filosofov, историк и пушкинист П.Е. Щеголев, эсер Б.В. Савинков, И.П. Каляев и даже будущий нарком А.В. Луначарский. Ссылная эсерка Серафима Павловна Довгелло в 1903 году стала женой Ремизова.

В Вологде, не без колебаний и раздумий, Ремизовым был сделан окончательный выбор между политической деятельностью и литературным творчеством. Первой публикацией будущего писателя стал цикл стихотворений в прозе, названный «Плач девушки перед замужеством», который был напечатан в 1902 году в газете «Курьер» под псевдонимом Николай Молдаванов. В Вологде же был сочинен первый вариант романа «Пруд», принесшего ему потом широкую известность. Отдельной книгой роман был напечатан в 1908 году в Петербурге.

В те же годы его товарищ по ссылке Щеколдин становится деятельным помощником В.И. Ленина. Он активно участвует в подготовке II съезда РСДРП. В 1904 году его вторично арестовывают на партийном заседании ЦК в Москве. Только после революции 1905 года Щеколдин от активной политической деятельности отошел, но до самой смерти в 1919 году, оставался одним из ближайших друзей Ремизова.

Расшифрованный автограф Ремизова на «Луге духовном» породил еще один вопрос. Адресат известен, но почему

² П. Пикассо, М. Ларионов, В. Кандинский, Н. Гончарова, М. Добужинский и многие другие художники высоко ценили Ремизова-графика. Ю. Анненков отмечал, что «Ремизов несомненно мог бы рисовать, как Серов, как Репин или как Малявин. Но их музы его не вдохновили».

автор решил скрыть дарственную надпись? Возможно, Щеколдин прохладно отнесся к этому совершенно необычному произведению писателя. И он был в этом не одинок, о чем уже упоминалось. А может, дело в кляксе-слоне, нечаянно посаженной Ремизовым, и подписанный экземпляр книги до адресата так и не дошел? Точный ответ вряд ли мы узнаем.

После кончины Щеколдина в книге «Крашенные рыла» (1922) в разделе «Три могилы» писатель посвятил ему некролог. Еще раньше в сборнике «Укрепа» (1916) Щеколдин послужил Ремизову прототипом для одного из персонажей сочинения — Кострова Веденя Никаноровича. А в автобиографической книге «Иверень: загогулины моей памяти» сотоварищ Ремизова часто упоминается под своим настоящим именем. Слово «иверень» (осколок) привлекло Ремизова не только своим «звучанием», но и точным смыслом, означающим в контексте книги — «отколовшийся» от семьи и рода и пошедший своим путем писатель³.

Многолетняя политическая ссылка с последующим жительство «под запрещением столиц» (Ремизовы до самой революции 1905 года жили в Одессе, Херсоне и Киеве) так и не сделали из писателя приверженца революции 1917 года, в которой он увидел окончательное разрушение своего идеала России. Совершенный Октябрьский переворот писатель воспринял как трагический слом в России тысячелетней государственности и культуры, как трагедию всего русского народа. Оценку событий тех лет он дал в известной автобиографической повести «Взвихренная Русь» (1927). Примечательно, что средства для издания этой книги предоставили две дочери компо-

зителя С.В. Рахманинова. Ими для этой цели было организовано в Париже новое издательство «ТАИР» (Татьяна и Ирина), в котором «Взвихренная Русь» впервые и была напечатана.

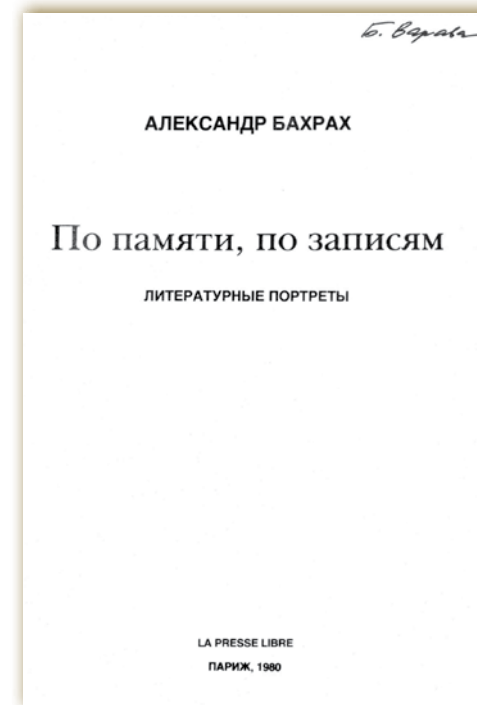
В Петрограде чета Ремизовых прожила самые страшные голодные годы — с 1917 по 1921. Из России писатель с женой выехали в качестве «оптантов», лиц, которым давалось легальное право переехать на временное жительство в другую страну. Отъезд за границу Ремизов считал временным, он был твердо убежден, что «русскому писателю без русской стихии жить невозможно». Они покинули Петроград 5 августа 1921 года (за два дня до кончины Александра Блока) и после краткой остановки в Ревеле переехали в Берлин. В 1923 году и уже насовсем Ремизовы перебираются в Париж.

В России оставалась их дочь Наташа, которая родилась в Одессе в 1904 году. Временное расставание (так тогда казалось) разлучило родителей с дочерью навсегда. Чувство вины перед покинутой дочерью для четы Ремизовых оставалось постоянным, не заглушаемым с годами. В 1943 году не стало С.П. Ремизовой-Довгелло. Всю жизнь их дочь прожила в Киеве, преподавала русский и украинский языки. По отзывам близких людей, Наташа обладала несомненным литературным дарованием, но не развивала его. В 1946 году, тяжело заболев, она скончалась в разрушенном послевоенном Киеве. Ее сын Борис писал деду и звал его в Россию. Возможно, по этой причине Ремизов сразу после окончания войны взял советский паспорт, но так и не воспользовался им.

Годы эмиграции были для Ремизова не только годами постоянной тоски по

Титул книги А.В. Бахраха
«Бунин в халате. По памяти, по записям»
(1979)

Обложка книги А.В. Бахраха
«По памяти, по записям. Литературные
портреты» (Париж, 1980)

России, но и временем плодотворной творческой работы. Обращение к миру легенд, сказок и древнерусских сказаний стало для писателя мысленным возвращением на русскую землю. А личные воспоминания, погружения в глубины своего «я» стали неиссякаемым источником его творчества, темами его книг.

Ремизов всегда притягивал к себе людей, даже в небольшой русскоязычной среде Зарубежья у него находились свои читатели, появлялись преданные друзья. К нему обращались и с ним общались многие молодые писатели, литературный путь которых в 1920–1930-х годах за рубежом России только начинался. К числу таких писателей относился А.В. Бахрах (1902–1985), литературовед, критик и переводчик. Их знакомство относится к 1922 году, когда в бер-

линской газете «Дни» молодой Бахрах напечатал рецензию на книгу Ремизова «Ахру: Повесть петербургская» (1922). Для него, как для критика, это был литературный дебют. Позже, переехав из Берлина в Париж, Бахрах быстро вливается в литературный круг русского зарубежья. С Ремизовым до конца жизни писателя у него установились близкие и дружеские отношения. В ремизовской прозе, в его переписке имя Бахраха встречается постоянно. Марина Цветаева, как и Ремизов, «жаловала» Бахраха, посвятила ему шесть стихотворений в цикле «Час души», а переехав в Прагу, переписывалась с ним (частично ее письма позже были опубликованы). Поэт и критик Юрий Иваск статью об этом литераторе назвал «Благожелательный Бахрах». В дни войны в 1940-е годы Бахрах оказался на юге Франции,

³ О взаимоотношении А.М. Ремизова и Ф.И. Щеколдина см. также: Дворникова Л.Я. Из истории прототипов книги А.М. Ремизова «Иверень» (Ф.И. Щеколдин) // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 231–242.

Фотография с дарственной надписью
А.М. Ремизова А.В. Бахраху
на фотопортрете писателя. Париж. 1950

сблизился с Иваном Буниним, стал его секретарем. Несколько лет прожил у него в доме в Грассе, на арендованной писателем вилле «Жанетта». Позже Бахрах опубликовал свои яркие воспоминания о Бунине. Оставил он также воспоминания и о других представителях творческой интеллигенции русского зарубежья, прежде всего писателях и поэтах, включая, конечно, и Ремизова. В статье «Ремизову было бы сто лет» в 1977 году Бахрах одним из первых подметил, что «Ремизов был скорее писателем для писателей, чем для читательской массы. Зато писателям, даже тем, которые этого не хотели созна-

вать, он был так же нужен, как таблица логарифмов инженеру». Вспомним творения Хлебникова — «поэта для поэтов»⁴.

Публикуемый в этих заметках автограф Ремизова представляет собой дарственную надпись Бахраху, которая выполнена на лицевой стороне фотопортрета писателя. «Дорогому Александру Васильевичу Бахраху на счастливое новоселье. 20.XII.1950. Алексей Ремизов», а уже после подписи его же рукой добавлено: «с ключом от неписанной грамматики ладов». «Испорченности» в автографе, как в «Луге духовном», никакой нет, но некая неясность все же присутствует. Какой или от чего «ключ» и почему «неписанная грамматика ладов»? Цитата ли это из новой книги писателя, написанная «к слову» или намеренно? Или это «тайные» слова, понятные только им двоим, членам знаменитого ремизовского «Обезвельволпала», «утопии-игры» давно, еще в России им придуманной, — кто знает?⁵

Относительно адресата автографа на фотографии Ремизова добавим, что Бахрах был страстным библиофилом. В воспоминаниях Георгия Адамовича, с которым Бахрах долгие годы встречался и переписывался, факт этот зафиксирован. Несколько раз об этой страсти Бахраха упоминает Бунин, правда, с иронией и даже скрытым сарказмом, что можно понять. Сам великий писатель, лауреат Нобелевской премии, библиофильской страсти, увы, не был подвержен никогда.

Французское слово провенанс прочно вошло в русский лексикон. Про-

исхождение художественного произведения или предмета антиквариата играет важную роль в подтверждении подлинности приобретенного шедевра. Книжные редкости в этом плане не исключение. Но помимо практической надобности предистория попавшего в коллекцию раритета часто сама по себе оказывается интересной, увлекательной и познавательной. Вещи, как и люди, не могут оторваться совсем от своего прошлого, тем более (так уж устроена жизнь), что книжные раритеты часто переживают своих владельцев, переходят из одного собрания в другое. И эта «жизнь вещей» тоже достойна нашего внимания.

Ремизовский автограф с его дарственной надписью Щеколдину на сборнике «Луг духовный», как и фотография, попали ко мне из собрания питерского букиниста и коллекционера А.М. Луценко (1940–2008), хорошо известного книжникам обеих столиц. В 1990-е годы он открыл частный магазин «Библиофил» на Лиговском проспекте, торговавший букинистической и антикварной книгой. Посещая Ленинград, я неизменно бывал в нем. С Аркадием Михайловичем всегда было интересно (и полезно) поговорить на различные книжные темы. Сам он упорно подбирал автографы Серебряного века и редкие библиофильские издания, особенно автографы любимых им М. Кузьмина, А. Ахматовой, А. Ремизова. На этом поприще он преуспел, пожалуй, как никто. Несколько раз я бывал у него дома. До позднего вечера велись бесконечные разговоры про книги, на широкий стол в гостиной из шкафов выкладывались новые и новые книжные шедевры.

А.М. Луценко, Б.Н. Варавва и продавцы магазина «Библиофил» В.Н. Тихонов и Г.Н. Нигматуллина. 1994. Фотография из личного архива Б.Н. Вараввы

Книжный поток прерывался лишь на ужин, приготовленный милейшей Ольгой Валерьевной, супругой Аркадия Михайловича, с традиционной «рюмкой чая». И снова книги и разговоры о них. Доза полученного библиофильского «наркотика» долго потом не давала заснуть. Коллекция, подобранная питерским букинистом, была замечательной⁶.

У Ремизова в составленной им самим библиографии изданных книг значилось 82 названия. Луценко сумел за долгие годы упорных поисков подобрать из них 80 (!), причем многие книги были с автографами⁷. Владел он даже тремя рукописными грамотами членов

⁴ Бахрах А. Бунин в халате. По памяти, по записям. США, 1979; Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж, 1980.

⁵ «Обезвельволпал» — Обезьянья Великая и Вольная Палата, шуточное «тайное» общество, придуманное А.М. Ремизовым еще в России в 1908 году. Возглавлял Палату никем никогда не видимый и никому не ведомый царь обезьян Асыка Первый Обезьян Великий. Всеми делами за него управлял Ремизов (бессменный канцеляриус). Людям, заслужившим честь быть принятыми в Палату, Ремизов выдавал (от имени царя Асыки) рукописные жалованные грамоты. Первые обезьяньи «знаки» были выданы в 1908 году, последние — в 1950-х годах. А.В. Бахрах был кавалером и «бывшим указом» (управляющим казной) «Обезвельволпала».

⁶ Многие из этих историй и воспоминаний вошли в книгу А.М. Луценко, изданную после его кончины: Арк. Луценко. Опаленный Серебряным веком. СПб., 2010.

⁷ У А.М. Луценко не было только двух книг А.М. Ремизова: «Е. Заяшские сказки тибетские» (Чита, 1921) и «Плес Иродиады» (Берлин, 1922).

Экслибрис А.М. Луценко

«Обезвелоупала». Теперь эти рукописные грамоты Ремизова являются бесценными раритетами Серебряного века и редко появляются на книжном рынке⁸.

Пополнить ремизиану Луценко когда-то помог (чуть-чуть) и я. Несколько автографов Ремизова после его настойчивых просьб (уговаривать он умел) перекочевали из моего собрания к нему. В обмен он передал автографы других авторов, которые я посчитал тогда более нужными для себя. О двух книжках Ремизова, которых у Аркадия Михайловича на то время не было и которые перешли к нему от меня, расскажу подробнее.

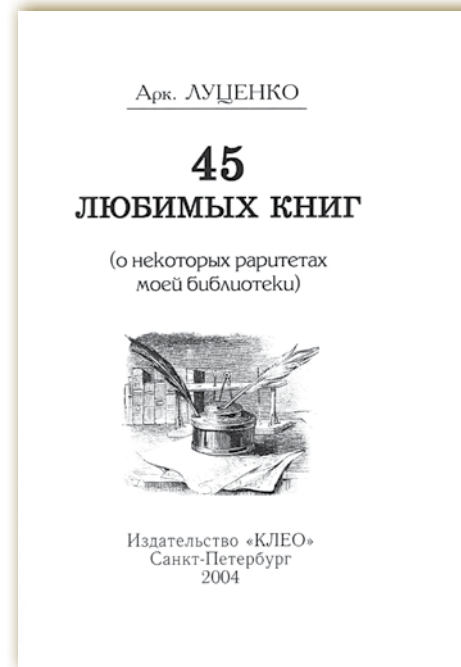
Это повести писателя «Петушок» и «Корявка», изданные отдельными книжками в 1922 году. В обмен за них (обе они были без автографов) я получил сборник стихов В. Ходасевича с его «хорошей» дарственной надписью и был вполне

доволен. После обмена Луценко поинтересовался — откуда у меня эти книжки. Я ответил, что приобрел их у Савина. Услышав имя парижского букиниста, он хмыкнул и добавил, что только у этого книжного зубра и могла оказаться такая редкость (речь шла об одной из двух книжек) и что он эту книжку долго разыскивал. Ложка дегтя в мое радушное настроение была добавлена, и автограф Ходасевича как-то «потускнел». Вообще покупки и обмены с Луценко-букинистом были делом не простым, порой даже мучительным. Но я благодарен ему за многие редкости, попадавшие в мое собрание через него.

В 2004 году Луценко издал тиражом в 100 нумерованных экземпляров

Титульный лист книги А.М. Луценко «Инскрипты А.М. Ремизова из коллекции А.М. Луценко» (СПб., 1993) с дарственной надписью Б.Н. Вараве

Титульный лист книги А.М. Луценко «45 любимых книг. О некоторых раритетах моей библиотеки» (СПб., 2004)

изящно оформленную книгу «45 любимых книг» с подзаголовком «О некоторых раритетах моей библиотеки», у меня книга за № 24 с его автографом. Сегодня ее смело можно отнести к редким изданиям начала уже нашего XXI века, да и как справочное пособие книга весьма полезна. Прошло 4 года, и Луценко не стало. Его «45 любимых книг» стали невольными (может, предчувствие) итоговыми в его собирательской деятельности. На суд читателей автор вынес свои последние библиофильские пристрастия и привязанности. Каждая попавшая в издание книга описана ее обладателем подробно, с любовью и с нескрываемой гордостью.

Из большого корпуса своей ремизианы питерский букинист причислил к «любимым» книгам лишь четыре. Стоит сказать о них отдельно. Первая — самая редкая книга Ремизова, изданная в количестве всего 25 именных экземпляров, «гносиева повесть» писателя «Что есть табак» (СПб., 1908). Экземпляр Луценко принадлежал когда-то искусствоведу барону Н. Врангелю. Следующая — детская сказка Ремизова «Морщинка» (СПб., 1907) с иллюстрациями М. Добужинского (это был дебют художника в книжной графике) с двумя автографами (Ремизова и Добужинского) художнику Константину Сомову. Третья книга Ремизова, не менее редкая, чем «Табак», — русская сказка «Горе злосчастное» (Берлин, 1922), изданная в виде матерчатого свитка, сворачивавшегося в рулон (длина холстины 160 см). Типографским способом рукописный текст Ремизова и рисунки А. Смирнова перенесены на ткань. Выходные данные на оборотной стороне свитка написаны вручную Ремизовым. Ну и последняя, четвертая книга Ремизова, включенная в «45 любимых книг», это и есть наш «Луг духовный» с испорченным, но расшифрованным автографом Щеколдину. Ее питерский

Книга-свиток А.М. Ремизова «Горе злосчастное» (Берлин, 1922)

⁸ См.: Инскрипты А.М. Ремизова из коллекции А.М. Луценко. СПб., 1993.

Фрагменты книги-свитка А.М. Ремизова «Горе злосчастное»
(Берлин, 1922)

Б.Н. Варава и А.В. Савин.
Фотография из личного архива Б.Н. Варава

библиофил-гурман посчитал необычной и вполне достойной быть помещенной среди «жемчужин» его коллекции.

После кончины Луценко часть книг из его собрания в 2012 году продавались на аукционе с символическим названием «450 любимых книг собрания Луценко», организованном редакцией журнала «Про книги», и разошлись по разным частным библиотекам. Но наиболее ценное — автографы Серебряного века и книжные раритеты — попали целиком в одно собрание. Почти все «жемчужины» приобрел известный московский библиофил. Некоторые из автографов

коллекции Луценко недавно были опубликованы⁹.

В приведенном эпизоде обмена книгами с Луценко упомянут парижский букинист Андрей Владимирович Савин (1946–1999), или Андрэ Савин, как его называли. Хотелось бы о нем сказать тоже. Русский парижанин, сын офицера белой армии, родился он уже во Франции, окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Как по части богословия — не знаю (при наших нескольких встречах мы на эту тему не говорили), но специалистом по русскому литературному

зарубежью он, безусловно, стал. Выражение «книжный зубр», которым удостоил Савина в разговоре скупой на похвалы Луценко, тоже кое-что да значит¹⁰.

В 1970-е годы Савин открыл небольшой книжный антикварный магазин на Rue Lamartine, недоступный для широкой публики. Попастъ в него можно было по рекомендации и предварительной договоренности. Магазин располагался в старинном парижском доме с зеленым двориком. Савин собрал большую коллекцию книг и документов русской эмигрантской диаспоры во Франции (около шестидесяти тысяч единиц печат-

ного материала). С полок своего магазина Савин продавал далеко не каждую книгу. Мне казалось, что в нем боролись букинист с коллекционером и первый побеждал далеко не всегда. Наши встречи Андрэ мог прервать на часок походом в уютное кафе, расположенное тут же, в двух шагах от его дома. Он потчевал меня жареной «картошечкой», как он ее называл, запивалось все это недорогим красным вином. Но застольные разговоры продолжались все на ту же «серебряную» тему, нескончаемую и вечную. О Савине как о человеке и букинисте у меня остались теплые воспоминания.

⁹ См.: Искусство автографа. Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов. Т. 1–2. М., 2015.

¹⁰ Подробно о встречах с А.М. Луценко и А.В. Савиным см.: Варава Б.Н. Воспоминания сибирского книжника и антиквара: В поисках Серебряного века. М., 2013.

Обложка каталога аукциона
«450 любимых книг из собрания библиофила
А.М. Луценко» (М., 2012)

Часть своих книг (чуть больше четырехсот) еще при жизни Савин передал в Россию, а после его кончины почти всю его коллекцию приобрел американский университет Северной Каролины. Известно, что долгие годы Савин сотрудничал как букинист и ученый-славист с Гавайским университетом США. После его смерти там ему был установлен памятник. По отношению к почти современному букинисту и коллекционеру факт, согласитесь, неординарный¹¹.

Именно у Савина я купил когда-то последний прижизненный сборник Ремизова с его автографом. К нему и хотелось обратиться в заключитель-

ной части заметок. В последние годы жизни Ремизов говорил: «Долгий мой век, вот в Париже я прожил дольше, чем в Москве». Это же можно сказать и про книги писателя — большая их часть вышла в Ревеле, Праге, Берлине, Гамбурге, Париже, меньшая — в России. Последняя книга Ремизова, изданная в год его кончины, была с символическим для писателя названием «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне» (Париж, 1957). Ведь не многие писатели могли в конце жизни с уверенностью сказать такие слова: «Я прожил полную завидную жизнь — ведь одно то, что я и пишу, и читаю, и рисую только для своего удовольствия, и ничего из-под палки и ничего обязательного!» Именно в таком «круге счастья» протекала почти вся жизнь Ремизова.

Сборник легенд «Круг счастья» вышел в издательстве «Оплешник». Н.В. Резникова вспоминает: «Это было дружественное издательство для писателя». Расходы по изданию книг брали на себя друзья и бескорыстные знакомые Ремизова. Всего в издательстве «Оплешник» было издано восемь его книг, выход в свет девятой книги «Павым пером» не был осуществлен. Книга «Круг счастья» была издана к 80-летнему юбилею писателя на «подарочные средства», собранные его близкими друзьями — членами «Обезвельволпала»¹².

Автограф на «Круге счастья» представляет собой размашистую во всю страницу инскрипт-ропись с указанием двух дат: «Алексей Ремизов. 24.VI–7.VII.1957». Первая дата — день его рождения, а вторая, очевидно, связана с адресатом автографа. Выполнен

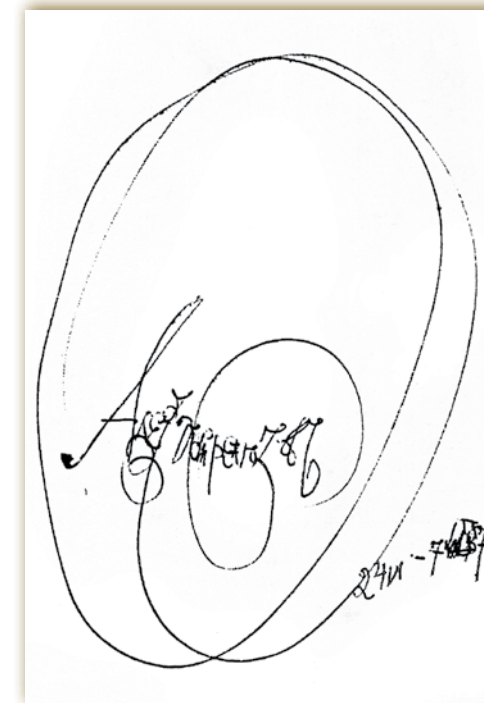
инскрипт пастовой ручкой, входящей тогда в обиход. Надпись прочерчена «на ощупь», отработанным (памятью руки) привычным движением. Буквы и цифры «наползают» друг на друга, что объясняется почти полной слепотой писателя¹³. Я назвал его «грустным» автографом Ремизова — сделал его писатель за несколько месяцев до кончины. Судя по владельческой надписи на этой книге, инскрипт был адресован Анне Морисовне Элькан — скорее всего, одной из тех бескорыстных помощниц, которые заботились о писателе в последние годы его жизни. С ухудшением здоровья и потерей зрения даже прогулки возле дома стали невозможными без посторонней помощи. Не нужно забывать о возрасте и о «сиротстве» писателя после смерти его жены С.П. Ремизовой-Довгелло, верной спутницы всех его жизненных скитаний.

Может, потому полны горечи слова старого писателя, обращенные не столько к своим читателям, сколько к вечной и неутолимой жатве времени: «И никого-то на земле, кто меня слышал: Брюсов, Андрей Белый, Блок, Волошин, З. Гиппиус, Гумилев, Есенин, Кузмин, Сологуб, Вяч. Иванов, Замятин — одни немые кресты на могиле да бескрестные». Только ему и никому другому пришлось сказать эти слова, обращенные к ушедшим его современникам, ему — писателю, ставшему особенной (обособленной) фигурой в русской литературе XX века. И можно вполне согласиться с тем, что сказал об Алексее Михайловиче Глеб Струве: «Если в будущей истории русской литературы в главе о зарубежном ее периоде на первом месте

будет назван Бунин, то рядом с ним, вероятно, будет поставлен столь не похожий на него Ремизов».

О чем в последние дни думал писатель, что «снилось» ему в его снах и представлялось наяву? Великие ли события, современники или его книги — «правдивые и выдуманные», в которых и были все они — люди, события, время?

Скончался А.М. Ремизов 26 ноября 1957 года в Париже, в своей квартире на Rue Boileah. Скончался во сне. С его уходом оборвалась одна из последних живых нитей, связующих Серебряный век русской литературы с нашим нынешним веком.

Автограф А.М. Ремизова на книге
«Круг счастья. Легенды о царе Соломоне»
(Париж, 1957)

¹¹ См.: Киселева Л.И. О муза русская, покинувшая дом...: Поэзия русского зарубежья из собрания А.В. Савина: Каталог. СПб., 1998.

¹² Резникова Н.В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Беркли, 1980.

¹³ Впервые автограф опубликован в кн.: Варава Б.Н. Автографы Серебряного века: Блок. Сологуб. Клюев. Ремизов. Заметки библиофила. СПб., 2004.

РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ

• LE BIBLIOPHILE RUSSE •

РУССКАЯ АНТИКВАРНАЯ КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

12, rue Lamartine - 75009 - Paris - France

Открытый Андреем Савиным в 1979 году в Париже букинистический магазин «Le Bibliophile Russe» служил, как отмечала куратор коллекции Савина в библиотеке Университета Северная Каролина Надя Зилпер, источником материалов по истории русской диаспоры для крупнейших книжных собраний Европы и Северной Америки, таких как Британская библиотека, Берлинская государственная библиотека, Гарвардский университет. Потому, как нам кажется, особый интерес для исследователей и коллекционеров представляют специальные каталоги книжной торговли Савина. В них содержатся описания многих редкостей — все книги имелись в продаже «в очень ограниченном количестве или в единственном экземпляре».

Мы публикуем на страницах нашего журнала один из подобных каталогов, которые сами становятся сегодня весьма и весьма труднонаходимыми. Данный экземпляр происходит из собрания Л.М. Турчинского.

А-17

КАТАЛОГ №

ПРАГА

Издательство „ИЛАМЯ“, Praha II., Ječná 33

Париж 1926 Ташиш 1933

Издательство МОНАРХИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ Харбин, 1938 г.

Русское Универсальное Издательство БЕРЛИНЪ

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ

1. Все книги настоящего каталога имеются в очень ограниченном количестве, или в единственном экземпляре.
 2. Цены указаны нетто во французских франках.
 3. Пересылка за счет покупателей.
 4. Заказы выполняются в порядке очереди их получения.
 5. КНИГИ МЫ ВЫСЛАЕМ СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ ОПЛАТЫ НАШЕГО СЧЕТА, в связи с тем, что количество экземпляров, как правило, один или два.
- Деньги просим высылать по получении нашего счета чеками в любой валюте или почтовыми переводами на имя "Le bibliophile russe"
12 rue Lamartine 75009 Paris, France, A.Savine
6. Мы гарантируем быстрое, четкое, аккуратное выполнение заказа.

О РЕДКОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ РУССКИХ ПОЗТОВ ЗА РУБЕЖОМ

ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ЗА РУБЕЖОМ СТАНОВЯТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕЙ И БОЛЬШЕЙ РЕДКОСТЬЮ. МАЛО ЭТИХ СБОРНИКОВ УЩЕЛЕЛО. ТИРАЖИ, КАК ПРАВИЛО БЫЛИ ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ — САМЫЕ БОЛЬШИЕ ТИРАЖИ ДОХОДИЛИ ДО 3000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ НЕПОЯТНЫМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ, ИБО ПОЭЗИЯ, КАК ТАКОВАЯ, НЕ ИМЕЛА ВОЛЬНОГО СПРОСА СРЕДИ РУССКОГО РАССЕЯНИЯ. ЧИТАЛИ И ПОКУПАЛИ ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ, В ОСНОВНОМ, В ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ КРУГАХ. КУДА БОЛЬШИМ УСПЕХОМ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ: РУССКИЕ КЛАССИКИ, БЕЛЛЕТРИСТИКА, ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КНИГИ, ВОСПОМИНАНИЯ И Т.Д.

ЧАЩЕ ВСЕГО ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ВЫХОДИЛИ ОТДЕЛЬНЫМИ ТИРАЖАМИ ОТ 50 ДО 500 ЭКЗЕМПЛЯРОВ, ТАКОВ БЫЛ СРЕДНИЙ ТИРАЖ ИЗДАТЕЛЬСТВА "РИМА". ОЧЕНЬ ЧАСТО ЭТИ КНИЖКИ ИЗДАВАЛИСЬ ЗА СЧЕТ АВТОРА, И БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ТИРАЖА ХРАНИЛАСЬ НА ДОМУ. ПЕРВЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ БЫЛИ ДАРСТВЕННЫМИ ИЛИ ПОСТУПАЛИ В ТУ ИЛИ ИНУЮ РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА, И ТОЛЬКО НЕКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ РАСХОДИЛОСЬ ПО КНИЖНЫМ МАГАЗИНАМ, ОСОБЕННО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ПОЭТ БЫЛ МАЛО ИЗВЕСТЕН. ОСТАВАЮЩАЯ ЧАСТЬ ТИРАЖА ЛЕЖАЛА У САМОГО ПОЭТА, И ЧАСТО В КОНЦЕ КОНЦОВ ИСЧЕЗАЛА ПОСЛЕ ЕГО КОНЧИНЫ, КАК НЕКИЙ НИКОМУ НЕ НУЖНЫЙ ГРУЗ БУМАГИ, НА КАКОЙ-НИБУДЬ СВАЛКЕ ПАРИЖА, НЬЮ-ЙОРКА ИЛИ ЛОНДОНА. ИСТОРИЯ ИНОГДА ЖЕСТОКО РАСПРАВЛЯЛАСЬ С РУССКИМИ КНИГАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ — ЦЕЛЫЕ СКЛАДЫ ЭТИХ КНИГ ИСЧЕЗЛИ В БЕРЛИНЕ / ИЗД-ВА ПЕТРОПОЛИС, ПАРАБОЛА, ГРЖЕБИНА, СЛОВО/, В ПРАГЕ, В ВАРШАВЕ, В СОФИИ, В БЕЛГРАДЕ, В ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАНАХ, В МАНЬЧУРИИ, В ШАНХАЕ.....

ПОЭТОМУ РУССКИХ КНИГ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ ОСТАЕТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ И МЕНЬШЕ, А ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ СТАНОВЯТСЯ РЕДКОСТЬЮ.

ВНИМАНИЮ СОБИРАТЕЛЕЙ И ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ РЕДКОЙ КНИГИ

Впервые после кончины
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА
РЕМИЗОВА в 1957 г.
вышло в свет НОВОЕ ДО СИХ
ПОР НЕ ИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ
А. М. РЕМИЗОВА

КНИГА ИЗДАНА
В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
РЕМИЗОВСКИХ ИЗДАНИЙ:
В ДУХЕ КНИГ, ИЗДАВАЕМЫХ
САМЫМ АВТОРОМ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
"ОПШЕЛНИК".

ТИРАЖ : 100 НУМЕРОВАННЫХ
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ТЕКСТ НАБРАН ПО СТАРОЙ ОРФОГРАФИИ.

68 стр. РИСОВАНАЯ ОБЛОЖКА. ПАРИЖ 1983 г. ОТПЕЧАТАНО НА БЫШЕГО КАЧЕСТВА
МЕЛОВАННОЙ МАТОВОЙ БУМАГЕ.

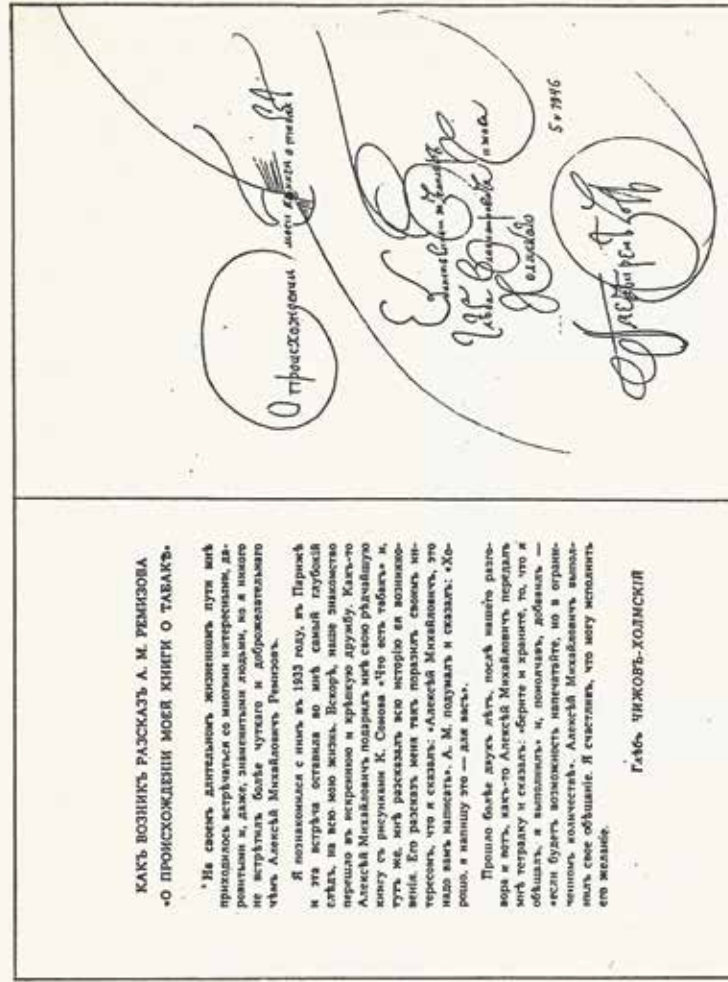
КАЖДАЯ КНИГА ЯВЛЯЕТСЯ БИБЛИОФИЛЬСКИМ ЭКЗЕМПЛЯРОМ И ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ
СТАНЕТ КНИЖНЫМ РАРИТЕТОМ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕДКОСТЬЮ.

ЦЕНА : 300 фр. фр.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО
АДРЕСУ

• LE BIBLIOPHILE RUSSE •

12, rue Lamartine - 75009 - Paris - France

Алексей Ремизов — Галбэ, Чижовъ-Холмский

- СКЛАД ИЗДАНИЯ -

Librairie Ancienne
LE BIBLIOPHILE RUSSE
12, Rue Lamartine
75009 PARIS

Téléph. : 878.91.02 — FRANCE

— МНОГОУВАЖАЕМЫЕ ЛЮБИТЕЛИ РУССКОЙ КНИГИ, РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ,
ГОСПОДА БИБЛИОГРАФЫ, ЧАСТНЫЕ СОБИРАТЕЛИ! —

— НАМ ХОТЕЛОСЬ БЫ, ЧТОБЫ ВЫ ПРОЧИТАЛИ ЭТО УМАЛЕНЬКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ, ПРЕЖДЕ
ЧЕМ ПРОСМОТРЕТЬ СОДЕРЖАНИЕ НАШЕГО ОЧЕРЕДНОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО КАТАЛОГА:

РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА ОСТАВИЛА НАМ МНОГО ИЗВЕСТНЫХ ИМЕН: В ЛИТЕРАТУРЕ
АЛДАНОВ, НАВОКОВ, ЗАЙЦЕВ, ШМЕЛЕВ, БУНИН И ДР., В ФИЛОСОФИИ — БЕРДЯЕВ, БУЛГАКОВ,
ЛОССКИЙ, ФРАНК И ДР., А ТАКЖЕ МНОГО ИЗВЕСТНЫХ ИМЕН В ИСТОРИИ И ДРУГИХ НАУКАХ.
РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ЗА РУБЕЖОМ ДАЛА МИРУ ЦВЕТАЕВУ, ХОДАСЕВИЧА, БАЛЬМОНТА, ГВОРГИЯ
ИВАНОВА, Э. ГИППИУС И МНОГИХ ДРУГИХ ПОЭТОВ, НАЧАВШИХ СВОЮ ТВОРЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ В
РОССИИ И ПРОДОЛЖАВШИХ ТВОРИТЬ И ПЕЧАТАТЬСЯ ЗА РУБЕЖОМ. НО НЕ О НИХ СЕЙЧАС ПОЙДЕТ
РЕЧЬ.

РЕЧЬ ПОЙДЕТ О ТЕХ ОСТАЛЬНЫХ ПОЭТАХ, А ИХ БОЛЬШИНСТВО / 90%, ПРИМЕРНО /, О ТОМ
ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОЕ, ТОМ ЛИТЕРАТУРНОМ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЯВЛЕНИИ, О КОТОРОМ И КО-
ТОРЫХ НИКОГДА НИКТО НЕ ПИСАЛ, СЛЕЗЫ И РАДОСТИ КОТОРЫХ НИКЕМ НЕ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ.
ИНТЕРЕСЕН ТОТ ФАКТ, ЧТО В 1920 — 1940 ГГ. МОЛОДЫХ НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ БЫЛО ГО
РАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОЗАИКОВ. И КАЖДЫЙ ПОЭТ СТРЕМИЛСЯ ИЗДАТЬ СВОИ СТИХИ, ЧАСТО
ГОЛОДАЯ И НЕ НАДЕЯСЬ НА КАКОЙ-ТО ЗАРАБОТОК, А НАОБОРОТ ТРАТЯ НА ЭТО КАЛКИЕ
ДЕНЬГИ, ЗАРАБОТАННЫЕ ЧАСТО ТЯЖКИМ ТРУДОМ НА ЗАВОДАХ, ШАХТАХ.... СТИХИ ИЗДАВАЛИ
НА БУМАГЕ ДЛЯ ОБОЕВ / БОКНЕВ /, НА РОТАТОРЕ, ЧАСТО ИХ ПИСАЛИ ОТ РУКИ И ДО СИХ ПОР
ЕЩЕ ПОПАДАЮТСЯ РУКОПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ, НАПИСАННЫЕ КОГДА-ТО В ДВУХ-ТРЕХ ЭКЗЕМПЛЯ-
РАХ ДЛЯ ДРУЗЕЙ. ЭТО БЫЛА ЦЕЛАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

НО ПОЧТИ ВСЕ ЭТИ ПОЭТЫ ОСТАЛИСЬ НЕИЗВЕСТНЫМИ ШИРОКОМУ КРУГУ РУССКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ,
ЕЩЕ И ПОТОМУ, ЧТО В ИХ СУДЬБАХ НЕ БЫЛО НИЧЕГО НЕОБЫКНОВЕННОГО, ОНИ ПРЕЖИЛИ
ОБЫДЕННУЮ СУРОВУЮ ЖИЗНЬ РЯДОВОГО ЭМИГРАНТА, ОБ ИХ СУДЬБАХ ЧАЩЕ ВСЕГО НИЧЕГО НЕ
ИЗВЕСТНО, ЕДИНСТВЕННЫЙ СЛЕД, ОСТАВШИЙСЯ ПОСЛЕ НИХ — ЭТО ИХ СТИХИ.

ЕСТЬ В КАЖДОМ ГОСУДАРСТВЕ-МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА, СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК
ВОИНАМ, ОТДАВШИМ ЖАЗНЬ ЗА СВОЕ ОТЕЧЕСТВО; МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ПОЭТЫ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ ЯВЛЯЮТСЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ СОЛДАТАМИ ПЕРЕД ЛИЦОМ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ, ПЕРЕД
ЛИЦОМ ИХ МУЗЫ — РУССКОЙ РОДИНЫ.

ЭТИ НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОИНЫ — ПОЭТЫ НЕСЛИ ПО МЕРЕ СВОИХ СКУДНЫХ СИЛ СВЕТОЧЬ И ГО-
РЕНИЕ РУССКОГО СЛОВА.

НЕСМОТЯ НА ВСЕ ТРУДНОСТИ, ЛИШЕНИЯ, РУССКАЯ ДУША ИЗЛИВАЛАСЬ В РИФМАХ, ИНОГДА
ЭТО БЫЛИ СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ, ИНОГДА ПЕСНИ, НО ЧАЩЕ ВСЕГО ПРОСТО СТИХИ,
ИНОГДА ТАЛАНТЛИВЫЕ, ИНОГДА НЕ ОЧЕНЬ, НО ВСЕГДА ПЛАЧ ПО ОСТАВЛЕННОЙ РОДИНЕ,
ВСЕГДА БОЛЬ ЗА СУДЬБЫ БЕЗВЕСТНЫХ РУССКИХ, РАССЕЯННЫХ В ЗАРУБЕЖЬИ, БЕЗ ВИНЫ
ВИНОВАТЫХ, НЕСУЩИХ ТЯЖКИЙ ГРУЗ СВОИХ И ЧУЖИХ ГРЕХОВ НА СВОИХ СЛАБЫХ ПЛЕЧАХ.
УЖЕ ТОТ ФАКТ, ЧТО ПОЭТ РЕШИЛ ПЕЧАТАТЬ И НАПЕЧАТАЛ СВОИ СТИХИ, ЧАЩЕ ВСЕГО ЦЕЛОУ
НОВА НЕИМОВЕРНЫХ УСИЛИЙ, ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАКОГО-ТО ДЕРЗНОВЕНИЯ, ПОРывА И НЕЗА-
УРЯДНОЙ ЛИЧНОСТИ.

ИЗ ВСЕГО ЭТОГО ПОНЯТНО, ЧТО ВСЕ ЭТИ КНИГИ СТАНОВЯТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕЙ БИБЛИОГРАФИ-
ЧЕСКОЙ РЕДКОСТЬЮ, ВСЕ РЕЖЕ И РЕЖЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ ИХ ПОСЛЕДНИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ НА РУС-
КОМ КНИЖНОМ РЫНКЕ.

НО САМ ФАКТ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ЭМИГРАЦИИ МНОГОЧИСЛЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТОВ ДОКАЗЫВАЕТ
ЖИВУЩЕСТВО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭМИГРАЦИИ.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ЗА РУБЕЖОМ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЕЩЕ ЖДЕТ
СВОЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ЛЕТОПИСЦА, НО ПОКА НАША С ВАМИ ОБЩАЯ ЦЕЛЬ, ЧТОБЫ НЕ
ПОГАСЛИ ЭТИ МАЛЕНЬКИЕ ОГОНЬКИ, ЧТОБЫ КАЖДАЯ КНИГА ПОЭЗИИ СОХРАНИЛАСЬ, А НЕ
ИСЧЕЗЛА, И ПОЭТОМУ КАЖДОЕ УВАЖАЮЩЕЕ СЕБЯ СОБРАНИЕ РУССКИХ КНИГ ДОЛЖНО ИМЕТЬ
КОЛЛЕКЦИЮ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ, ИЗДАННЫХ В ЭМИГРАЦИИ.

— РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ —

К МАТЕРИАЛАМ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ / РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ЭМИГРАЦИИ/

1. АРКАДИЙ А. Настроения. Сборник стихотворений. Брюссель 1934. Изд-во " Зарница ". Стр.76. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.16. 350 ф.
2. БЛОХ РАИСА НОЕВНА / 1899 - 1943 гг./ Мой город. Берлин 1928. Изд-во " Петрополис ". Стр. 56. Бумажная рисованная обложка работы художника Н.ЗАРЕЦКОГО. БИБЛ.: Штейн, стр. 28. 425 ф.
3. БЛОХ РАИСА НОЕВНА / 1899 - 1943 гг./ Тихина. Стихи 1928 - 1934 гг. Берлин 1935. Изд-во " Петрополис ". Стр. 56. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.28. 425 ф.
4. БОНДАРЕНКО В.Л. Осенние листья. Стихи. Нью-Йорк 1926. Стр.122. Бумажная рисованная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.29. 320.ф.
5. БОРОДИНА МИРРА ИВАНОВНА и БЛОХ РАИСА НОЕВНА. Заветы. Стихотворения Мирры Бородиной и Раисы Блох. Брюссель 1939. Изд-во " Петрополис ". Стр. 70. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.30. 385 ф.
6. БРОФЕЛЬДТ ЕВГЕНИЙ. Стихи. Белград 1936. Стр.16. С портретом Александра I - короля Югославии. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.32. 350 ф.
7. БУЛИЧ ВЕРА СЕРГЕЕВНА / - 1954 г./ Бурелом. Стихи. Книга третья. Хельсинки 1947. Издание автора. Стр.70. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 33. 220 ф.
8. БУЛЫГИН ПЕТР ПЕТРОВИЧ. Стихотворения. / 1913 - 1922 гг./ Берлин 1922?. Стр.136. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 34. 250 ф.

9. ГЛАДИЦЕВ ПЕТР. Сны на лву. Берлин 1933. Изд-во " Парабола ". Стр.80. ТИРАЖ 300 экз. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 46. 425 ф.
10. ГРОССЕ ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ. Видение. Шанхай 1926. Стр.14. Бумажная рисованная обложка. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. 250 ф.
11. ГРОССЕ ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ. Грехопадение. Шанхай 1926. Стр.6. Бумажная рисованная обложка. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. 250 ф.
12. ГРОССЕ ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ. Кремль. Поэма; Лэва Гроссе. Шанхай 1926. Стр.24. Бумажная рисованная обложка. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. 250 ф.
13. ГРОССЕ ЛЕВ ВИКТОРОВИЧ. Я, Вы и Он. / Роман в стихах из жизни шанхайских эмигрантов/. Шанхай 1930. Стр.317. Бумажная рисованная обложка работы художника А.А. ЯРОНА. БИБЛ.: Штейн, стр.51. 475 ф.
14. ДВОРЯНИЦКАЯ Е. Град Китеж. Сборник стихотворений. Сан-Франциско 1958. Изд-во " Штандарт ". Стр. 34. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.53. 150 ф.
15. ДЖЕМБУЛАТ В. / Ольга/. Край отцов. / Стихи/. Берлин 1934. Изд-во " Парабола ". Стр. 72. Бумажная рисованная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 53. 450 ф.
16. ЗАРНИЦА. Новый Сад 1936. / Югославия/. Издание " Русской Матицы ". Стр.32. С прекрасным предисловием от правления " Русской Матицы ". В Сборник вошли стихотворения: В.И.МАЙБОРОДОВА, В.ДОРОЖНЕВЫЙ и А.Г.БАЛЫЦА. Бумажная обложка. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. 375 ф.
17. КАРАМЗИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА. Ковчег. Таллинн 1939. Склад издания " Русская книга ". Стр. 84. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 66. 425 ф.
18. КАРЕЛИН Ю. / псевд. наст. фам. БРОНИТЕЙН ПЕТР АБРАМОВИЧ, 1881 - 1944 гг./ Горький цвет. Берлин 1932. Изд-во " Петрополис ". Стр. 64. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 67. 450 ф.
19. КАШИЦЕВ ФЕОДОР. Дерзо- Коран. / Стихи/. Константинополь 1924. В Типографии Л.Бабок и С-вья. Стр.213 +У11. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 67. 425 ф.
20. КРЕЧЕТОВ СЕРГЕЙ / псевд. наст. фам. СОКОЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, 1878 - 1936 гг./ Железный перстен. Берлин 1922. Изд-во " Медный всадник ". Стр. 127. Бумажная обложка работы художника Н. ЗАРЕЦКОГО. 495 ф.
21. МАНДЕЛЬШТАМ КРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ / 1908 - 1943 гг. Парижский поэт, погиб в немецком концлагере/. Третий час. Стихи. Берлин 1935. Изд-во " Парабола ". Стр. 47. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 86. 695 ф.
22. МАРИЯ / Мать Монахиня Мария, КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА ЕЛИЗАВЕТА КРЬЕВНА, 1891 - 1945 гг./ Стихи. Берлин 1932?. Изд-во " Петрополис ". Стр. 97. С АВТОГРАФОМ. Бумажная обложка. 750 ф.
23. МАРИЦОВСКИЙ ФЕДОР. Душевные струны. / Стихи/. Вильно 1937. Стр.80. Обложка работы художника В.ОТРИЩЕНКО. БИБЛ.: Штейн, стр. 88. 425 ф.
24. МЕРКУРЬЕВ И. Голос военнопленного. / Поэма/. Берлин 1922. Стр.86. С предисловием автора. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 89. 185 ф.
25. МЯТЛЕВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ. Фон-Братен. / Роман в стихах/. Берлин 1922. Издание книжного магазина " Град Китеж ". Стр. 84. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 91-92. 250 ф.
26. НУАР ЖАК / псевд. наст. фам. ОКСНЕР ЯКОВ/. На сквозняке. Берлин 1927. Изд-во " Чужбина ". Стр. 96. / Стихотворения 1917 - 1927 гг./ Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 98. 450 ф.
27. ОДУП НИКОЛАЙ АВДЕЕВИЧ / 1894 - 1958 гг./ Град. Берлин 1923. Изд-во С.Эфрон. Стр. 56. ПЕРВОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИЗДАНИЕ. Бумажная рисованная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 100.; Тарасенков, стр. 288. 750 ф.

28. РАТГАУЗ ДАНИИЛ МАКСИМОВИЧ / 1869 - 1937 гг./ О жизни и смерти. Стихи. Прага - Дейвице. 1927. Издание "Чешская беллетристика". Стр. не нумерованы. С АВТОГРАФОМ. Бумажная рисованная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.110. РЕДКОСТЬ. 950 ф.
29. РАСАЛОВИЧ СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ / 1875 - 1943 гг./ Эга. Берлин 1923. Изд-во Л.Д.Френкеля. Стр.32. Бумажная рисованная обложка работы художника Ксении БОГУСЛАВСКОЙ. БИБЛ.: Штейн, стр. 110. Тарасенков, стр.316. РЕДКОСТЬ. 850 ф.
30. САРАНА ЗИНАИДА / псевд. наст. фам. Княгиня ШАХОВСКАЯ ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА, 1906 г./ Двадцать о ну. Брюссель 1927. Стр.35. ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТИХОВ. ТИРАЖ НЕ БОЛЕЕ 100 экз. Бумажная обложка БИБЛ.: Штейн, стр.114. 375 ф.
31. СУМБАТОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ / Князь, 1893 - / Стихотворения В. Сумбатова. Мюнхен 1922. Издание книжного магазина "Град Китеж". Стр. 130. ТИРАЖ 300 экз. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 124. 250 ф.
32. ТАЛЬ АННА. В пути. Стихи. Берлин 1929. Стр.44. Стихи 1925 - 1928 гг. Бумажная рисованная обложка. 450 ф.
33. ТЕРАПИАНО КРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ / 1892 - / Лучший звук. Мюнхен 1926. Изд-во Милавида. Стр. 64. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 126. 675 ф.
34. ТЕМНИГОРЕВ СЕРГЕЙ. Кляком пера. 1923?. Место издания не указано. Стр. 32. С рисунками. Бумажная обложка. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. 375 ф.
35. ТУТКОВСКИЙ ПАВЕЛ. Бедная Лиза. / Белградские силуэты/ Белград 1925. Склад издания "Воеславский книжный магазин". Стр. 47. Шутка-мозаика в одном действии. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. Бумажная обложка. 375 ф.
36. ЧАЦКИЙ ЛЕОНИД. Ладья. Берлин 1922. Изд-во Гутнова. Стр.58. Бумажная рисованная обложка. БИБЛ. Штейн, стр.138. 475 ф.
37. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ. Кругок русских поэтов в Америке. Нью-Йорк 1949. Стр.140. Поэты: Н. АЛЛ, Е.АНТОНОВА, А.БИСК и др. Бумажная обложка. 375 ф.
38. Князь ШАХОВСКОЙ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ / СТРАННИК, Архиепископ ИОАНН САЛ-ФРАНСИССКИЙ/. Песни без слов. Брюссель 1924. Издательство русских писателей в Бельгии. Стр.30. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр.141. 475 ф.
39. ПЕКЛЯР ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ. Вечерняя степь. Берлин 1923. Книгоизд-во писателей в Берлине. Стр.40. ТИРАЖ 200 экз. Обложка работы художника Л.ГОЛУБЕВА-БАГРИНОРОДНОГО. Бумажная обложка. БИБЛ.: Штейн, стр. 143. 350 ф.
40. ЯНСОН АНАТОЛИЙ. Царь Света Незримого. Финляндия 1926. Изд-во "На чужбине". Стр.34. Бумажная обложка. НЕТ В БИБЛИОГРАФИИ. О трагической судьбе Императора Николая 2. 350 ф.

ВСЕ ПРЕДЛАГАЕМЫЕ НАМИ КНИГИ - В ОТЛИЧНОЙ И ОЧЕНЬ ХОРОШЕЙ СОХРАННОСТИ.

28

38

29

17

20

32

13

37

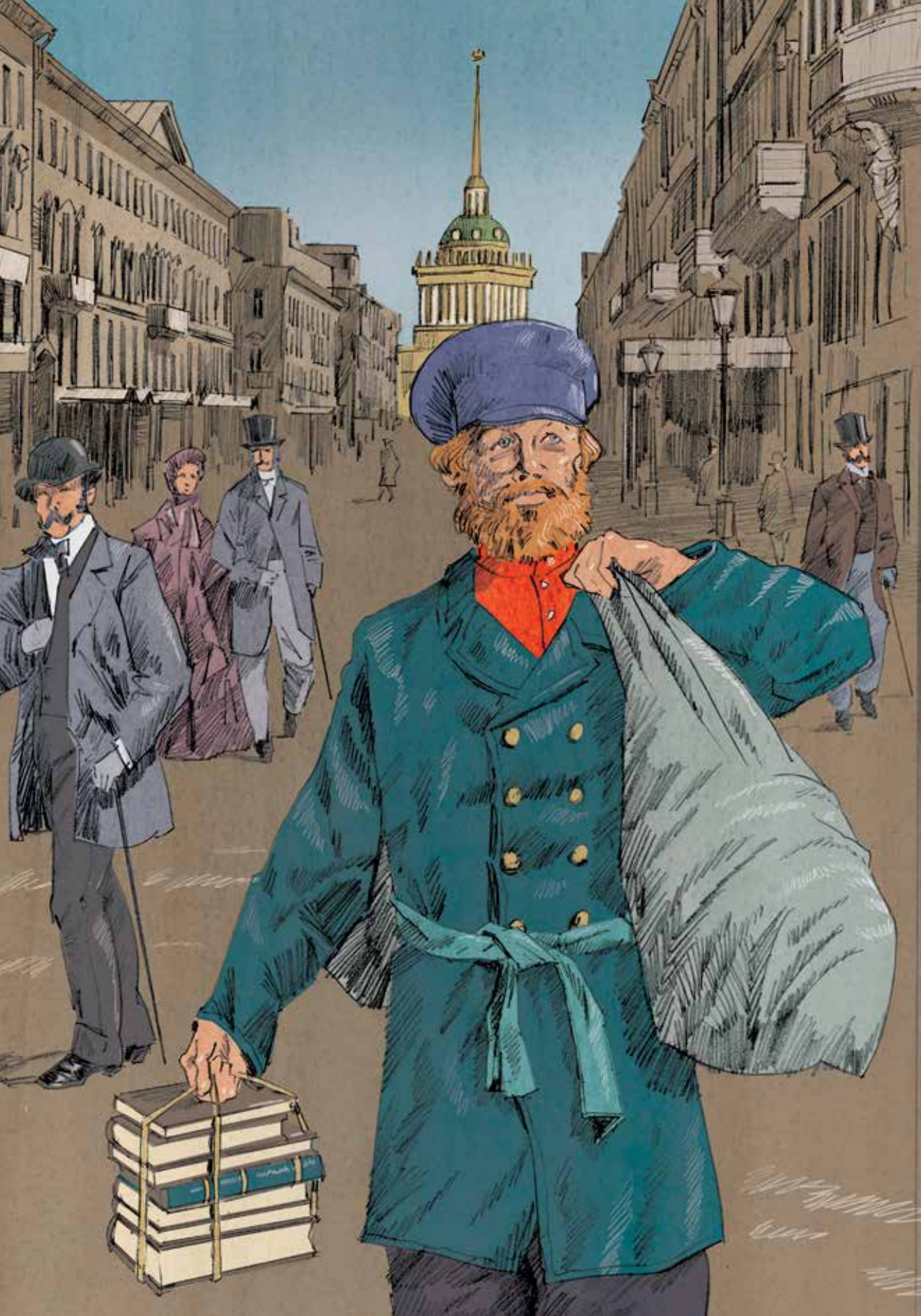
23

36

16

Букинист

Из очерка «Петербургские разносчики»¹

П.В. Ефёбовский

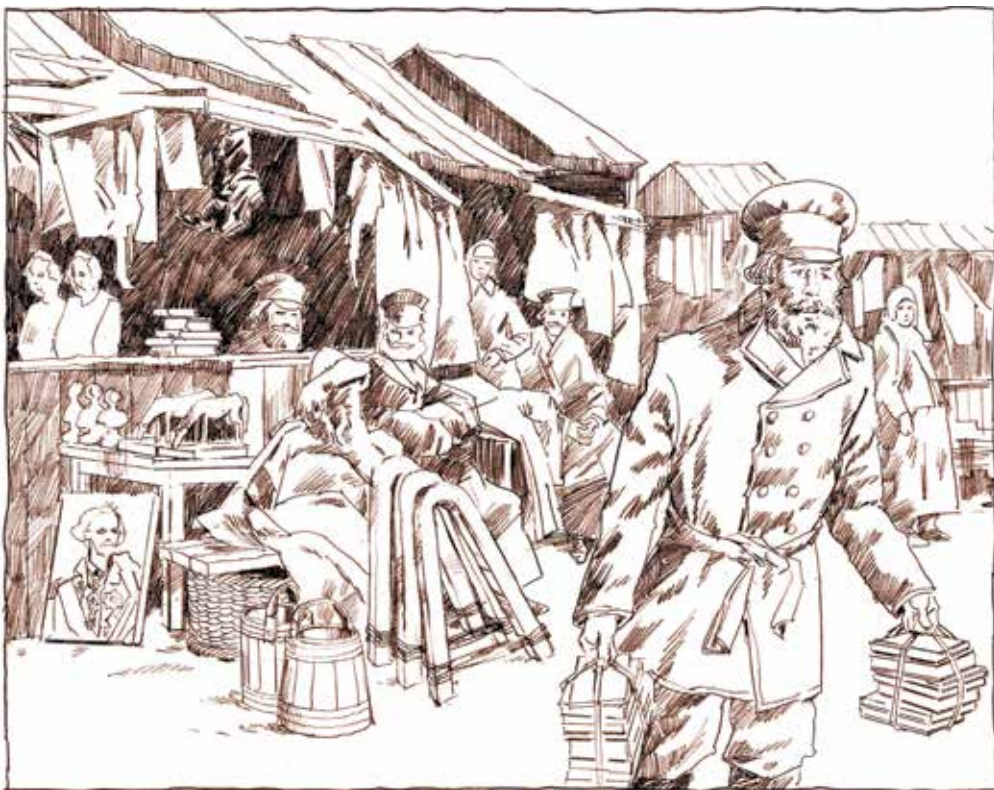
Правду говорят, что русского человека куда ни кинь, везде годится, на все способен, всему выучится, ко всему приладится. Только дайте ему хорошего учителя. А какой же учитель может быть лучше нужды? И признаться сказать, только этот учитель и в состоянии победить обыкновенную беспечность русского человека. Чтобы не обращаться к предметам посторонним, я приведу в пример ту же самую толпу разносчиков, которую мы только что вывели на сцену. Кто, как не нужда, гонит их за пять, за шесть сот верст от домашней хаты? Кто, как не нужда, заставляет раз узнавать потребности жителей столицы? Нужда выгнала, попытались прийти, развернуть ум, способности, дремавшие до того, — и вышло хорошо. Кроме нужды, и пример великое дело. Иван в Питере нажил копейку, дай-ка и я то же сделаю. Сделал — хорошо, — и вот целая толпа горемык, поселенных на плохой земле, не имеющих часто ни кола, ни двора, идут в Питер и все возвращаются с копейкою в кармане.

— Кой черт, — думает Трофим, — все идут в Питер, все налаживаются, а иные даже успели и каменные дома построить и в мещане записаться! Да и что за люди!

Почти ни один грамоты не знает и никакому ремеслу не учился. А я, слава тебе господи, грамоту-то смекаю, как свои пять пальцев, недаром целый год

у волостного писаря помощником был! Да и не только русскую грамоту, а благодаря сыну отца Василия — дай ему бог много лет здравствовать, — и латинские буквы сумею разобрать! Неужели и мне не найдется места в Питере? Как не найтись, иди только. И пришел Трофим в Питер, и принес с собой на разживу капитала без малого сто рублей. Пришел, да и смотрит, за что бы ему приняться. Яблоки или грушу вареную продавать такому ученому мужу, как Трофим, не пригодится. Торговал у него дядя на Толкучем разным старым тряпьем. Приютился сначала Трофим к дяде, который и пустил его по городу собирать старое тряпье. Ходит Трофим по дворам да покрикивает козлиным голосом: старого платья, старого меду продать! и приносит к дяде каждый вечер целую кипу тряпок. На первый случай, конечно, хорошо, зашибить копейку можно, но и это ремесло не по Трофиму: он, по своему образованию, стоит слишком высоко над ветошниками Толкучего рынка! Надобно выбрать что-нибудь другое. Видит Трофим на том же рынке целые груды разных книг и от времени до времени, по знакомству с книжными торговцами, возьмет да и прочтает то ту, то другую книгу. Пришла ему, наконец, в голову идея, за которую он крепко ухватился. — Постой-ка, — думает он, — попробую, вместо тряпья, носить да продавать книги. Именно так! Только

¹ Текст печатается по изданию: Очарованные книгой: русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. М., 1982. С. 97–106. Иллюстрации выполнены специально для настоящего номера журнала «Про книги» И.А. Сакуровым.

надобно применить к этому делу. Идет Трофим в книжную лавку да спрашивает: а позвольте узнать, что стоит такая-то книга? Отвечают ему: пять рублей. — А вчера эту же книгу, да еще в переплете, отдавали ему на Толкучем за четвертак. — Хорошо, ладно, — думает Трофим, — будем смекать! Куплю за четвертак, продам за полтинник — придется капитал на капитал! — И вот Трофим знакомится и дружится с мальчиком из книжной лавки, узнает от него, какие книги наиболее покупаются, запасается каталогом Смирдина, сравнительно с ним закупает на Толкучем целую кипу книг, почти за ничто, и отправляется с ними по городу. Вот вам начало букиниста!

Ко всему этому — какое счастье — Трофим, толкаясь по улицам Петербурга, встречает сына отца Василия, того

самого, который учил его некогда разбирать латинские буквы. Он кончил курс в семинарии и приехал на службу в Петербург. Хотя сын отца Василия и чиновник, однако ж он не загордился: он так же добр и милостив с Трофимом. А Трофиму это и на руку. Благодаря сыну отца Василия, он выучился разбирать заглавия не только латинских, но также французских и немецких книг. Он уже без запинки, взглянув на заглавный лист, говорит: эвр де мосье де Вольтер, или: Гетес земтлихе верке. В благодарность за это он натаскал своему приятелю полную комнату книг и латинских, и французских, и немецких, и все за бесценок, за ту же цену, за которую сам купил. А кладовая Трофима, откуда он приобретает столько книг, была и есть Толкучий рынок, изобилующий, по признанию самого Трофима,

книжным товаром более, нежели всеми прочими.

Изяснив, в лице Трофима, происхождение промысла букиниста, я беру на себя смелость изобразить в нескольких словах и самую характеристику этого замечательного разносчика.

Букинист уже и по своему наружному виду существенно отличается от других разносчиков. Одет он, правда, так же, как и они, в суконный кафтан, большею частью синего цвета, и подпоясан кушаком; но разница, и весьма важная, доказывающая, что он по образованию стоит выше других разносчиков, заключается в его обращении, манерах, а также и в подстриженной бороде. Поступь его, ухватки и разговор являют человека, понимающего важность торговли, которою он занимается, торговли, удовлетворяющей не суетным потребностям роскоши и не пошлым требованиям вседневной жизни, но высоким требованиям ума и души. Он не балагурит, а ведет себя тихо, скромно и с должною сану важностию. Говорит он тихо и не совсем правильно, но довольно хорошо и особенно старается заимствовать выражения из книг, с которыми так много обращается. Вообще разговор его доказывает, что он много читал и значительно расширил сферу своих понятий; а подстриженная борода может служить признаком того, что он, не желая отстать от обычаев сословия, к которому принадлежит, более своих товарищей, однако ж, приблизился к сословию безбородому и образованному. Впрочем, такое нейтральное положение бороды букиниста можно объяснить еще и другими обстоятельствами. Вероятно, до него, как до человека, следящего за образованием, дошел слух о нерешенном еще ныне и колеблющемся европейском вопросе: признавать ли бороду признаком обра-

зованности. И я позволю себе думать, что вслед за решением сего вопроса должна прекратиться и нейтральность бороды букиниста, а именно: если решение склонится в пользу бороды, то букинист отпустит ее вполне, в противном же случае сбреет ее также вполне.

Товар свой букинист носит в холщовом, узком и длинном мешке. Мешок этот, с прорехою посередине, перекидывается через плечо так, что часть книг лежит у букиниста на спине, а другая на груди. Кроме этого мешка, букинист несет еще в руке другой мешок, также из холста, и наполненный книгами.

Уважая собственное достоинство, букинист не кричит по улицам, как другие разносчики, однако ж позволяет себе остановиться перед окнами дома, где на него обратили внимание, и махать книгами, находящимися у него в руках, как бы спрашивая: не прикажете ли войти? Если его позвали, он входит, становится на одно колено и сбрасывает с плеча мешок с книгами. Следует, разумеется, вопрос: какие у тебя книги? Букинист без запинки отвечает: романы-с — и вслед за тем начинает выбрасывать книги, провозглашая их названия:

- Он и она, — роман господина...
- Мимо, — прерывает покупатель.
- Леонид, сочинение...
- Мимо, мимо!
- Студент и княжна...
- Мимо!
- Учительская дочка, прекрасная Астраханка...
- Мимо, все-таки мимо!
- Сочинения дворянина Кукареку...
- Кой черт! — восклицает нетерпеливый покупатель, — ты все дрянь показываешь! Разве лучше ничего нет?
- С собой нет-с, а можно достать.
- И кроме романов можешь что-нибудь достать?

— Все, что угодно! А впрочем, если прикажете, со мной есть еще разные путешествия, истории...

— Покажи.

Букинист снова начинает возиться в мешке; но прежде, нежели дойдет до обещанных путешествий и историй, пытается навязать некоторые из своих книг.

— Вот-с Юрий Милославский.

— Читано.

— А может статья, вот эту желаете, — продолжает он, вытаскивая целую кипу книг какого-нибудь полуизданного журнала, которого издатель начал пышным объявлением, а кончил, увы! не доавши пяти книг. Купите, сударь, все семь книг, дешево отдам!

— Как семь книг? А где же остальные?

— Редактор обещает издать в будущем году. В этом году у него, вишь, денег не хватило. Угодно купить журнал?

— Читай его сам.

Дошла, наконец, очередь до требуемых книг. Букинист провозглашает:

— Путешествие по России в двадцати губерниях...

— Дичь, дичь!

— Путешествия на луну...

— Вздор.

— Путешествие по Невскому проспекту...

— Нет, это уж из рук вон! ты, кажется...

— А вот и истории-с. История господина Эртова, история господина... плачевная история...

— Нет, послушай, любезный, ты, кажется, смеешься надо мной!

— Помилуйте, как можно-с!

— Зачем же все вздор показываешь?

Неужели у тебя ничего нет получше этого?

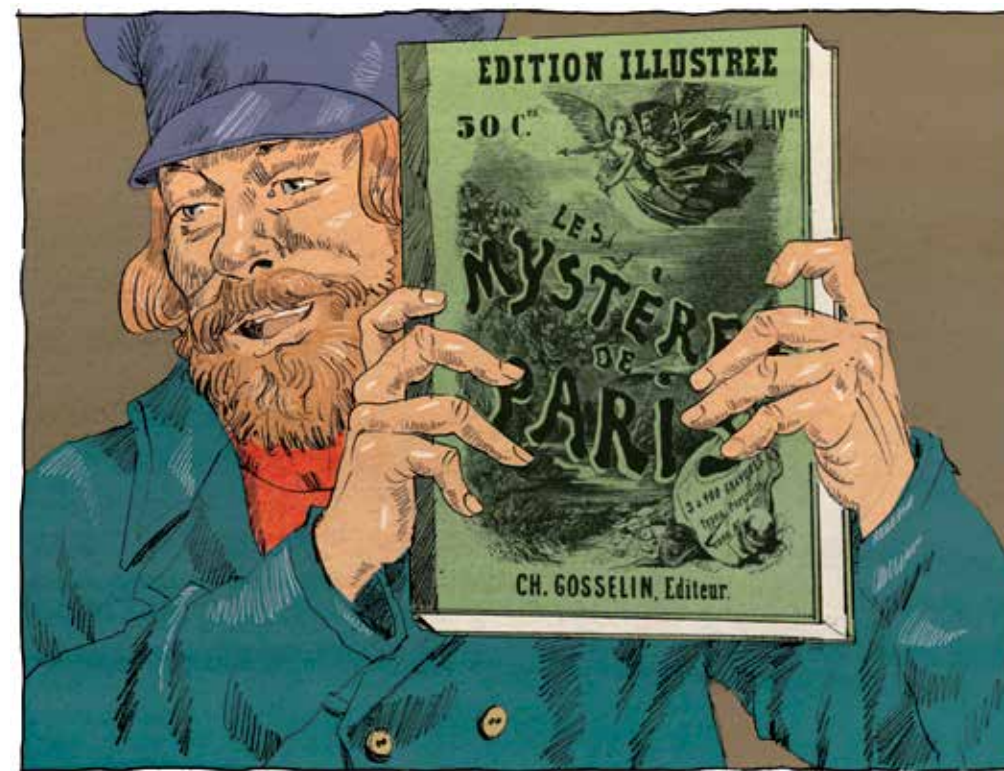
— Я уж докладывал, что с собой нет, а могу достать все, что угодно.

— И иностранные книги?

— Всякие-с.

— Просили меня купить: Les mysteres de Paris.

— Какое издание прикажете, брюксельское или парижское?

Букинист

— Да которое подешевле.

— Конечно, брюксельское.

— А что стоит?

— В магазинах стоит двадцать рублей без переплета, а я могу достать за десять в переплете.

Коль скоро букинист назначает цену книге, он вместе с тем объявляет и магазинную ее цену, которую еще преувеличивает, чтобы показать, что он берет с вас гораздо дешевле. Впрочем, за половину против настоящей магазинной цены он всегда может достать вам книгу, и еще часто в отличном переплете. Это может набросить тень на промысел букиниста: прямым путем едва ли можно достать новую книгу за полцены. А какое ему дело: он купил книгу на Толкучем, а каким путем она зашла туда, это до него не касается. Впрочем, такие

книги, как *Mysteres de Paris*, которые покупаются богатыми людьми только для прочтения, а потом бросаются, словом, книги, не могущие составить капитальной принадлежности хорошей библиотеки, букинисту нетрудно добывать за бесценок не на одном только Толкучем рынке. Сверх того, мало ли в Петербурге случаев, которыми букинист может воспользоваться. Промотался, например, какой-нибудь барин, для виду имевший у себя библиотеку, смотришь, библиотека уже в руках букиниста, или: умер богатый любитель чтения, завещавший сыну хранить и передавать по наследству книги, которые он с большими пожертвованиями собирал в продолжение целой жизни, а букинист тут как тут, у него в библиотеке, и покупает книги с пуда.

Все вышеизложенные проделки букиниста с покупателем должно относить

только к тем случаям, когда он пришел в дом в первый раз и еще не разузнал порядка, с каким покупателем имеет дело. Однако ж обстоятельство, что мешки его набиты вздорными романами и дрянными путешествиями, доказывает, что требование большинства читателей клонится именно к подобного рода книгам. Дельных книг он не носит с собой вовсе, и вообще к людям знакомым и у которых он поставщиком книг, букинист является совсем в другом виде. К ним приходит он часто вовсе без книг, а только с лепортом, как он говорит.

Не удивительно ли в самом деле, что букинист, что, просто сказать, Трофим, умевший только читать по-русски и кой-как разбирать латинские буквы, проживши в Петербурге два-три года, в состоянии рассказать вам к первому

числу каждого месяца о ходе и движении русской, а частью и иностранной литературы, и рассказать отчетливо и беспристрастно. Он никак не берется излагать собственное суждение о достоинстве вышедших сочинений и добродушно признается, что он человек темный и вовсе ничего не понимает; зато он с удивительною верностью передает слышанные им суждения разных лиц и мнения журналистов и литературных партий, прибавив к тому только самое скромное замечание: книга должна быть хороша, или: видно, книга-то плохонька. Но и это замечание решится он произнести не прежде, как взвесив и обсудив порядком все известия, которые ему удалось собрать. Самое же замечательное в ежемесячном рапорте букиниста то, что ему известны часто скрытые от нас,

читающих, рапорты журналов о вновь выходящих книгах, причины и побуждения восторженных похвал и порицаний.

— Вот-с вышли сочинения такого-то господина, — говорит Трофим, — или такой-то госпожи, во стольких-то частях. Продаются в магазинах за такую-то цену, а я могу достать за столько-то. Отзывы журналов об этой книге такие: один журнал говорит, что эта книга удивительная, неслыханная, невиданная; ошибок и промахов в ней никаких не имеется, а сочинитель обладает необыкновенным талантом. Другой журнал утверждает, что сочинение означенного господина или означенной госпожи никуда не годится, что автор не имеет ни малейшей способности и даже не знает грамматики.

После этого на несколько минут следует молчание и на лице Трофима является насмешливая улыбка. Значит, он готовится открыть вам тайные причины этих безотчетных похвал и порицаний.

— Вот видите ли, сударь, — продолжает потом букинист, — когда книга вышла из печати, сочинитель побежал разносить ее по журналам и критикам и созывать их на обед; да, вишь, дал маха, или уж не хотел, только мне наверное известно, что того, который его разобрал, он не только не позвал на обед, да и книги ему вовсе не поднес. Словом, не поклонился, как следует.

В подтверждение того, что сочинитель действительно давал обед критикам, Трофим обстоятельно вам расскажет, что именно кушали за столом и как с бокалом шампанского в руках хвалили его сочинение и обещали вывести в люди.

— Вышли романы такой-то и такой-то, — продолжает букинист, кончив описание обеда у сочинителя, — первый похвалили все журналы, а должно быть, не очень хорош, расхочется куда как плохо. Вот я целый месяц ношу один экземпляр

и не знаю, куда сбыть. Второй роман похвалил только один журналист, и тот потому, что сочинитель приходится ему зять или свояк, не могу наверное сказать. Расхочется нешто, так себе, но больше в простом народе и между купцами.

Объявив еще о нескольких вновь вышедших книгах, с подробностями о похвалах или порицаниях в журналах, букинист вынимает из-за пазухи лист бумаги, весь исписанный. Это оглавления иностранных книг, написанные самим букинистом русскими буквами. Эти оглавления относятся частью ко вновь вышедшим, наиболее известным иностранным книгам, большею же частью к тем, которые букинисту удалось приобрести в разных местах в продолжение месяца. Впрочем, он записывает на бумажку имена только таких книг, которые его особенно затрудняют.

Депорт букиниста оканчивается вопросом: что прикажете принести? Заказанные книги являются через два или три дня и отдаются за половинную цену против каталогов или афишечных объявлений книгопродавцев.

Что весьма важно также для небогатых любителей книг, имеющих дело с букинистом: этот промышленник берет за книги не только деньгами, но всем, чем угодно. У него все идет в счет: сапоги, халат, оборванные книги, поломанные стулья и столы, наконец даже старые афишки, банки, бутылки, огарки, веревочки, тряпки. Он ничем не пренебрегает, потому что всему находит сбыт.

Спрашивается, не удивительный ли, не преполезный ли человек букинист? Представляя вам ежемесячный рапорт о ходе книжного дела, он еще очищает дом ваш от всякого хлама и, взамен того, доставляет средств наполнять вашу главу — другим хламом или чем-нибудь полезным — это уж не его дело.

Что помнит он, Толстовский дом?

К.С. Костюченко

Как опрометчиво, как пылко
Я в дом влюбилась! Этот дом
Набит, как детская копилка,
Судьбой людей, добром и злом.

Б. Ахмадулина

Доходный дом, построенный в 1910–1912 годах в Санкт-Петербурге шведским архитектором Федором Лидвалем в стиле северный модерн, горожане стали называть Толстовским, так как возведен он был по заказу генерал-майора графа Михаила Павловича Толстого, кузена Льва Николаевича Толстого. С одной стороны дом ограничен улицей Рубинштейна (ранее называлась Троицкой), с другой — набережной Фонтанки и имеет два адреса: ул. Рубинштейна (Троицкая), д. 15–17 и наб. р. Фонтанки, д. 54. Месторасположение, возможно, и предопределило его судьбу.

Тут нельзя не отметить вклад Ф. Лидваля в формирование уникального архитектурного образа Петербурга. С именем этого архитектора связаны такие знаковые строения города, как здания гостиниц «Европейская» (1908–1910) и «Астория» (1911–1912), Азово-Донского банка (1908–1913), Русского для внешней торговли банка (1915–1916), а также доходные дома Шведской церкви св. Екатерины (1904–1905), Иды-Амалии Лидваль (1899–1904) и многие другие. Отдавая дань мастерству зодчего, уже при его жизни современники издали несколько каталогов его работ и моно-

графию А.А. Оля 1914 года¹, ставшую сегодня библиографической редкостью.

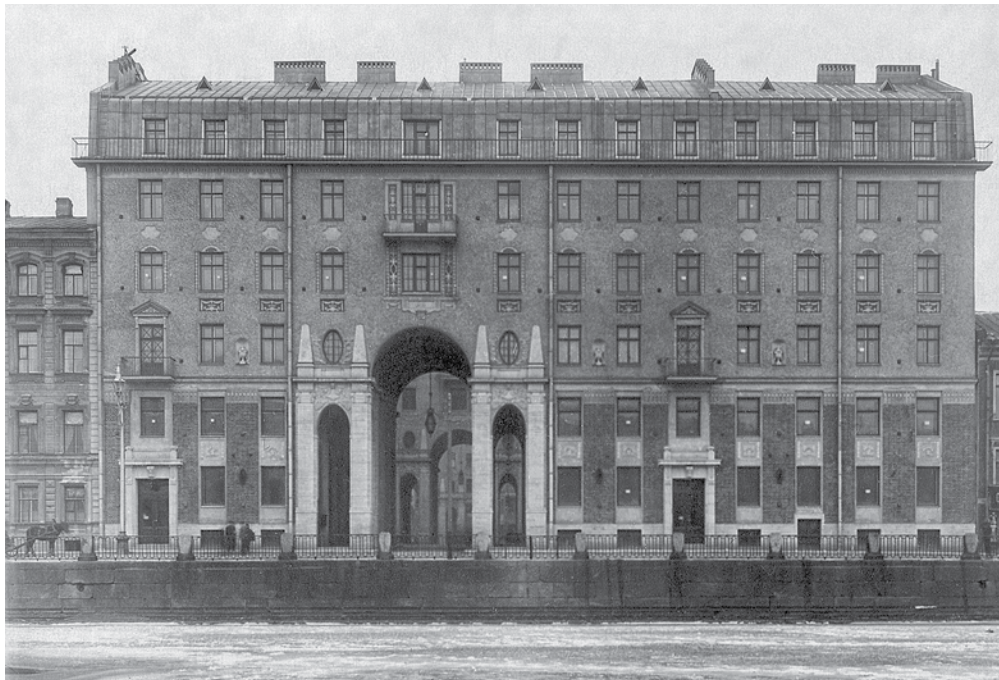
Однако именно Толстовский дом обозначил своего рода вершину творческого пути архитектора, сумевшего не просто спроектировать и построить огромный по тем временам доходный дом, но и гармонично спланировать внутридомовое пространство, выстроив замечательную анфиладу парадных дворов, которые невольно хочется называть не иначе как «улицей Зодчего Лидваля» (по аналогии с улицей Зодчего Росси).

Искусствовед, культуролог, библиофил, житель Толстовского дома и автор книг о его истории и знаменитых жителях М.Н. Колотило пишет: «Толстовский дом существует как место, где концентрируются неординарные личности. Он порождает у обитателей определенное ощущение отделенности от остального города и особой судьбы»². Среди «неординарных личностей», селившихся здесь в разные годы, были писатели, поэты, художники, музыканты, артисты, ученые, высокопоставленные государственные служащие, финансисты. При этом дом помнит не только счастливые времена, но и репрессии 30-х годов XX века, мертвую тишину

¹ Ф. Лидваль : [Альбом снимков его работ] / вступ. ст. А. О[ль]. СПб.: [Т-во Р. Голике и А. Вильборг], 1914.

² Цит. по: Хурсалева А. Живая легенда // Салонь Недвижимости. 2014, декабрь. С. 92.

Вид Толстовского дома с набережной реки Фонтанки. Фото мастерской К. Буллы. 1912. ЦГАКФД

блокадных квартир и солдат, не вернувшихся с фронта...

Александр Бенуа в 1922 году во вступительной статье к альбому Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой писал: «У Невы два подвластных речных божества — Мойка и Фонтанка. Остроумова пожелала рядом с серией литографий, посвященных самой «богине» (Неве), посвятить также три листа красотам и этих «нимф» <...> Фонтанку она нарисовала дважды — один раз у самого ее верховья <...> другой раз при подходе к Чернышеву мосту, в том месте, где по ее берегам столько уютных старинных домов и где Петербург моментами особенно напоминает Венецию»³.

На автолитографии Остроумовой-Лебедевой шестиэтажный Толстовский дом возвышается над соседними домами

№ 52 и № 50, а набережная Фонтанки утопает в зелени растущих на ней деревьев. Современный вид этого места, к сожалению, претерпел значительные изменения: на проезжей части набережной уже нет деревьев, соседние дома немного «подросли», а баржи с дровами и садки уступили место причалам прогулочных кораблей.

А как устроен Толстовский дом внутри? Изначально предполагались разные типы квартир, но в основном — большие, состоящие из шести и более комнат, рассчитанные на состоятельных квартиросъемщиков. Однако в корпусе центрального двора (так называемый девятый подъезд) есть и малометражные однокомнатные квартиры. Планировка там коридорная, но все квартиры располагают необходимыми бытовыми удобствами.

³ Бенуа А.Н. Вступительная статья к альбому // Остроумова-Лебедева А. П. Петербург. Пб., 1922.

В одной из таких квартир в девятом подъезде Толстовского дома в 1918 году поселился Самуил Миронович Алянский, выдающийся книжник, основавший издательство «Алконост», которое стало последним частным издательством символистов в Петрограде. В книге «Встречи с Александром Блоком» С.М. Алянский так писал о своей квартире: «Я жил тогда в доме Толстого, на Троицкой улице. Этот громадный дом занимал большой квартал. Построенный незадолго до войны, он был рассчитан главным образом на богатых жильцов. Но наряду с большими барскими квартирами один подъезд в доме владелец отвел для жильцов, снимавших отдельные комнаты. Там все было устроено, как в новых больших гостиницах: такие же длинные коридоры и такие же

удобные комнаты с маленькой передней и нишей для кровати. В одной из таких комнат я и жил, и в ней было решено отпраздновать юбилей Алконоста»⁴.

На юбилей в квартиру С.М. Алянского в Толстовском доме первым пришел Блок, который и открыл приготовленный Алянским альбом автографов приветствием: «Дорогой Самуил Миронович! <...> Будет «Алконост», и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет, и очень важно то, что начат он в июне (а не раньше), потому что каждый месяц, если не каждый день этого года, — равен году или десятку лет. Да будет «Алконост»!»⁵

Многие из приглашенных в тот вечер оставили свои автографы в юбилейном альбоме «Алконоста», который

А.П. Остроумова-Лебедева. Фонтанка. 1922. Литография. РГБ

⁴ Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. М., 1972. С. 92.

⁵ Там же. С. 92–93.

9-й подъезд Толстовского дома, в котором жил С.М. Алянский. Фото мастерской К. Буллы. 1912. ЦГАКФД

со временем пополнялся все новыми записями. Сейчас альбом находится в мемориальном музее Александра Блока в Шахматове. К сожалению, альбом пока полностью не опубликован и недоступен для копирования, а опубликованы лишь очень маленькие его фрагменты⁶.

Юбилей, состоявшийся 1 марта 1919 года, отпраздновали с размахом — на столе, по воспоминаниям С. Алянского, было «роскошное по тем временам угощение»: «фаршмак из воблы и мороженой картошки», «селедка, вобла и какие-то коржики», а также «три бутылки чистого спирта»⁷.

Ю.П. Анненков, гимназический друг Алянского и автор издательских марок «Алконоста», «Обезьяньей великой вольной палаты» и гениальных иллюстраций

к поэме Блока «Двенадцать», в мемуарах «Дневники моих встреч» тоже вспоминал тот вечер в Толстовском доме, однако перепутал даты, сказав, что встреча состоялась в октябре, а не в марте, но не упустил при этом из памяти «громадный фаршмак из мерзлой картошки лилового цвета», размоченную «в воде вяленую воблу» и «три бутылки аптечного спирта»⁸.

Воспоминания Алянского и Анненкова были записаны более чем сорок лет спустя после юбилея. Но существует и дневниковое свидетельство К.И. Чуковского, записавшего 4 сентября 1919 года со слов самого Блока, что среди приглашенных на юбилей «Алконоста» был «сатириконовец» Владимир Азов и именно он, а не С.М. Алянский, подтвердил пришедшему среди ночи начальнику патруля, что человек, спящий, сидя за столом, — поэт Блок, автор знаменитой поэмы: «Третьего дня Блок рассказал, как он с кем-то в Алконосте запьянствовал, засиделся, и их чуть не заарестовали: почему сидите в чужой квартире после 12 час. Ваши паспорта?.. Я должен Вас задержать... К счастью, председателем домового комитета оказался Азов. Он заявил арестовывающему: да ведь это известный поэт Ал. Блок. — И отпустили»⁹. В пользу этой версии говорит то, что Азов какое-то время действительно был домкомом Толстовского дома, а пришедший патруль возглавлял сам комендант Петрограда, который тоже жил в этом доме, мог знать Азова и поэтому поверил его словам. Эмигрировавший в 1925 году Владимир Азов был забыт на родине, и можно предположить, что и в воспоминаниях 1960–1970-х годов и Алянский,

и Анненков могли забыть про Азова, ведь в советское время его произведения не публиковались, да и на сегодняшний день литературное творчество этого сатирика не обобщено, не учтено и не изучено.

«В предутренний снегопад» после ночи, проведенной у Мули Алянского, Юрий Анненков, Александр Блок и Андрей Белый вышли из девятого подъезда Толстовского дома. Голод, холод, безмолвие... Возможно, их одолевало ощущение надвигающейся катастрофы. Взору предстали заснеженные пустынные дворы Толстовского дома и не горящие фонари у подъездов. Троица повернула направо, к набережной Фонтанки, прошла две заиндевшие каменные арки, в которых на цепях качались фонари размером с хрустальный гроб. А дальше — опять ночь, «ледяная рябь» Фонтанки, промерзшая и безмолвная гранитная набережная, аптека возле Аничкова моста...

Вспомним:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Да, стихотворение это было написано 10 октября 1912 года, в год окончания строительства Толстовского дома, но через семь лет, в 1919 году, Юрий Анненков на иллюстрации к поэме Блока «Двенадцать» изобразит аж пять различных уличных фонарей.

Спустя несколько десятилетий Александру Блоку будет вторить Анна Ахма-

това, в жизни которой немало было связано с Толстовским домом, где первыми всех встречали кованые фонари на цепях:

*Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...*

В гостях у Самуила Мироновича в Толстовском доме в разное время бывали Александр Блок, Андрей Белый, Владимир Пяст, Вильгельм Зоргенфрей, Иванов-Разумник, Ольга Глебова-Судейкина, Алексей Ремизов, Константин Эрберг, Всеволод Мейерхольд, пушкинист Петр Морозов, Владимир Соловьев, Виктор Шкловский, художники Юрий Анненков, Николай Радлов, Николай Купреянов, Виктор Замирайло, Александр Головин, Александр Лео, Владимир Гельфрейх, Мстислав Добужинский и многие другие.

С некоторыми из них Алянский поддерживал связь и после отъезда в Москву. Но и по прошествии времени в письмах он будет часто вспоминать Толстовский дом и истории, с ним связанные. Так, например, в январе 1973 года, поздравляя известного литературоведа и критика В.Б. Шкловского с 80-летием, Самуил Миронович вспомнил эпизод, произошедший в 1920 году, очевидно, в Толстовском доме: «Двадцатый год. Вы явились ко мне, издателю «Алконоста», с предложением издать сборник молодых писателей «Серапионовы братья». Мое объяснение, в издательстве нет бумаги, вызвало Ваш гнев. Вы ударили кулаком по столу и крикнули: «Когда будете доставать бумагу для символистов, добудьте еще для «Серапионов». «Алконост» добыл бумагу, правда, неважную, но первый сборник «Серапионов» напечатал»¹⁰. Второго сборника «Серапионовых братьев» издано так и не было,

⁶ См. напр.: Узы и судьбы: Воспоминания доктора физико-математических наук, профессора и поэта Вадима Георгиевича Кнорре // Наше наследие. 2003. № 66. С. 150–159.

⁷ Алянский С.М. Указ. соч. С. 94.

⁸ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2-х т. Т. 1. Л., 1991. С. 70.

⁹ Из дневника К.И. Чуковского. Публ. Е. Чуковской // Блок А. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 247.

¹⁰ Цитата по: С.В. Белов. Юбилей «Алконоста» / Толстовский Дом. Гений места. СПб, 2013. С.147–148.

а бумага, на которой напечатан сборник, действительно «неважная» — а что еще можно было найти в те времена!

В Толстовском доме жили многие родственники С.М. Алянского, в частности, племянник — писатель, журналист и краевед Юрий Лазаревич Алянский, написавший очень добрые воспоминания о своем дяде, а также великолепный автобиографический рассказ «Адрес моей юности», действие которого происходит в том числе и в Толстовском доме.

Многое связывало с Толстовским домом В.Э. Мейерхольда: там жил его племянник — актер и будущий московский архитектор Юрий Гольцев, находилась студия режиссера Николая Смолича, с которым Мейерхольд активно сотрудничал в Александринском театре.

Помимо уже упомянутого Владимира Азова, здесь жили сатириконецы Аркадий Аверченко и Василий Князев.

Бессменный редактор журналов «Сатирикон» (с № 9) и «Новый Сатирикон» Аркадий Аверченко поселился в квартире 203 Толстовского дома в июле 1913 года. Он любил свою квартиру, увлеченно обставлял ее и украшал полотнами художников Серебряного века. Вот что писал Ефим Зозуля о жилище Аркадия Тимофеевича: «Аверченко жил на Троицкой улице, в доме № 15. Двор был опрятный, гладко выложенный и выходил, так как был проезжим, и на Фонтанку. Квартира Аверченко, состоявшая из трех комнат, производила очень уютное впечатление. В комнате побольше, куда выходил ход из передней, была столовая и приемная. Рядом, в комнате поменьше — с всегда открытой дверью — за письменным столом у окна работал Аверченко, а в следующей, последней комнате была спальня.

Дверь в нее тоже всегда была открыта, и виднелись штанги разных размеров, гантели и стул или два, заваленные газетами и книгами. Стены во всей квартире вместо обоев были обтянуты сукнами. В спальне — синего цвета, в столовой — кремового, а в средней, рабочей комнате — лилового, или в этом роде»¹¹. Аверченко, пишет Зозуля, настолько полюбил свою квартиру, что совершенно перестал ходить в редакцию и по всем делам «Нового Сатирикона» принимал на дому. У гостеприимного Аверченко «по делам «Сатирикона» постоянно бывали художники Алексей Радаков, Ре-Ми (Н. Ремизов-Васильев), Баян (А. Юнгер), Мисс (А. Ремизова), Иван Билибин, Леон Бакст, Борис Кустодиев, Дмитрий Митрохин.

В сентябре 1918 года Аверченко был вынужден бежать из Петрограда. Квартира была заперта, а всю обстановку вывезла его горничная Надя. При советской власти произведения Аркадия Аверченко не публиковались после того, как в 1920 году он выпустил в Симферополе сборник памфлетов «Дюжина ножей в спину революции» (в 1921 году переиздан в Париже), названный Лениным «высокоталантливой книжкой <...> озлобленного до умопомрачения белогвардейца». Сегодня первое издание этой книги стало библиографической редкостью.

В квартире 301 жил постоянный автор «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» Василий Васильевич Князев, которому Аверченко оказывал особое покровительство до 1917 года, когда тот стал революционным поэтом. Со многими сатириконцами, бывавшими в Толстовском доме, Василия Князева связывали приятельские и деловые отношения,

В.В. Князев во дворе Толстовского дома. ЦГАКФФД

о чем можно судить по многочисленным инскриптам, сохранившимся в ИРЛИ¹².

В 1918 году Князев стал работать в «Красной газете», а в 1922 году в Толстовском доме в квартире 559 поселилась семья заместителя главного редактора этой газеты Сергея Александровича Гарина (Гарфильда). В гостях у Гариных бывали Сергей Есенин, Николай Клюев, Александр Куприн, Леонид Андреев, Юргис Балтрушайтис, Александр Ильин-Женевский, Татьяна Щепкина-Куперник. Хозяйка дома на протяжении многих лет на самом видном месте держала альбом, чтобы приходящие в гости к Гариным литераторы, музыканты, актеры, шахматисты, кинематографисты, певцы, художники, скульпторы оставляли в нем свои стихи, рисунки, автографы, фотографии с дарственными надписями. Сейчас альбом хранится в рукописном фонде Пушкинского Дома (фонд 736). Есть в альбоме и автограф Василия Князева.

Жители Толстовского дома были в числе тех, кто 7 августа 1921 года провожал в последний путь Александра Блока, а Самуил Алянский и Дмитрий Цензор даже несли гроб с телом поэта. «Хоронил его весь город, весь тогдашний Петербург или вернее все то, что от него осталось»¹³, — напишет позже Анна Ахматова, которая, как уже говорилось, также была тесно связана с Толстовским домом. Здесь

с 1921 года в коммунальной квартире 459 жил ее друг, главный патологоанатом Ленинграда, академик Владимир Гаршин, роман с которым у Анны Андреевны начался, когда обоим было около пятидесяти лет. Познакомились они в феврале 1937 года, когда Ахматова лежала в Мариинской (Куйбышевской) больнице на обследовании по поводу щитовидной железы. К сентябрю 1938 года, когда окончательно закончились отношения у Ахматовой с Пуниным, Гаршин стал для Анны Андреевны «помощным зверем Володей»¹⁴. При этом Гаршин продолжал жить со своей супругой, не имея возможности уйти от нее. Ахматова же посвящала Гаршину стихотворения и поэмы, в частности, «Годовщину веселую праздную» (1939), «Путем вся земли» (1940), строки из «Реквиема».

В их отношения вторглась война, однако, даже находясь в Ташкенте, она не забывала своего «зверя». Вторая часть созданной в 1943 году второй редакции

¹¹ Зозуля Е.Д. Сатириконецы // Русская жизнь. 2005. № 9 (URL: <http://rulife.ru/old/mode/article/684> (дата обращения: 1.09.2016)).

¹² Сохранилось 109 подобных надписей. См.: Базанов В.В. «Пролетарскому поэту-трибуну»: Дарственные надписи Василию Князеву писателей периода революции и Гражданской войны / Там же. 1987. № 4. С. 176–187.

¹³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва-Торино, 1996. С. 683.

¹⁴ В июле 1940 года Ахматова подарила Гаршину свою фотографию с надписью: «Моему помощному зверю — Володе. А.» См.: Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. М., 1997. С. 161.

«Поэмы без героя» имела посвящение «В.Г. Гаршину», а третья часть — «Городу и Другу». К этому времени Ахматова уже называла Гаршина своим мужем, так как после смерти своей супруги в октябре 1942 года в голодном Ленинграде, из которого Гаршины не уехали в эвакуацию, Владимир Георгиевич сделал Анне Андреевне предложение, на которое она ответила письмом с согласием. Их встреча после длительной разлуки произошла на платформе Московского вокзала 1 июня 1944 года. Но она оказалась очень прохладной и неожиданной: спустя пару минут Гаршин простился и ушел, а Анна Андреевна сообщила ожидавшим ее спутникам, что она едет к Рыбаковым. Тем же июнем 1944 года она напишет:

*Я бы лучше по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.*

А после Ахматовой будет уничтожена вся переписка с Гаршиным, сняты все посвящения, а в «Поэме без героя» кардинально поменяется смысл адресованных непосредственно Гаршину строк. Вместо:

*Ты мой грозный и мой последний
Светлый слушатель темных бредней...*

станет:

*Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней...*¹⁵

В период нахождения Анны Андреевны в эмиграции в Ташкенте, где сфор-

мировался некий ахматовский культ, в ее окружении появлялись молодые дамы, не всегда отличавшиеся строгими нравами. Так, Ахматова подружилась с Дорианой Слепян и Раисой Беньяш, которые уже после возвращения в Ленинград поселились вместе в Толстовском доме в квартире 104, принадлежавшей Слепян.

Скорее всего, важным фактором сближения Ахматовой и Слепян послужило то, что Дориана была возлюбленной Николая Гумилева, точнее, одним из его мимолетных увлечений. Ахматовой могло быть интересно это общение. По воспоминаниям самой Слепян, она познакомилась с Гумилевым на вечере в «столовке Технологички»¹⁶, где в 1918 году по субботам поэты читали студентам стихи. На этом вечере Гумилев подарил ей свою книжку с посвящением «Дориане с ее скрипкой — мои первые стихи»¹⁷. Слепян было тогда 16 лет. Зимой 1920 года Гумилев приглашает Дориану на бал в бывший дом графа Зубова, о котором Владислав Ходасевич напишет следующие строки: «В огромных промерзших залах зубовского особняка на Исаакиевской площади — скудное освещение и морозный пар. В каминах чадят и тлеют сырые дрова. Весь литературный и художественный Петербург — налицо. Гремит музыка. Люди движутся в полумраке, теснясь к каминам. Боже мой, как одета эта толпа. Валенки, свитеры, потертые шубы, с которыми невозможно расстаться и в танцевальном зале. И вот, с подобающим опозданием, является Гумилев под руку с дамой, дрожащей от холода в черном платье с глубоким вырезом. Прямой и надменный во фраке, Гумилев проходит по залам. Он дрогнет от

Похороны А.А. Блока (В.В. Князев в кожаной куртке ведет велосипед). 1921. ЦГАКФФД

холода, но величественно и любезно раскланивается направо и налево. Беседует со знакомыми в светском тоне. Он играет в бал. Весь вид его говорит: «Ничего не произошло. Революция? Не слышал»¹⁸.

Л.К. Чуковская в свою очередь в «Ташкентских тетрадах» отмечала близкое общение Анны Андреевны и Раисы Беньяш, однако считала, что такое общение роняет достоинство Ахматовой, и не понимала благосклонности Ахматовой к новым подругам.

После возвращения в Ленинград Ахматова стала частым гостем двухкомнатной квартиры 104, которая располагалась на первом этаже Толстовского дома в сквозном дворе, расположенном ближе к улице Рубинштейна. Ахматова приходила сюда со стороны Фонтанки, на которой также располагается Шереметевский дворец, в служебном флигеле которого она тогда жила. Заходя во двор, Анна Андреевна всегда проходила парадную, расположенную справа

по ходу движения, где перед войной на четвертом этаже, в квартире 459, жил со своей семьей Гаршин и в которую она так никогда и не поднялась...

Анна Андреевна именно Раисе Беньяш подарила свой портрет работы А.Г. Тышлера с надписью: «Милой Раисе Моисеевне Беньяш (Джонни) — На память о трех вещах: С. Тышлере, Ташкенте и обо мне грешной. Ахм.» Согласно завещанию Раисы Моисеевны, этот портрет Анны Ахматовой был передан в музей Анны Ахматовой «Фонтанный дом», а хранившийся у нее же портрет-барельеф А. Ахматовой — актрисе Алле Демидовой.

Абрам Гозенпуд, петербургский ученый-энциклопедист, автор семитомной истории русского оперного театра, так описывает свою встречу с Анной Андреевной в квартире 104 Толстовского дома: «Когда я переехал в Ленинград, Слепян с подругой пригласили меня к себе, не сказав, кто еще у них будет. В общем, когда я пришел к Дориане, увидел

¹⁵ См. подробнее: Позднякова Т.С. Толстовский дом в жизни Анны Ахматовой/Толстовский Дом. Гений места. СПб., 2013. С. 212–240.

¹⁶ Слепян Д. Что я вспомнила о Николае Степановиче Гумилеве // Жизнь Николая Гумилева: воспоминания современников. Л., 1991. С. 194–198.

¹⁷ Там же. [В 1937 году эта книга была уничтожена самой Слепян].

¹⁸ Ходасевич В. Гумилев и Блок // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 205–206.

пожилую даму. Мне в голову не пришло, что это Анна Андреевна, хотя я знал многие ее портреты, помнил ее удивительный нос. И вообще красоту необычайную, не говоря уж о том, что я преклонялся перед ее поэзией. Я убежден и поныне, что из всех русских поэтов традиция Пушкина наиболее полно жива в ней. Ни в Блоке, ни, разумеется, в Тютчеве, ни в Лермонтове»¹⁹.

А Алла Демидова в воспоминаниях описала следующую историю: «Мне Беньяш рассказывала, что в какой-то из черных дней, уже вернувшись в Ленинград, к ней пришла Ахматова и сказала: «Раиса Моисеевна! До меня доходят странные слухи о наших отношениях. Считайте, что мы с этого дня незнакомы...»²⁰ Мы не станем обсуждать эту историю, а лишь заметим, что Дориана Слепян и Раиса Беньяш похоронены в одной могиле на литературном кладбище в поселке Комарово.

Жил в Толстовском доме и поэт Евгений Рейн, ученик А.А. Ахматовой. Он вспоминал: «Последние свои 15 лет жизни в Ленинграде я прожил в Толстовском доме, в 57-й квартире <...> Всего в доме было 600 квартир. Это были многокомнатные квартиры со всеми видами комфорта. С паровым отоплением, со служебными помещениями, многокомнатные квартиры с великолепными кухнями, ванными. Естественно, они в советское время стали коммуналками. Это было место, где жили многие литераторы Петербурга. Я знаю, что одно время в Толстовском доме снимал себе квартиру для работы Александр Иванович Куприн. Рядом, уже в мою эпоху, жили другие известные литераторы. В доме 21, то есть практически

в соседнем доме по другую сторону Щербакова переулка, долгие годы, почти всю жизнь прожил Сергей Довлатов, рядом жил мой друг, очень хороший петербургский поэт Владимир Британишский. А еще через один дом в сторону Невского был дом ленинградского Союза писателей. Его называли в шутку «слеза коммунизма». В этом доме жила Ольга Берггольц, в этом доме жила Ида Наппельбаум. Это была такая писательская коммуна. Это был дом, где были общие кухни, где писателей приучали жить каким-то таким коммунистическим образом».

Толстовскому дому Евгений Рейн посвятил стихотворение «Прогулка»:

*Фонтанка за спиной и мельтешит
проспект,*

*Как в перископе. Туда успеется,
Покуда же свернем в огромную
готическую арку,*

*Особый двор, заброшенный фонтан,
Восьмиэтажные граниты и лепнины,
На стенах полульвы — полугрифоны,
И снова арка, и за ней укромный,
Сквозь подворотню выход в переулок.
Вот здесь стоял мой флигель. Он снесен.
И только воздухом бывшие кубометры
Как будто заштрихованы погуще,
На уровне второго этажа.*

*И если вслушаться, то долетают гаммы,
Сначала гаммы, а потом слова.
Когда стемнеет, там засветят лампу.
Терпение, и я увижу всех.*

В этом стихотворении Толстовский дом назван восьмиэтажным, хотя на самом деле он шестиэтажный. Последняя строчка стихотворения, по нашему мнению, намекает на встречу с «ахма-

товскими сиротами» — поэтами из близкого окружения Анны Ахматовой конца 1950-х — начала 1960-х годов, чье творчество она высоко ценила: Иосифом Бродским, Дмитрием Бобышевым, Анатолием Найманом и Евгением Рейном, которые часто собирались в квартире последнего в Толстовском доме.

В Толстовском доме, в квартире своего родственника востоковеда Дмитрия Позднеева, часто бывал Михаил Булгаков. По предположению М.Н. Колотило, Д. Позднеев мог стать одним из прототипов Воланда, а квартира 660, в которой он жил в Толстовском доме, — прообразом «нехорошей квартиры 60» в романе «Мастер и Маргарита»²¹.

Интересно отметить, что во дворах Толстовского дома в свое время можно было видеть Григория Распутина, заходившего в гости к князю М.М. Андроникову, жившему в квартире 359, где была совершена попытка покушения на старца, историю которой описал Арон Симанович в своей выдержавшей уже в 1920-е годы несколько изданий книге «Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина»: «Братья Эристовы и Пхакадзе пришли к Распутину, чтобы пригласить его на попойку, которая должна была состояться в доме графа Толстого на Троицкой улице. Там он был встречен большим обществом, и было много выпито. Многие гости были совсем пьяными. Вдруг Распутин заметил, что Пхакадзе вытащил свой револьвер и направил его на него. Пхакадзе предполагал, что Распутин ничего не замечает. Тогда Распутин повернулся к нему, пристально на него посмотрел и сказал: «Ты хочешь меня убить, но твоя рука не повинуется». Пхакадзе был оше-

Ю.П. Анненков. Портрет А.А. Ахматовой. 1921

ломлен и выстрелил себе в грудь. Среди гостей возникла паника. Одни окружили Пхакадзе и старались ему помочь, другие хотели успокоить Распутина, но он, никого не слушая, повернулся, вышел, взяв свою шубу, и направился домой»²².

Литературный мир Толстовского дома настолько многообразен и богат известными именами, что рассказать обо всех вряд ли возможно в одной статье. Сегодня издается серия книг «Толстовский дом», содержащих удивительные истории и малоизвестные факты из истории дома и о его знаменитых жителях. Девизом серии стали слова Оскара Уайлда: «Дома с привидениями стоят гораздо дороже». Для серийного оформления издателями выбрана фотография Карла Буллы, сделанная в 1912 году для «Ежегодника архитекторов-художников». В состав редакционного совета серии входят только жители Толстовского дома или их потомки.

¹⁹ Вольгуст Е. Диалог с небожителем // Петербургский театральный журнал. 2002. № 2 (URL: <http://ptzh.theatre.ru/2002/28/53> (дата обращения: 1.09.2016)).

²⁰ Раиса Моисеевна Беньяш // Демидова А.С. Бегущая строка памяти: Автобиографическая проза. М., 2000. С. 469.

²¹ Толстовский дом. Гений места. СПб.: Искусство России, 2013. С. 241–248.

²² Симанович А.С. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1924. С. 159.

Блокадный дневник¹

А.А. Барташевич

1942 год

75 лет назад, 8 сентября 1941 года, начался отсчет трагических 872 дней блокады Ленинграда. В числе других сохранившихся воспоминаний о том тяжелом и героическом времени и дневник ленинградского искусствоведа Андрея Андреевича Барташевича, фрагменты которого представляет читателям наш журнал.

В период написания дневника (1942–1943 годы) Барташевич работал в Управлении по делам искусств исполкома Ленсовета инспектором театрального и, по совместительству, исполняющим обязанности заведующего отделом изобразительного искусства.

Леонид Штакельберг, подготовивший публикацию дневника Барташевича в журнале «Звезда», отмечает: «Чтобы сразу войти в текст, следует знать: автор только что выведен из глубокой дистрофии в стационаре, расположенном в «Астории». Вместе с женой Машей он перебрался жить из разбитого дома в Коломне в ведомственное помещение при Хореографическом училище на улице Росси. Так что, когда он пишет об обстрелах и бомбежках вокруг дома, — это центр города. Когда упоминает училище — это Хореографическое, библиотека — расположенная в том же доме Театральная библиотека.

Итак, кончился самый страшный в жизни этого человека Великий пост, но не кончились голод и блокада. Едва оправившись от дистрофии, вечером Страстной субботы начинает он свой дневник, больше похожий на мартиролог. Он будет писать его ежедневно, словно давший обет монах, словно кому-то обязан, хотя дневник явно личный, пожалуй, даже жене не предназначенный.

Стоит отметить, что Барташевич использует в своем дневнике старые, дореволюционные названия улиц.

Волею судеб дневник сохранился, и сегодня мы можем узнать из него, как жила и умирала в блокаду творческая интеллигенция нашего города».

4/IV-42. Первый после 6/XII воздушный налет. Две тревоги — 7–8 вечера и с 1 ч. 45 мин. до 3 ч. 30 мин. ночи. Вторая началась после взрыва первой бомбы и минут через 10 после зениток. 3 бомбы во дворе Инженерного замка, повреждена Академия художеств (со стороны Литейного двора у 3-й линии), говорят, несколько в Летнем саду, где рвались закопанные в землю боеприпасы, много в районе Гагаринской, Сергиевской и Смольного.

Разговлялись дома, Хигер² принес спирт и кофе, посылки ЛССХ и Котина³ обеспечили роскошное пиршество.

5/IV. В 8 час. утра от приступа грудной жабы скончался П.А. Шиллинговский⁴.

Десятиминутная тревога с 2 ч. 30 мин. дня.

В Александринском театре открылись филармонические концерты. Зал переполнен, публика очень разная — много зеленой молодежи, много воен-

ных (Холодилин специально приехал с фронта), и остатки старого Петербурга, завсегда<и> Филармонии. Сочетание позолоты, электричества с холодом, запущенностью помещения и очень своеобразной публикой чем-то напоминало 1919 год. Хотя тогда публика была иною — более мещанской и более заинтересованной. Неизвестно откуда взялось много круглых, сытых физиономий и женщин в хороших шубах. Ясно, что многие пришли, оттого что больше идти некуда, соблазнило светлое помещение, и оперетта была бы или нет, она по душе. <...>

6/IV. Сопровождение с представителями Союза архитекторов. Из 925 членов Союза, насчитывающихся до войны, после мобилизации и эвакуации осталось около 400. Из них 90 умерли, в том числе Котов⁵, Гриш, Гевирц⁶ и др.

Проектируют проведение двух конкурсов: рисунки «Архитектура Ленинграда в дни войны» и проект восстановления одного из ответственных сооружений.

Ездили с Загурским⁷ к Остроумовой-Лебедевой⁸. Сидит в полупотьмах с выбитыми третьем дня и заколоченными

* В оформлении шмудтитла использованы линогравюры С.Б. Юдовина из серии «Ленинград в дни блокады».

¹ Публикуется по тексту: Барташевич А. Блокадный дневник / А. Барташевич ; публ., вступ. заметка и прим. Л. Штакельберга // Звезда. 2011. № 6. С. 99–130.

² Ефим Яковлевич Хигер (1899–1955) — художник, график, книжный иллюстратор.

³ Котя — брат Барташевича Константин.

⁴ Павел Александрович Шиллинговский (1881–1942) — график, профессор Академии художеств.

⁵ Леонид Васильевич Котов — архитектор.

⁶ Яков Борисович Гевирц (1879–1942) — архитектор, ученик Л.Н. Бенуа.

⁷ Борис Иванович Загурский (1901–1968) — общественный деятель и музыковед, с 1938 г. — зав. Управлением по делам искусств Исполкома Ленсовета, непосредственный начальник автора.

⁸ Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955) — график, акварелист.

П.А. Шиллинговский. Из серии «Осажденный город». 1941. Ксилография. РГБ

П.А. Шиллинговский. Из серии «Осажденный город». 1941. Ксилография. РГБ

фанерой окнами. Но бодра, в хорошем рабочем настроении. Заканчивает 2-й том «Автобиографических записок», готовится к выставке работ, посвященных Ленинграду военного времени.

Уезжать не собирается. В субботу (11.IV) предполагаем слушать отрывок из 2-й части «Записок».

В Эрмитаже. Насущная задача — ликвидация морга, образовавшегося авто-

В.А. Серов. Плакат «Наше дело правое, победа будет за нами». М.-Л., 1941

матически. В течение долгого времени там лежит 40 трупов сотрудников музея. Всего за время войны из штата Эрмитажа умерло 110 человек.

Перевозка музейного имущества от Штиглица задерживается, т. к. машины мобилизованы на вывозку снега и трупов. <...>

9/IV. Бурное заседание президиума ЛССХ. Серов⁹ потребовал вотума доверия к себе и удаления оппозиционеров. Форма недопустимо хамская, вообще же — буря в стакане воды. Продолжение завтра — придется присутствовать. <...>

Отвезли посылку работникам Русского музея — Лебедеву¹⁰, Корнилову¹¹ и Фармаковскому. Корнилова

застали в момент варки студня из столярного клея — и вручили пакет со шпиком, колбасой, сыром, маслом и сахаром. При нас не разворачивали: о впечатлении узнаем завтра. <...>

10/IV. С утра — сильный дождь и очень тепло. То ли от погоды, то ли из-за живота чувствую себя совсем развинченным. Снег тает — это средство оказалось радикальнее поголовной мобилизации дистрофиков.

Вечером — президиум ЛССХ, в основном посвященный поведению Серова. Инкриминируется самоснабжение, диктаторство, грубость, но почему-то никто

В.В. Лебедев. Плакат «Напоролся». М.-Л., 1941

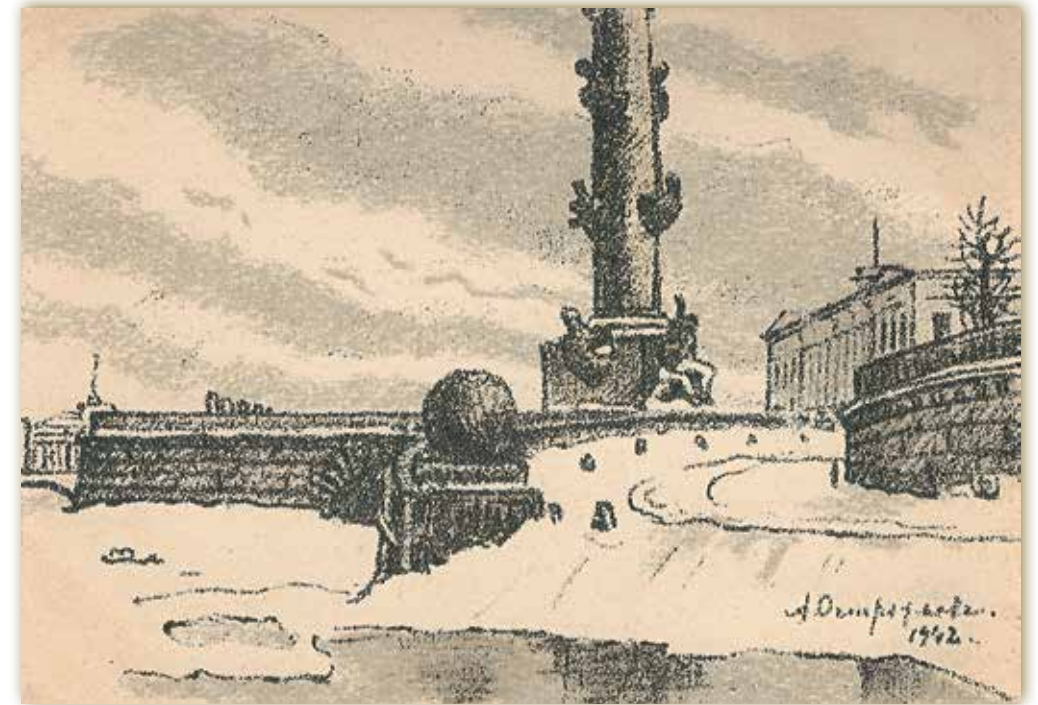
⁹ Владимир Александрович Серов (1905–1968) — живописец, позднее президент Академии художеств, в описываемое время — секретарь ЛССХ.

¹⁰ Владимир Васильевич Лебедев (1881–1967) — художник, график, живописец, плакатист.

¹¹ Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) — историк искусства, коллекционер.

А.П. Остроумова-Лебедева. Открытка «Ленинград. Верхне-Лебяжий мостик». Л., 1943

А.П. Остроумова-Лебедева. Открытка «Ленинград. Ростральная колонна». Л., 1943

не говорит об основном: о РАППовской по существу линии Серова, насаждающего ползучий натурализм и отпугивающего от Союза тех, кто стоит выше его собственного творческого уровня. Особенно показательна в этом отношении выставка эскизов: в городе Остроумова, Конашевич¹², Верейский¹³, Юдовин¹⁴, Рудаков¹⁵, в то время были Билибин¹⁶ и Шиллинговский, а на выставке представлены третьестепенные, за исключением Лишева¹⁷, художники. Отсюда — соответствующее впечатление серятины,

скуки, сырые и профессионально-средненькие работы.

Подхалимское выступление Рутковского¹⁸, пытавшегося оправдать даже личные отрицательные стороны Серова, трусливая, с оговорками «самокритика», <...> очень хорошее — прямое, резкое, принципиальное, с чувством собственного достоинства, — выступление Хигера. Но, в общем, собрание прошло хорошо и должно дать плоды. Очевидно Серов понял, что линию поведения ему следует изменить — и уже пересмотрел

¹² Владимир Михайлович Конашевич (1888–1963) — график, иллюстратор книг.

¹³ Георгий Семенович Верейский (1886–1962) — график.

¹⁴ Соломон Борисович Юдовин (1892–1954) — график.

¹⁵ Константин Иванович Рудаков (1891–1949) — график, иллюстратор книг.

¹⁶ Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) — график, книжный иллюстратор.

¹⁷ Всеволод Всеволодович Лишев (1877–1960) — скульптор, педагог.

¹⁸ Н.Х. Рутковский — живописец.

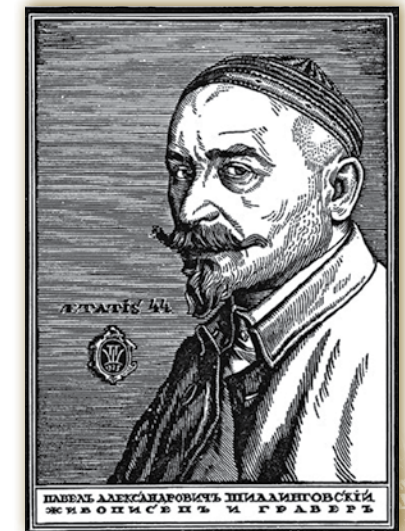
свою тактику даже по сравнению со вчерашним днем.

11/IV. Ездили к Остроумовой — читала 2-ю часть своих «Автобиографических записок». Очень хорошо: просто, ясно, без виляний, с очень определенными оценками людей и явлений, с чувством собственного достоинства. То, что мы слышали, значительно интереснее 1-й части: шире кругозор, масштабнее окружавшие ее люди, глубже и серьезнее волновавшие ее творческие проблемы, о которых она говорит много и охотно.

Старуху обрадовали с нескольких сторон: привезли ей академический паек керосину, Корнилов — известие о получении 1<-й> категории. Приняла с большим достоинством. <...>

12/IV. Хоронили Шиллинговского. Народу было 6 человек, от Союза худож-

ников никого. Трогательна несколько провинциальная заботливость Корнилова —

П.А. Шиллинговский. Автопортрет. 1925.
Ксилография

П.А. Шиллинговский. Из серии «Осажденный город». 1941. Ксилография. РГБ

вплоть до коврика на дне машины и покрывала для гроба.

Могилу рыли девушки — пожарницы из Академии. Неглубокая, несклепистая. Гроб получился очень широким и длинным — делали в Академии художеств. Он не умещался в могилу, и его пришлось втискивать ломом, ставить стоймя и подним лопатой подравнивая уголки. Торопясь скорее кончить, проголодавшиеся и равнодушные, все торопились, закрывали глаза на то, что все сделано кое-как, непрофессионально.

Последнее — характерно для нашего времени. Мы непрофессиональными руками роем могилы, колем лед на улицах, строим бомбоубежища, и, что хуже всего, воюем. <...>

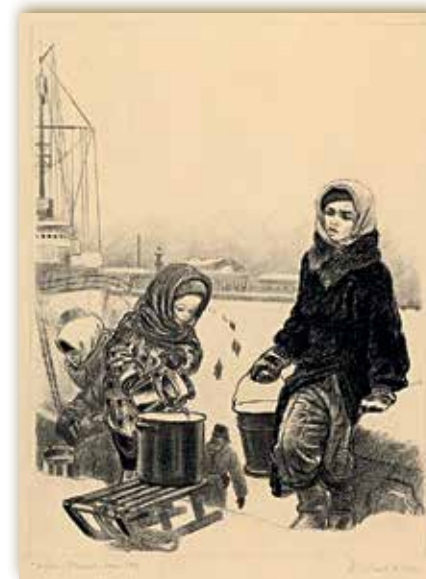
14/IV. Утро в Эрмитаже. Даже с разрушениями, в запущенном виде он

прекрасен. Ходили с художниками, выбирали, что рисовать. Глаза разбегаются — так все интересно. Пакулин¹⁹ увлекается пейзажами из окон. Это действительно нечто исключительное, особенно сейчас, с кораблями на Неве.

При мне пришли представители военного отдела горкома и командования КБФ, интересовались подвалами. К счастью, их не устроило многое, и, в частности, грунтовые воды. Но вообще это страшно. <...>

Серов рвет и мечет по поводу списка сталинских лауреатов: он считал, что премия у него уже в кармане. Звонил Шумилову²⁰, просил его принять — отказано; дал телеграмму Манизеру²¹, запрашивая, дошли ли материалы. Иной причины своего афронта он не видит.

Очень рад за старика Лишева, которому по случаю премии уже сегодня была

А.Ф. Пахомов. «За водой». 1942. Автолитография. РГБ

отвезена продовольственная посылка Ленсовета. <...>

15/IV. Пошли первые трамваи. С утра, говорят, было свободно, но я видел обвешенные целыми гроздьями людей. Ездить на них страшно — наверняка можно подцепить вшей.

Просмотр в ЛССХ эскизов. Очень хорошие работы Пахомова²², несколько холодноватые, но сделанные с большим мастерством портреты Верейского, говорят (я опоздал и не видел), удачные работы Павлова²³. Из остальных кое-что интересное намечается у Григорьянца, Каплуна²⁴, Мочалова²⁵. Остальное очень сыро и серо. Поражает общая для всех

безликость вещей, отсутствие образа, их неглубокость, приводящая либо к общим местам, либо к механической стилизации без чувства стиля. Особенно ясно это сказалось на подходе к ленинградскому пейзажу. Он получается только в тех случаях, когда берутся общеизвестные здания — Исаакий, Адмиралтейство, сфинксы, Александровская колонна, памятник Петру. В остальном получается нечто, весьма далекое от образа нашего города. Изобилие снега превращает рисунки в изображение глубокой провинции, и попытки обострить пейзаж, показать дворы, деревянные окраины, новые улицы приводят к тому, что получается некий неведомый город, даже отдаленно не напоминающий Петербурга. Быльев²⁶

Н.М. Быльев-Протопопов. Портрет художника А.Ф. Пахомова. 1941–1942. РНБ

¹⁹ Вячеслав Владимирович Пакулин (1900–1951) — художник.

²⁰ А.О. Шумилов — в 1941–1942 годах возглавлял отдел пропаганды и агитации горкома ВКП(б).

²¹ Матвей Генрихович Манизер (1891–1966) — скульптор, лауреат трех Сталинских премий.

²² Алексей Федорович Пахомов (1900–1973) — график.

²³ Николай Александрович Павлов (1899–1968) — график.

²⁴ Адриан Владимирович Каплун (1887–1974) — художник, педагог.

²⁵ Сергей Михайлович Мочалов (1902–1957) — график, книжный иллюстратор.

²⁶ Николай Михайлович Быльев (1907–1986) — график, архитектор. Один из создателей «Блокадной книги» — художников.

ухитрился, даже изображая Горный институт, сделать деревянный город, с кривыми узкими улицами — не то Тулу, не то Калугу. Еще хуже обстоит дело в области интерьера. Здесь просто беспомощность, даже отсутствие попыток найти в них типичное. <...>

Происходит это от недостатка общей и профессиональной культуры, от непонимания элементарных задач, стоящих перед художником, от очень узко и однобоко понимаемого профессионализма. <...>

Если мирискусники были сильны своей культурой, широтой своего кругозора, интересной постановкой проблем и умением добиваться их решения, если передвижники брали своими «гражданскими мотивами», т. е. опять-таки интеллектом и, вдобавок, эмоциональностью, то у наших художников (я говорю о массе) нет ни того, ни другого.

Существует внешнее восприятие форм культуры прошлого и более или менее ловкая способность подражать чужим приемам — без проникновения в их сущность и без понимания ее. <...>

17/IV. Перерегистрация карточек. Много суетни, но результаты ничтожные. Организация такова, что цель делается непонятной.

Хорошая погода, солнечно, хотя холодновато, но, в общем, весна очень заметна. Снял сегодня свитер (в осеннее пальто переехал 12-го). Лед на улицах далеко не убран — трудработы пролонгированы до 25-го. Говорят, по радио объявляли о мобилизации на огородные работы. Трамваи ходят обвешенные гроздьями людей. Милиционеры

в порядке реализации указания о том, что их дистрофию надлежит считать изжитой, энергично сгоняют народ с пустой и чистой улицы на захлащенный песком и грязью тротуар, по которому передвигаться можно с трудом.

В ЛССХ просмотр эскизов (живопись). Впечатление еще более убогое, чем от графики. <...>

Лучше других работы Белкина²⁷, Кучумова²⁸ и, говорят, (я опоздал — не видел), Дормидонтова²⁹. Белкин выставил 6 эскизов: 2 фронтовых эпизода, пожар Бадаевских складов, пожар Нардома, воздушный налет и обстрел. Хороши ленинградские пейзажи, город он понимает, но остальное выполнено весьма приблизительно: без точного понимания темы, без точного отношения к ней, с сильным налетом стилизации и манерности. Но по культуре, не говоря уже о технике, это значительно выше всего остального.

У Кучумова — уличные сцены: часовой у корабля на набережной (возле Зимнего), везут вещи (фон — Дворцовая площадь с Александровской колонной), везут покойника (Мойка, возле конюшен), на Мойке (у разрушенного дома № 1). Остро чувствует контраст между величием города и трагизмом зимы 1942 года. Но есть, с одной стороны, безысходность, и с другой — эстетизация, некое позирование, любование этим трагизмом. Они сказываются и в сгущении красок, серой однотонной гамме эскизов, в трактовке неба, всегда взволнованного, грозного, зловещего, в выборе городских пейзажей — самых декоративных, самых петербургских, подчеркнута величественных; и, наконец, в кустодиевской яркости отдельных деталей. Некоторых

Н.А. Павлов. Набережные Ленинграда. 1942. Бумага, тушь, перо. РНБ

тактических вещей он не понимает: так, лучшая, на мой взгляд, работа (у разрушенного дома на Мойке) в результате того, что все фигуры устремлены в одном направлении, приобретает характер бегства из обреченного города. Вот Пахомов сумел этого избежать. Но в целом картины получиться могут. <...>

20/IV. Тепло — даже независимо от солнца в драповом пальто ходить тяжело. У Дворцового моста Невы совершенно очистилась от льда почти до 1-й линии. Обзавелся сапогами и галифе. <...>

Делал обход Васильевского острова — был в Академии, на квартире у Шиллинговского и у Лишева. От Академии — вер-

нее, от Твелькмейера³⁰ и его деятельности, впечатление очень приятное. Спокойная деловитая жизнь, забота не о казовой стороне, а настоящая культура, сказывающаяся и в продуманной расстановке сил, и в хороших взаимоотношениях, установленных с занимающей большую часть здания военной частью, и в дорожках, настланных на вымытые полы. В результате аварии они перенесут столовую в помещение бухгалтерии, отдав свою батальону. Получается очень удобно — Академия сосредоточена в одном углу здания (набережной и 3-й линии), расположение служебных помещений тоже выигрывает. Напряжения это стоит большого, но результаты положительные. О степени напряжения

²⁷ Вениамин Павлович Белкин (1884–1951) — живописец, коллекционер.

²⁸ Василий Никитич Кучумов (1888–1959) — художник.

²⁹ Николай Иванович Дормидонтов (1897–1962) — живописец, график.

³⁰ Виктор Федорович Твелькмейер (1902–1956) — архитектор, профессор Академии художеств, зам. директора Института им. Репина.

Н.И. Дормидонтов. Ленинград в дни блокады. 1943. Холст, масло. КОХМ

можно судить по тому, что из плотников выжил и остался работоспособен всего один. Вообще же в Академии за время блокады умер 71 человек — профессорско-преподавательского состава и служащих. Это — не считая студентов, число смертей среди которых точному учету не поддается.

Квартира Шиллинговского очаровательна. Виден культурный и рачительный хозяин. Наряду с его работами, которых множество — они не только в альбомах, но и на стенах, и в папках, и в штабелях досок, много хорошей старой живописи, гравюры, работы мироискусников, бронза, фарфор. И наряду с этим — хорошие запасы: в передней висят всевозможные рачки, очевидно, покупавшиеся при всяком удобном случае, краски лежат целыми коробками: коробка кобальта,

коробка ультрамарина и т. д. Совершенно трогателен карандашный рисунок — его жена в гробу. Она умерла в конце января этого года. Еще недавно эта квартира была населена полностью.

Любопытно сопоставить квартиры Остроумовой и Шиллинговского — людей одного поколения. Там — культурное жилище, где, в числе прочего, и работают. Самая мастерская аскетически проста — ничего лишнего, никаких украшений. Здесь же квартира художника прежде всего, квартира человека, не только создающего художественные ценности, но и любящего ценности, созданные руками других, эпикурейца, думающего не столько об уюте, сколько об эстетике.

Лишев, по-моему, очень плох — боюсь, что долго не вытянет. А жаль, т.к.

творчески человек в полной силе. Множество эскизов, несколько работ, доведенных почти до состояния готовности. Ценна разноплановость его работ. <...>

Но больше всего — бытовых зарисовок, «записная книжка», как говорит сам В.В. Превосходна автобиографическая сюита «утро художника»: автопортрет с помойным ведром, с вязанкой дров, за их колкой и т.п. «После бомбежки» — на санках люди везут всякий скарб, тут же лежит труп, к которому привязан самовар. А спереди — ребенок с плюшевым медведем в руках. Человек с ведром, переступающий через покойника; сцена в столовой — человек, вылизывающий тарелку, и другой — собирающий со стола крошки; дежурный у ворот и т.д. без конца.

И все работы пронизаны ощущением сегодняшнего дня, его ритмом, его волнениями. Острый глаз художника сочетается с мозгом человека, живущего вместе со своим народом, и глубокая, обобщающая, по-своему расценивающая действительность мысль — с хорошим лиризмом и, несмотря на мрачность некоторых бытовых эпизодов — с юмором.

Мы застали его утомленным, зябнущим, кутающимся в какой-то платок. Он начал нам показывать свои работы, оживился, забыл про озноб. Долго водил по своей мастерской, поднялся наверх в свою старую квартиру и, если бы не стемнело, вряд ли выпустил нас так скоро. Ушли мы от него в десятом часу — на улице было еще совсем светло и гораздо теплее, чем в его мастерской.

Ровно в 12 ч. ночи за окном слышались разрывы. Очень частые — через 5–6 секунд, где-то недалеко, почти в одном направлении, временами при-

ближались к нам. Такого интенсивного обстрела центра еще не было. Продолжалось это удовольствие ровно 25 минут.

21/IV. День без событий и впечатлений. Первая — очень короткая — гроза с небольшим дождем. Вчера, оказывается, сильно были обстреляны Выборгская сторона, Васильевский остров и район порта. Никак не могу собраться ни домой, ни к Коте.

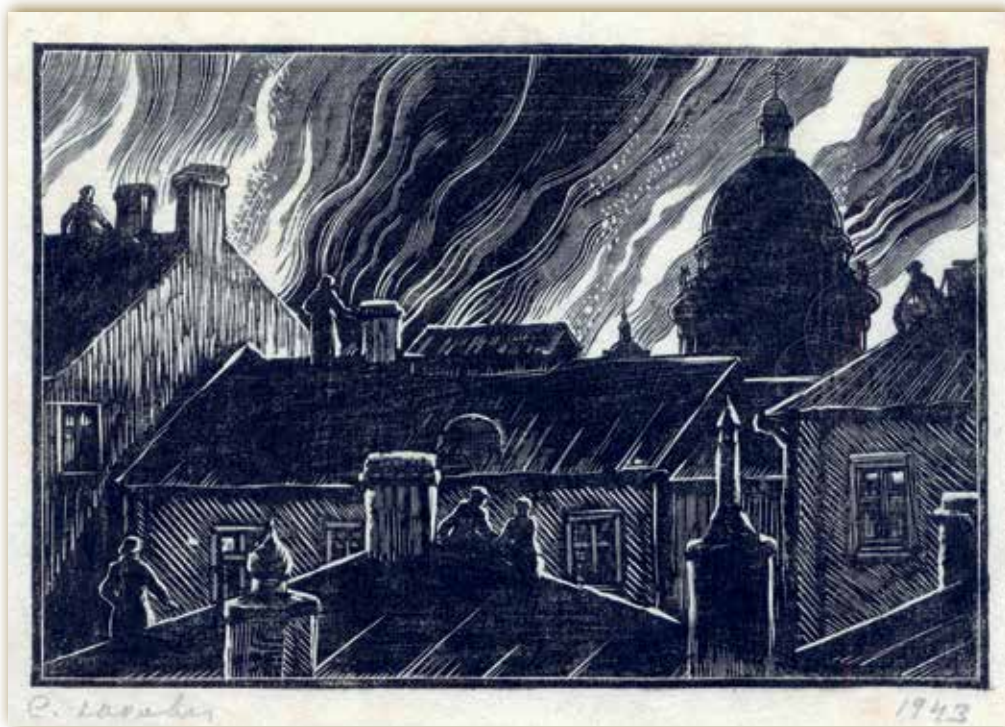
Два часа позировал Боголюбову³¹. Бюст, по-моему, должен выйти удачным. Был в библиотеке. Совершенно страшное впечатление производит Ольга Михайловна³². Вряд ли протянет долго. Всю зиму человек просидел в темной и холодной (до ужаса) библиотеке, питался так, что пользование нашей столовой считал за благо, похоронил мать, но не пропустил ни одного дня. В итоге сейчас возвращаются люди, которые всю зиму оберегали себя и выжили дома, героями ходят те, кто правдами или неправдами

В.В. Лишев. Везут в стационар. 1942. Бронза. ГРМ

³¹ Вениамин Яковлевич Боголюбов (1895–1954) — скульптор, ближайший друг автора. Автор памятника Римскому-Корсакову возле Консерватории.

³² Ольга Михайловна — сотрудница Театральной библиотеки (фамилию установить не удалось).

С.Б. Юдовин. Обстрел города и пожары. Из серии «Ленинград в дни блокады». 1943. Линогравюра. ГРМ

добывал себе добавочное питание, а она предоставлена себе самой, она никого не интересует, она амортизирована, и если умрет, катастрофы в этом никто не увидит. Страшно! Звериный закон, звериная логика, звериная мораль. А в стационарах опекают здоровую сволочь. <...> Это — результат импульсивности Загурского, его мягкосердечия, искреннего желания помочь тем, чью нужду он воспринял непосредственно. Парадокс! <...>

24/IV. Тревога с 1 ч. 40 м. до 3.40. Был в Соляном городке и считал, что дело ограничивается стрельбой зениток. А впоследствии выяснилось, что бомбежка была жестокой, особенно на Васильевском. Три бомбы на Литейном дворе Академии художеств, из них одна в гараже (к счастью, никто не пострадал,

все машины тоже уцелели), есть попадания в Морской корпус. Словом, первомайская декада началась. Маша из окон училища видела большие пожары в северных районах, говорит, что сверху сыпался пепел от горевших бумаг.

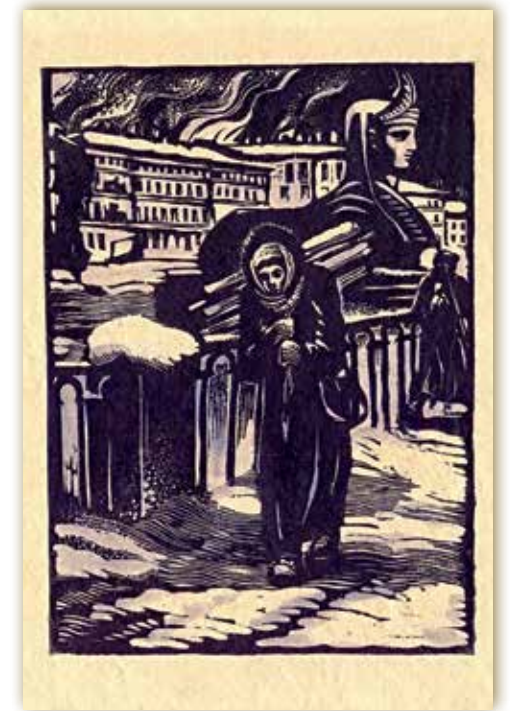
Ходил по помещению музея Штиглица — впечатление угнетающее. И не столько от самих разрушений — они не так уж велики: выбиты все окна, дыра в стене и потолке центрального зала, громадная трещина вдоль галереи, осколками повреждена облицовка зала и, что хуже всего, огромное количество воды в подвалах — говорят, от лопнувшей магистрали городского водопровода. Но дело не в том, что разрушено, а в том, что разрушается. На всем здании лежит печать заброшенности, запущенности, бессилия. Сквозь разбитый купол падает снег и лежит на паркете, и его

никто не убирает — некому. С потолков и стен осыпается живопись, старинные зеркала в резных рамах потускнели и кажутся оловянными, выломанные воздушной волной двери валяются там, куда их отбросило, кирпичная пыль после взрыва густым слоем покрывает пол, витрины, экспонаты, и никто даже не пытался их убрать. Люди, которые изредка сюда попадают, ходят вокруг и сокрушенно вздыхают — на большее нет сил, нет средств, нет возможностей. Перевозка ценностей в здание Эрмитажа оборвалась неожиданно и на непонятном этапе. Мелочь — фарфор, бронза, деревянная резьба, небольшая скульптура — почему-то не вывезена и даже не упакована. Думаю, что много раскрадено. От сырости дерево коробится, инкрустация распадается. Делаю идеалистическую попытку спасти, что удастся. Но эрмитажники по-своему правы: их не хватает на спасение вещей более ценных. <...>

26/IV. <...> Кстати, о дистрофии. К числу ее симптомов, кроме нервозности, болтливости (м.б., впрочем, это результат нервной неуравновешенности всех нас), недержания мочи, относится ярко выраженный инфантилизм. Люди задают нелепые вопросы, наивные своей детскостью, строят наивные предположения (С. Н. проектирует, выйдя из стационара, пить чай только внакладку), Вера рассказывала, что он порой даже заговаривает детским голосом. Сегодня я видел, как милиционер остановил изможденную женщину, которая неправильно перешла улицу. Она попыталась оправдаться, потом тяжело, с трудом пересту-

³³ Александр Александрович Кроленко (Кролик) (1889–1970) — издатель, один из создателей издательства «Academia».

³⁴ Леонид Сергеевич Вивьен (1887–1966) — народный артист СССР, лауреат Сталинской премии.

С.Б. Юдовин. Топливо у Египетского моста. Из серии «Ленинград в дни блокады». 1943. Линогравюра. ГРМ

пая ослабевшими ногами, вдруг побежала от него: совсем как бегают мальчишки, снятые с колбасы трамвая.

Сейчас, когда город начинает немного оживать, слово «дистрофик» становится если не оскорбительным, то выражает презрение. Никто не интересуется, какой ценой люди могли сохраниться — важно, что они не превратились в те полутрупы, которые встречаются нам на улицах на каждом шагу. <...>

Был у Кроленко³³, его не застал, А.А. заговорила. От нее узнал, что Богинский арестован еще в феврале, что Вивьен³⁴ прислал письмо с просьбой распродать его библиотеку, т.к. меньше чем на

С.Б. Юдовин. На новую квартиру.
Из серии «Ленинград в дни блокады». 1943.
Линогравюра. ГРМ

9 тысяч в месяц в Новосибирске прожить невозможно, что Мария Георгиевна продала Соловьевскую библиотеку³⁵ какому-то «любимому ученику» за три тысячи. Человек собирал книги всю жизнь, понимал и любил их, больших денег не тратил, но книги покупал с толком, когда на них сыпались зажигательные бомбы — за несколько дней до его смерти, — метался по комнатам и кричал: «Спасите книги!», а «неутешная вдова» продает их за бесценок и без особой необходимости. А ВТО, располагая деньгами, упускает возможность приобретения такой библиотеки, архива (он

еще цел), ничего не делает для спасения выморочного театрального имущества, и оставшиеся его работники занимаются только самоспасением, окопавшись на Петровском острове в Доме ветеранов сцены. Маразм там полнейший. Сколько упущенных возможностей мы учтем впоследствии. Наши потери мы обнаружим, и как много может сейчас сделать один энергичный, работоспособный и не слишком занятый собою человек! <...>

29/IV. Пока (8 час. веч<ера>) тихо. Утром слегка постреляли зенитки, но потом все было спокойно. По-моему, не было даже артобстрела. <...>

Был в ЛССХ — смотрели эскизы Владимира³⁶, Белухи³⁷, Правосудович³⁸, Визеля³⁹, Колесовой, Конашевича, Быльева. Очень хорошо, хотя и дискусионно у Конашевича, на которого напал Серов со своей проповедью ползучего эмпиризма и идеологической безупречности. Пришлось отстаивать право художника на искренность и собственную точку зрения, хотя бы мы были с нею не согласны. <...>

4/V. День прошел спокойно. Резко похолодало — дует сильный северный ветер и температура около нуля. Говорят, что ладожский лед и на этот раз не пустят.

В доме Архитектора открылась выставка зарисовок «Ленинград в дни Отечественной войны». <...> Одни, не умея рисовать, пытаются изобразить жанровые сцены, т. е. перестают быть архитекторами, а перестраиваются на

плохих художников. Другие — наоборот, рассматривают рисунок, как чертеж, работают чуть не с линейкой, пользуются условной перспективой, применяют технические приемы, понятные в чертеже и манерные в рисунке. <...>

5/V. <...> Днем в Эрмитаже, где господствует полная организационная импотенция Тарасова. Как Орбели⁴⁰, после гордых фраз относительно неразрывности своей личной судьбы с судьбой Эрмитажа, зная этого милейшего, но беспомощного человека, мог оставить на него и ответственнейший объект, и людей, которые, казалось бы, должны быть ему дороги?

Тарасов получил новое распоряжение райкома: немедленно выделить 20 человек для отправки на трудработы в деревню — с предупреждением, что люди пробудут там до сентября. Это — после категорических заявлений Шумилова и Федоровой, что ни одного человека от Эрмитажа отрывать не будут. Чем выше инстанция, тем бережнее она относится к Эрмитажу. А холуи в районном масштабе приравнивают его к любому законсервированному тресту или прачешной. «Власть на местах» — это страшная вещь!

Вечером — жюри конкурса в доме Архитектора. 1<-ю> премию присудили Каменскому⁴¹, 2<-ю> — Шепелевскому⁴², 3<-ю> — Явейну⁴³ и 4<-ю> — Грушке⁴⁴. <...>

6/V. Тревога с 5 ч. дня до 5.35. Днем короткий артобстрел.

Просмотр эскизов ЛССХ. Есть хорошие новые. В мастерской Николаева⁴⁵ увидели два автопортрета. Я предложил включить один из них в выставку — незаконченный, но начатый широко, свежо, несколько подчеркнутый и тем не менее искренний. Серову больше понравился другой: тусклый, благообразный и благополучный. Возникла дискуссия. На моей стороне оказался автор и Пахомов, к Серову примкнул Рутковский (до чего неприятен неумеренный подхалимаж!) и Прошкин⁴⁶. Страсти разгорелись и закончились возгласом Николаева: «Представитель Комитета понимает в живописи больше, чем наши художники!» К сожалению, это не трудно. Серов очень деспотично, по-АХРРовски (АХРР — Ассоциация художников революционной России. — Л.Ш.) проводит свою вкусовую линию, очень примитивную, определяемую бескультурьем и самоуверенностью и находящуюся на АХРРовском же уровне. Смешно, но мне пришлось как-то отстаивать от него Конашевича. И опять-таки, к сожалению, известная часть Союза идет за ним. Старики-мастера просто стоят в стороне, огражденные своими именами и не желая ввязываться в склоки. И тем приятнее видеть среди неименитых подлинный темперамент, готовность отстаивать свою точку зрения, не боясь творческих споров, порчи отношений —

³⁵ Соловьевская библиотека — библиотека Александра Николаевича Соловьева (1864–1942) — библиофила, исследователя русского книжного дела XVII века, редактора журнала «Библиографические записки».

³⁶ Иван Алексеевич Владимиров (1869–1947) — художник-баталист.

³⁷ Евгений Дмитриевич Белуха (1889–1943) — график, иллюстратор книг.

³⁸ Татьяна Михайловна Правосудович (1887–1963) — художница.

³⁹ Эмиль Оскарович Визель (1866–1943) — барон, художник, хранитель музея Академии художеств и Русского музея.

⁴⁰ Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) — востоковед, академик АН СССР, директор Эрмитажа (1934–1951).

⁴¹ Валентин Александрович Каменский (1907–1975) — народный архитектор СССР.

⁴² Модест Анатольевич Шепелевский (1906–1982) — архитектор, художник, член Союза архитекторов СССР, профессор, ректор ВХУ им. Мухиной.

⁴³ Игорь Георгиевич Явейн (1903–1980) — доктор архитектуры, профессор.

⁴⁴ Андрей Александрович Грушке (1912–1989) — архитектор.

⁴⁵ Ярослав Николаевич Николаев (1899–1978) — живописец, монументалист, график.

⁴⁶ По-видимому, Виктор Николаевич Прошкин (1907–1983) — один из двух братьев-художников, живописец, график, профессор ВХУ им. Мухиной.

В.М. Конашевич. Ленинград. Утро. 1941.
Бумага, акварель. ГРМ

и все это на базе правильного творческого отношения к искусству. Поэтому очень приятен Николаев, человек всегда истощенный, грязный, рваный, но судя по высказываниям на обсуждениях, с очень правильными установками. Нравится мне также Пинчук, хотя принадлежащий к лагерю Серова и ненавидимый оппозицией.

Вчера Серов с Прошкиным были у Попкова⁴⁷ — насчет прокорма. Ничего не обещал и предложил оставить в Ленинграде 50 художников, а остальных эвакуировать. Когда ему сказали, что они сами не хотят ехать, он предложил подать список тех, кого сможет оставить. «Остальным мы предложим через милицию в 24 часа покинуть Ленинград». Серов согласен реализовать это предложение.

⁴⁷ Петр Сергеевич Попков (1903–1950) — советский партийный деятель, в годы блокады — председатель Ленсовета. Расстрелян по «ленинградскому делу» в 1950 году.

⁴⁸ А.И. Медельский — график.

Вечером был у меня Каплун. Произвел очень приятное впечатление. Несчастный, дезориентированный смертью жены человек, раздерганный, перескакивающий с одной темы на другую, наивный, но несомненно талантливый. Хочется помочь ему.

Со мной происходят странные вещи. Чувствую себя паршиво: очень вялым, обмякшим, но приписываю это погоде, к которой мы стали очень чувствительными. Холод держится, утром выпал снег и в тени пролежал до вечера. Но кроме субъективного самочувствия есть и объективные показатели. Прожорливость прогрессирует, хотя питание не ухудшилось. Даже сам замечаю, насколько потолстела морда. Припухлость напоминает отек, чем пользуюсь, говоря на эту тему с завидующими дистрофиками. Со вчерашнего дня снова катастрофически стало с мочеиспусканием. Позывы часты и неудержимы. Удивительнее всего, что ночью почти не встаю — значит, дело не в физиологии, а в психике. Не понимаю. <...>

8/IV. Спокойно. Половину сахарной нормы выдали шоколадом — американским, большими глыбами.

Генеральный просмотр эскизов в ЛССХе. Загурский вел себя неумным самодуром, когда его личная точка зрения разошлась с решением жюри (все против одного), заявил, что все равно денег на контрактацию не понравившихся ему художников не даст. Протащил несколько явно безнадежных эскизов (Медельского⁴⁸) и отклонил Конашевича. Спорил из-за вещей, не стоящих внимания, и в то же время проходил мимо работ стоящих.

Кое-кто очень порадовал. Хорошие этюды в результате поездки на фронт показали Казанцев⁴⁹, Курдов⁵⁰ и Кобелев⁵¹. Приятное впечатление произвел Рутковский. Бесспорно хорош эскиз группового портрета у Серова. Но лучше всех скульпторы. Прекрасные свежие работы у Исаевой⁵², очень интересно намечена фигура Жданова у Пинчука: сидит в накинутой на плечи шинели, с картой на коленях. По-прежнему хорошо воспринимается серия сталеваров у Стрекавина⁵³. У Боголюбова много сырых, но талантливых эскизов, вернее нашлепок. <...>

Марина рассказывала о завмаге, который их снабжает продуктами: у человека 10 золотых часов, чудесная мебель, недавно купил библиотеку. На все виды продуктов существует преysкурант. Правда, сам не торгует — этим занималась ныне эвакуировавшаяся супруга, которая вела торговлю в широком масштабе. Уехала с 25-ю чемоданами, для провоза которых взяла с собой двух бездомных и нищих девочек. А на чаевые в дороге прихватила кг табаку и литр спирта. Самое страшное, что все это очень явно, что раскрыть эти махинации ничего не стоит, но никто этим не занимается и воровство в крупных масштабах остается безнаказанным. Когда-нибудь начнется кампания по расстрелу завмагов, но расстреляют самых безобидных, и их эвакуированные жены окажутся богатыми невестами. <...>

Открылся читальный зал Публичной библиотеки и начал работать Зоологический сад. <...>

⁴⁹ А.И. Казанцев (1908–1984) — художник.

⁵⁰ Валентин Иванович Курдов (1905–1989) — живописец, график.

⁵¹ Василий Алексеевич Кобелев (1895–1946) — книжный график, плакатист.

⁵² Вера Васильевна Исаева (1898–1960) — скульптор. Среди прочих работ — «Родина-Мать» на Пискаревском кладбище и памятник Горькому на Каменноостровском проспекте.

⁵³ Александр Алексеевич Стрекавин (1899–1980?) — скульптор.

С.Б. Юдовин. В мастерской художника.
Из серии «Ленинград в дни блокады». 1943.
Линогравюра. ГРМ

13/V. Две тревоги: 1.20–2.25 и около 5–6. Во время последней у нас выключили электричество. Вечер сидели впотьмах и в панике. Неужели наше блаженство кончилось. <...>

Как будто реализуется вопрос организации бескарточной столовой для работников искусства. В воскресенье в Союзе архитекторов мне передали телеграмму (правительственную): «Распоряжение Землячки Ленинграде организуется столовая работников науки искусства, свяжитесь Загурским. Константинов». Я понес ее Б.И., оказалось, что он ничего не получил, но выгащил мартовский циркуляр

Наркомторга СССР, предписывающий в городах, где есть свыше 200 работников науки и искусства, организовать столовые повышенного типа без вырезки карточек. По этому поводу разговоры в Смольном были, но Лазутин⁵⁴ возражает, считая, что в Ленинграде это сейчас нереально. В итоге положение работников науки и искусства в массе было хуже положения большинства других категорий. Вчера же лед тронулся, и получено полуообещание такую столовую открыть. Я был прав, говоря еще в начале войны, что важно не умереть в первую очередь.

Узнал, что два дня тому назад умер Богаевский. Что же делать — он был обречен уже давно. Он собирался ехать с Академией Художеств, уже сидел в по-

Н.А. Тырса. Плакат «Тревога». Л., 1941. ГРМ

зде, но почувствовав себя плохо, вышел из вагона и остался. Я видел его вскоре после этого, т.е. в конце февраля, и уже тогда произвел на меня безнадежное впечатление. Дистрофия лишь усугубила общее состояние организма, который и до войны был весьма расшатан.

Потемки застали нас врасплох, и вплотную познакомили с тем комплексом неудобств, от которых мы были избавлены. Кроме неподготовленности осветительных приборов (к счастью, у нас был керосин и свечи) трагичен вопрос с горячей водой и разогреванием пищи. Если света не дадут, придется разогревать топить буржуйку. Здесь и проблема дров, и проблема духоты. Зимой в городе для этой цели широко использовались книги. Известны случаи, когда таким образом были сожжены ценнейшие библиотеки эвакуированных. Жглись и собственные книги — наряду с мебелью, причем красное дерево в данном случае не исключалось, — т.к. небольшое их количество при реализации, связанной с хождениями и хлопотами, могло дать суммы, которые никого не устраивали.

Словом, общее количество книг, находящихся в обращении, за эту зиму резко сократилось. На сколько столетий мы вернемся назад — в смысле общей культуры — в результате этой войны?

Видел ремонт «Кирова» — очевидно, загвоздили крепко. <...>

18/V. <...> Ездил в Академию, из окон трамвая видны следы недавнего обстрела района Адмиралтейства: воронку на панели Невского возле Штаба, у трамвайных рельс на повороте, сбитый карниз у Штаба, дыру под аркой. Все это в конечном итоге мелочи. После сегодняшнего

Л.С. Хижинский Петродворец. Февраль 1944. Из серии «Пригороды Ленинграда, разрушенные фашистами». 1945. Цветная ксилография. ГРМ

обстрела, совсем рядом с нами, трудно уточнить места, где были разрывы. Скоро год, как мы воюем, 9 месяцев немцы находятся на расстоянии орудийного выстрела, их аэродромы в Гатчине, а число механических разрушений (хотя каждый раз после налета или обстрела страдает какой-нибудь памятник) в общей массе города в конечном счете ничтожно. 10 или 12 снарядов, попавших в здание Эрмитажа (включая Зимний), внешне почти не заметны — кроме выбитых стекол. Выщербина в карнизе Штаба жалка по сравнению с масштабом всей постройки. И средства разрушения даже

современной войны ничтожны по сравнению с созидательной деятельностью человечества. <...>

Получил список покойников — членов ЛССХ: 72 человека. Среди них: Андреев, Билибин, Гуминер, Бобровский, Жаба, Карев, Клевер, Лапшин, Малашкин, Наумов, Д.Ф. Попов, Плешаков, Суков, Скалон, Савинов, Тырса, Н. Ушин, Чужетов, Шиллинговский, Юдин, Чахров, Зверев.⁵⁵ <...>

13/VI. Смотрели плакаты в ЛССХ. Были приятные сюрпризы: очень хорош эскиз Серебряного⁵⁶, приятен

⁵⁵ Среди умерших в 1942 году: Яков Моиссевич Гуминер (род. в 1896 году) — график; Григорий Михайлович Бобровский (род. в 1873 году) — сценограф, плакатист, живописец; Альфонс Константинович Жаба (род. в 1878 году) — живописец, график; Алексей Еремеевич Карев (род. в 1879 году) — живописец; Николай Федорович Лапшин (род. в 1891 году) — график, книжный иллюстратор; Павел Семенович Наумов (род. в 1884 году) — живописец; Владимир Всеволодович Суков (род. в 1866 году) — живописец; Александр Васильевич Скалон (Скаллон) (род. в 1874 году) — живописец; Александр Иванович Савинов (род. в 1881 году) — живописец; Николай Андреевич Тырса (род. в 1887 году) — график, книжный иллюстратор; Николай Алексеевич Ушин (род. в 1898 году) — театральный художник, книжный график; Яков Андреевич Чахров (род. в 1875 году) — живописец, педагог.

⁵⁶ Иосиф Александрович Серебряный (1907–1979) — живописец, член-корреспондент АХ СССР.

⁵⁷ Геннадий Дмитриевич Епифанов (1900–1985) — график, профессор Института им. Репина, член-корреспондент АХ СССР.

⁵⁴ Петр Георгиевич Лазутин (1905–1950) — советский партийный и государственный деятель, председатель Ленгорисполкома, один из главных фигурантов «ленинградского дела», расстрелян в 1950 году.

И.А. Серебряный. Атака. 1942. Холст, масло. ГРМ

Будочосик. Свежий проект оформления лозунга у Епифанова⁵⁷, хороша работа Хижинского⁵⁸. Прекрасные акварели принес для открыток Фитингоф⁵⁹. Вообще уровень работ гораздо выше прошлогоднего, много свежего, яркого, талантливого, и в целом культурный уровень несоизмеримо выше. Даже Серов подтянулся, и хотя его плакат далеко не откровение, все же он интереснее его предыдущих работ.

Есть сведения, что квартира Голлербаха⁶⁰ подвергается ограблению. Очень боюсь за судьбу Замирайловских⁶¹ работ, находившихся у его матери, — если старуха померла, что весьма возможно, вряд ли что-нибудь сохранилось. Даже не раскрадено и распродано, а просто сожжено в буржуйке. Хижинский застал работницу Публичной библиотеки, живущую в квар-

тире Альтмана⁶², в тот момент, когда она сдирала какого-то голландца с подрамника, чтобы растопить им печку. <...>

15/VI. Ясный, солнечный, но, в общем, холодный день.

Суматоха в связи с ответными письмами английским женщинам. Ездил к Остроумовой, которой решили поручить верховодство этим делом в Горкоме. Затеваается, по-моему, очень интересная вещь. Старуха трогательно идет навстречу и дает для заставок свои гравюры. Меня увлекает эта совместная работа. Завтра встречаемся для детализации.

Народ возлагает большие надежды на договор и чуть не считает дни, оставшиеся до конца войны. Очень всем хочется этого! <...>

16/VI. Узнал о смерти Ф.Ф. Нотгафт<а>⁶³. Соседи обратили внимание на то, <что> его дверь в течение ряда дней не открывается, вызвали милицию, которая взломала квартиру. Там нашли полуразложившийся труп Ф.Ф. и повесившуюся Анастасию Сергеевну. Ноги у нее были объедены крысами. Она несколько раз говорила, что если Ф.Ф. умрет, она повесится, но этому как-то всерьез не придавали значения. Тем более странно, что они расходились и у него последнее время была другая женщина. Во время голода А.С. трогательно ухаживала за ним. В свое время отказалась эвакуироваться вместе с родными, заболела флегмоной и, несмотря на предупреждение врачей, что хождение грозит ей общим заражением крови, ежедневно ходила за обедом в столовую Александринского театра.

В свое время Серов писал с нее «Девочку с персиками». <...>

19/VI. 2 дня, с 8 ч. утра до 12 ч. ночи, провел у Остроумовой. Какая интересная и хорошая старуха! Ее сдержанность, прямота, определенность в оценке и себя, и других делают ее оценки одновременно и очень суровыми, и очень человечными, а потому убедительными.

Раскрыла свои шкафы, готова была предоставить в наше распоряжение все свои вещи, стойко выдержала и наше присутствие в квартире, и нашу организационную бестолочь.

Альбом, благодаря ее работам, получился очень хороший, хотя угнетают шрифты, и в этом направлении было максимальное количество организа-

ционных и иных огорчений. Началось с того, когда я заехал к Рубанчику⁶⁴, который взялся писать тексты и 3 дня тому назад просидел у меня 3 часа, выбирая шрифт и бракуя один за другим по эстетическим соображениям, и должен был сделать их к 11 ч. утра, он без особого смущения сообщил мне, что ничего не успел сделать.

Его слова не оказались преувеличением: из 12-ти текстов были готовы только два, самых коротких, и написаны отвратительно. Оправдался он тем, что не рассчитал свои силы, что раньше за одну ночь он делал перспективу, на которую Котя тратил по 2 недели; («не

Г.П. Фитингоф. Открытка «С дровами». Л., 1944

⁵⁸ Леонид Семенович Хижинский (1896–1972) — график, книжный иллюстратор.

⁵⁹ Георгий Петрович Фитингоф (1905–1965) — график, акварелист, автор открыток.

⁶⁰ Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) — писатель, искусствовед, библиофил, мемуарист, художник.

⁶¹ Виктор Дмитриевич Замирайло (1868–1939) — художник, книжный график.

⁶² Натан Исаевич Альтман (1889–1970) — живописец, график, скульптор, заслуженный художник РСФСР.

⁶³ Федор Федорович Нотгафт (1896–1942) — коллекционер, издатель, основатель издательства «Аквилон».

В 1922–1925 гг. — главный художник издательства «Брокгауз и Ефрон». Анастасия Сергеевна (урожд. Боткина) — его вторая жена. См. об этом в воспоминаниях В.М. Глинки. «Звезда», 2005, № 7. Барташевич ошибается: «Девочка с персиками» написана в В.С. Мамонтовой.

⁶⁴ Яков Осипович Рубанчик (1899–1949) — архитектор, художник, автор серии рисунков «Блокадного дневника».

тот Рубанчик» — его подлинные слова), что все равно сроки были нереальные и альбом вовсе не так уж срочно необходим. <...>

Эти встречи как-то ясно показали, что мы уже сейчас делимся (и делим себя) на две категории — людей работоспособных и людей неполноценных. Первые пока нужны, ими сравнительно интересуются и их не спрашивают, ценой какого преступления — уголовного или морального — они сохранились в форме. Вторые вызывают чувство брезгливости, скрываемое холодной вежливостью и покровительственным тоном, и опять-таки всем безразлично, как, почему, из-за чего они оказались в таком плачевном состоянии. И самое страшное, что эти люди покорно сознают свою дистрофичность (какое

Г.П. Фитингоф. Открытка «Ленинградцы на огородах». Л., 1943

страшное, оказывается, слово, которое еще в январе воспринималось только как медицинский термин), их психология — рабья, они перестали стыдиться своих мыслей о куске хлеба, подавляющих все остальное. По всем данным эта категория в моральном смысле выше той, которая благополучна. Выживают сильнее — не физически, не морально, а оснащенные целостностью, ловкостью, гибкостью в сочетании с известной долей беспринципности.

Вчера был сильный артобстрел центра. Снаряды падали на Невском, возле Аничкина моста, в райкоме убило 8 чел. Один снаряд разорвался в нашем дворе. <...>

27/VI. Отвез Митрохина⁶⁵ в больницу — скорбут. Передвигается с трудом, лежал один не только без медицинской помощи, но и без элементарного присмотра. Страшно благодарил, говорил, что мы спасаем ему жизнь. <...>

Узнал об одном из способов, благодаря которым завмаги богатеют, а население кормится. Оказывается, отрезанные от карточек талоны после ревизии актируются и сжигаются непосредственно в магазинах, в присутствии того же завмага, его бухгалтера и еще кого-то. Значительная часть их не сжигается, а передается в соседний магазин, где ревизия еще не прошла. Техника очень простая!

На углу 5-ой Рождественской и Дегтярной стоит руина — остов дома, разрушенного бомбежкой. Ни одного перекрытия вплоть до подвала не сохранилось. На стене видна надпись: «Укрытие от бомб».

На огороде зацвели первые помидоры. Ели свой укроп.

Г.С. Верейский. Портрет И.А. Орбели в кабинете в Эрмитаже. 1942. Литография. ГРМ

В саду Дворца Пионеров — симфонический концерт (Элиасберг).

В Филармонии балетный вечер (Иордан⁶⁶). <...>

28/VI. <...> На огороде начались покражи. У Маруси исчезла целая грядка капусты, хороший кочешок сорван у второй сторожихи. Подозревают Белдовского. Это похоже на правду, хотя, по существу, довольно забавно: сторожиха подозревает своего директора в покраже капустных листьев!

29/VI. <...> Заседание худож. совета в ЛССХ. Очень хороший плакат Конашевича. Приняли паршивый проект оформления окна ТАСС, предложенный Суетиным. В остальном — день пустой и даже не очень напряженный.

Обстрелы довольно регулярны — начинаются около 4-х.

С огорода снято 25 редисок. <...>

1/VII. <...> Доклад Тагер по обследованию Эрмитажа: очень хорошо, глубоко, серьезно и правильно. Картина безотрадная, почти катастрофическая.

В пожарном отношении Эрмитаж и Зимний совершенно безоружны: водопровод бездействует, не ремонтируется, охрана не скомплектована, не обучена, не знает лабиринтов и лестниц. Может случиться, что они просто не сумеют подойти к очагу пожара. В залах насыпан

песок, но лопат нет: увезены на огороды. Огнетушители не заряжены.

Охрана такая, что не ворует только ленивый, причем о краже можно не узнать: описи увезены по устному распоряжению Орбели во время осенней паники, что находится в залах и кладовых — не знают даже хранители, некоторые из них с марта по май в свои отделы даже не входили. Большая часть сведений хранится лишь в памяти старых работников, большинство которых либо уехало, либо умерло. Брат Л. С., находящийся в летней части за пределами города, сообщил, что они чистят сапоги красным бархатом, подаренным им РУПО НКВД Дзержинского района, которое в свою очередь получило его от охраны Эрмитажа, сообщившей, что он вырезан из кареты Екатерины.

Все это упирается в отсутствие хозяина — и Загурский не хочет это понять. <...>

⁶⁵ Дмитрий Исидорович Митрохин (1883–1973) — график, заслуженный деятель искусств.

⁶⁶ Ольга Генриховна Иордан (1907–1971) — балерина. Была ведущим балетмейстером в блокадном городе.

Издания произведений Л.Н. Толстого в библиофильской жизни¹

М.В. Сеславинский

Библиография Льва Николаевича Толстого насчитывает множество изданий (в том числе различной степени полноты собрания сочинений, отдельные произведения, тематические сборники, массовые дешевые книжки, книги для детей и юношества, иллюстрированные издания), однако для библиофилов наиболее привлекательны прижизненные публикации и книги писателя из так называемого золотого пакета.

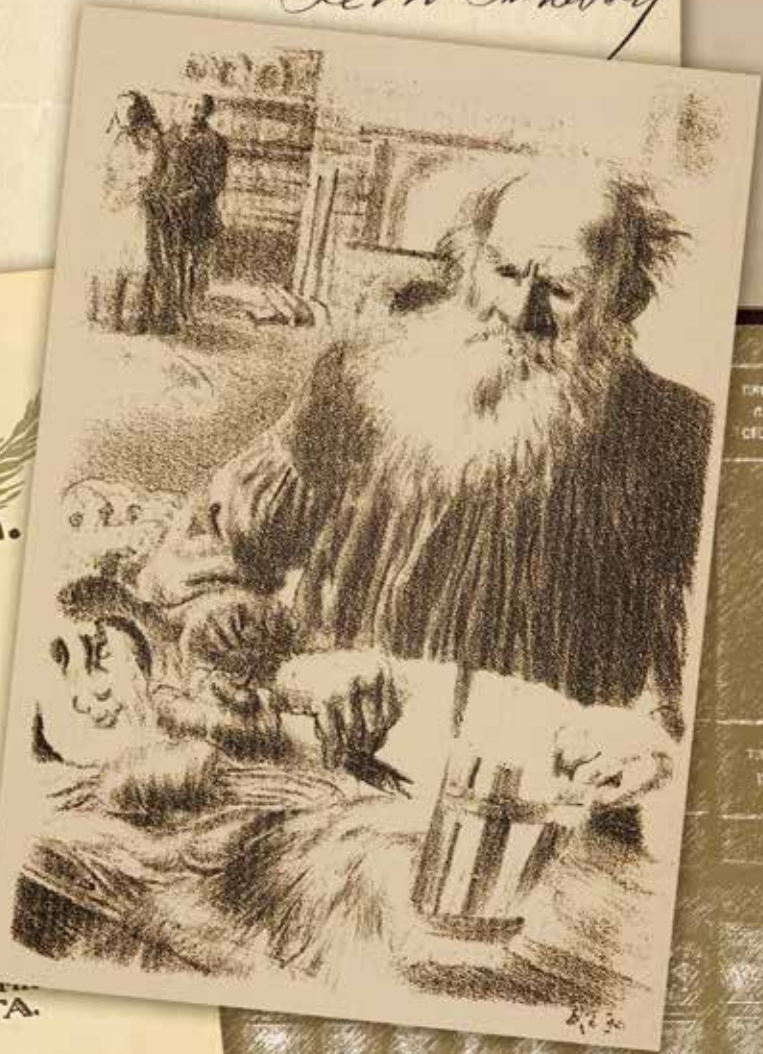
В первую очередь стоит вспомнить о первом выступлении Л.Н. Толстого в печати с повестью «История моего детства» (журнал «Современник» за 1852 год, № 9), а также о его первой книге «Военные рассказы» (СПб., 1856).

До сих пор не утихают споры, какое издание сочинений Л.Н. Толстого следует считать первым. Так, например, наш коллега Игорь Юрьевич Охлопков в своей книге «Дебюты русских писателей 19–20 веков» отдает пальму первенства сборнику «Детство и отрочество» (СПб., 1856), отмечая при этом: «принято считать, что первая книга Л.Н. Толстого — «Военные рассказы». Однако убедительного доказательства этому пока не существует. Разница в датах цензурных разрешений (17 дней), безусловно, таковым не является. Логично предположить, что первым было издано первое произ-

ведение — «Детство» и его продолжение «Отрочество».

Не менее популярны у библиофилов первые издания культовых романов Л.Н. Толстого — «Война и мир» (М., 1868–1869; Т. 1–6), «Анна Каренина» (М., 1878; Т. 1–3) и «Воскресение» (Берлин, 1902).

Первоначально роман «Анна Каренина» увидел свет на страницах журнала

Титульный лист первого тома первого отдельного издания романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (М., 1878)

¹ Публикация подготовлена на основе доклада представленного на круглом столе «Книги и автографы Л.Н. Толстого в библиофильской жизни», прошедшем в рамках VII Общего собрания членов НСБ 27 мая 2015 года. Иллюстрации предоставлены автором и взяты из открытых источников.

Издательство ТОО Н.Д. Сыгына.

Титульный лист первого тома первого издания романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (М., 1868)

Титульный лист первого полного издания романа Л.Н. Толстого «Воскресенье» (Берлин, 1902)

Незаконное издание книги Л.Н. Толстого «Крейцерова соната, или Повесть о том, как муж убил свою жену. 1888 г.» (М., 1890)

«Русский вестник» (1875–1877). Из-за разногласий редактора журнала с писателем восьмая, последняя часть была напечатана отдельным изданием в 1877 году. Конволюты с первой журнальной публикацией и 8-й частью также встречаются в продаже.

Последний роман Л.Н. Толстого «Воскресение» впервые увидел свет на страницах журнала «Нива» (1899, начиная с № 11 и до конца года), правда, с многочисленными цензурными искажениями. Первое отдельное издание вышло за границей — в Лондоне в том же 1899 году (издание Владимира Григорьевича Черткова).

В продолжение разговора о сложных взаимоотношениях Л.Н. Толстого с Цен-

зурным комитетом вспомним о таком его запрещенном издании, как «В чем моя вера» (М., 1884). Отпечатанное в количестве 50 экземпляров (согласно воле Цензурного комитета), оно все равно подверглась уничтожению. Правда, некоторая часть тиража была спасена высокопоставленными чиновниками (например, министром внутренних дел графом Дмитрием Андреевичем Толстым).

Поэтому нередко издания Л.Н. Толстого печатались нелегально. Так, например, увидело свет первое издание книги «Крейцера соната, или Повесть о том, как муж убил свою жену. 1888 г.» (М., 1890).

Еще при жизни Л.Н. Толстого выходили многочисленные собрания его

Страница журнала «Русский вестник» (1875. №2) с публикацией романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

Страница журнала «Нива» (1899. №11) с публикацией романа Л.Н. Толстого «Воскресение»

Внешний вид и внутренняя сторона крышки переплета собрания сочинений Л.Н. Толстого (М., 1903. Т. 4-8, 14)

сочинений. В моем собрании находится 11-е издание 1903 года (Сочинения: в 14 ч. Ч. 4–8, 14) в роскошных сафьяновых переплетах эпохи: на корешках пять бинтов, тиснением золотом: орнаментированные, с геометрическим мотивом, рамки, виньетки с изображением цветов, название издания, фамилия автора, номер части. Форзацы из зеленого

Два тома романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (М., 1903) в переплетах А. Шнеля

муара. Подвертка украшена выполненными тиснением золотом орнаментированными, с геометрическими и цветочными мотивами, рамками. Внутренние стороны крышек переплета из воощеной бумаги с различным для каждого (!) тома растительным орнаментом, исполненным в технике трафаретной печати с дополнительной ручной раскраской. Поробрики с выполненным тиснением золотом пунктиром. Золотые обрезы. На оборотной стороне свободного листа форзаца сюжетный экслибрис Я.С. Сидорина.

Еще один образец переплетного искусства начала XX века представлен в моем собрании изданием романа «Анна Каренина» (М., 1903), каждый том которого облачен в цельнокожаный переплет работы мастерской А. Шнеля. Форзацы составные из тонированной бумаги

Издание повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» с иллюстрациями К.А. Терешковича (Париж, 1955)

с растительным орнаментом. Подвертка украшена выполненными тиснением золотом орнаментированными, с геометрическими и цветочными мотивами рамками. Поробрики украшены пунктиром, выполненным тиснением золотом. Золотые обрезы. Двухцветное тонкое шелковое ляссе.

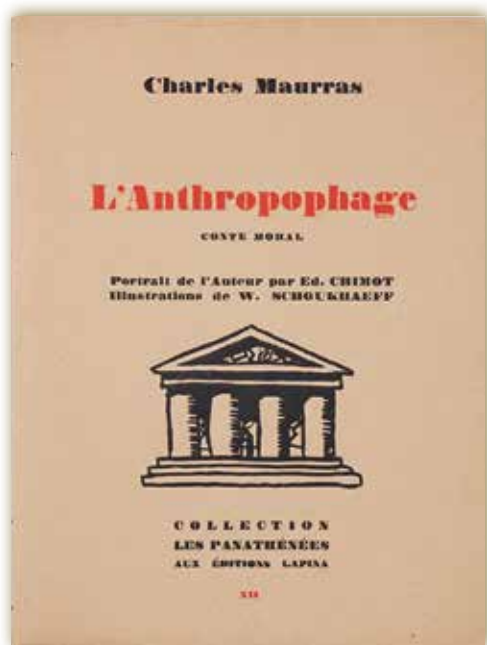
Особой любовью среди библиофилов пользуются иллюстрированные издания произведений Л.Н. Толстого. Среди них — «Хаджи-Мурат» с иллюстрациями Евгения Лансере (Пг.: Р. Голике и А. Вильборг, 1916), иллюстрированное собрание произведений Л.Н. Толстого, выпущенное типографией Т-ва Ивана Дмитриевича Сытина (1912–1915, Т. 1–10), и другие.

Говоря об иллюстрированных изданиях произведений Л.Н. Толстого, нельзя не вспомнить и о книгах, оформлен-

ных русскими художниками в эмиграции. Так, например, в моем собрании находятся экземпляр одного из самых оригинальных французских библиофильских изданий — «Хаджи-Мурат» с иллюстрациями Константина Терешковича и дополнительной сюитой (Париж, 1955), а также повесть о последних днях писателя «Людоед» Шарля Морра с иллюстрациями Василия Шухаева (Париж, 1930).

Библиофильский восторг вызовет и фривольное издание «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого, иллюстрированное гравюрами Гастона Баррета (Париж, 1952; Т. 1-2).

Отдельно бы хотелось рассказать об автографах Л.Н. Толстого, которые редко, но все же появляются на антикварно-букинистическом рынке. В моем собрании есть три автографа писателя, которые

Обложка повести Ш. Морра «Людоед» (Париж, 1930)

Иллюстрация В.И. Шухаева к повести Ш. Морра «Людоед» (Париж, 1930)

Титульный лист повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» (Париж, 1952) и иллюстрации Г. Баррета к французскому изданию повести

были опубликованы в альбоме «Искусство автографа» (М., 2015; Т. 2):

1. Толстой, Л.Н. Сочинения: [в 8 ч.] / граф Л.Н. Толстой. — 3-е изд. — М.: В Унив. тип. (Катков и К^о), 1873. — Ч. 4. — 572, [2] с.; 21×15 см.

На шмуцтитуле автограф: «Николаю Николаевичу / Страхову / в знак дружбы / от Автора».

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) — критик, постоянный оппонент и литературный помощник Толстого.

2. Письмо Л.Н. Толстого Э. Жанвиону. — 23 августа 1903. — [2] с.; Рукопись (на фр. яз.). 18×11 см.

Письмо вложено в конверт. Адрес: «Франция / Emile Janvion / 22 j, avenue Daumesnil / Paris».

«[Л. 1:] Милостивый государь, Я только что получил первый номер «L'ennemi du peuple». Нахожу, что номер составлен очень хорошо, и желаю Вашему изданию большого успеха. Я не могу сказать ничего нового по вопросу о средствах, которые могут уничтожить войну, и вследствие этого, к глубокому [Л. 1 об.] сожалению, не могу исполнить Вашей просьбы. Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении. Лев Толстой. 23 августа 1903».

Эмиль Жанвион (Emile Janvion; 1866–1927) — французский педагог, лидер анархо-синдикалистов, основатель Общей конфедерации лейбористской партии.

3. Письмо Л.Н.Толстого Л.Д. Соколовой. — 7 марта 1905. — [2] с.; Рукопись. 16,5×11 см.

«Все, что вы стараетесь делать, совершенно достаточно. “Не обижаться, не осуждать, не сердиться и помогать кому можно”. Только делать это не для похвалы людской, а для Бога, и вам откроются новые обязанности и дела, и вы будете

Титульный лист части четвертой собрания сочинений Л.Н. Толстого (М., 1873). Дарственная надпись автора Н.Н. Страхова на шмуцтитуле тома

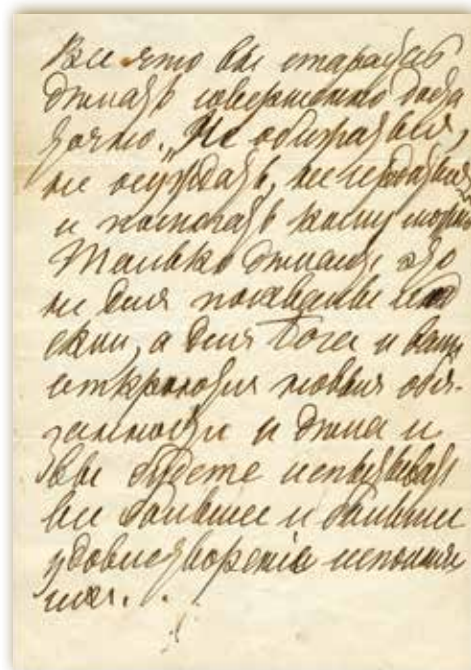
испытывать все большее и большее удовлетворение, исполняя их».

К письму приложены фрагменты конверта с отметкой о прохождении почты в Москве 9 марта 1905 года и записка М.Л. Толстой-Оболенской: «Мой отец, Лев Николаевич, поручил мне послать Вам книжечку «Мысли мудрых людей», ежедневное чтение которой может в некоторой степени способствовать поддержанию того хорошего настроения духа, в котором вы теперь находитесь. Готовая к услугам Мария Оболенская». Адрес: «Москва. Арбат. Филипповский р. д. Шилова Л.Д. Соколовой».

Сегодня цены на автографы Л.Н. Толстого варьируются в пределах 40 000–1 300 000 руб.

Говоря о книгах Л.Н. Толстого в собраниях отечественных библиофилов,

следует отметить, что в библиотеке Дмитрия Васильевича Ульянинского было 7 прижизненных изданий писателя, в том числе 3-е издание сочинений (1873), первое издание романа «Анна Каренина» (1878), первое издание «Власти тьмы» (1887) и другие книги, в библиотеке Моисея Семеновича Лесмана — 13 прижизненных изданий, в том числе первая книга «Военные рассказы» (1856), первые издания романов «Война и мир» (1868–1869) и «Анна Каренина» (1878), 5 различных изданий романа «Воскресение» (в том числе берлинское 1900 года и официального издателя А.Ф. Маркса), в библиотеке Николая Павловича Смирнова-Сокольского — 5 прижизненных изданий и посмертное собрание сочинений (М.: Изд. И.Д. Сытина, 1911–1912; Т. 1–3), в том числе первая книга «Военные рассказы» (1856), уничтоженная книга «В чем моя вера» (1884) в пере-

Письмо Л.Н. Толстого Л.Д. Соколовой от 7 марта 1905 года

плете работы А. Роу, берлинское полное издание романа «Воскресение» (1902) и другие (при этом Смирнов-Сокольский честно признавался, что в его «скромные задачи собрать все прижизненные издания Толстого не входило»).

Книги Л.Н. Толстого представлены в собраниях и наших современников, в том числе Алексея Анатольевича Венгерова (три книги, в том числе одна с автографом: Сочинения. Ч. 4: Педагогические статьи (1903; теперь в собрании М.В. Сеславинского); Сочинения. Ч. 4: Педагогические статьи о народном воспитании (1873) с автографом Н.Н. Страхову (теперь в собрании М.В. Сеславинского); первое издание «Анны Карениной» (1878) из библиотеки великого князя Сергея Александровича) и Владимира Андреевича Гусева (одна книга — экземпляр на толстом полуватмане «Хаджи-Мурат» с иллюстрациями Е.Е. Лансере).

Примеры аукционных продаж некоторых изданий и автографов Л.Н. Толстого

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО «ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕТСТВА» (СОВРЕМЕННОК. 1852. № 9):

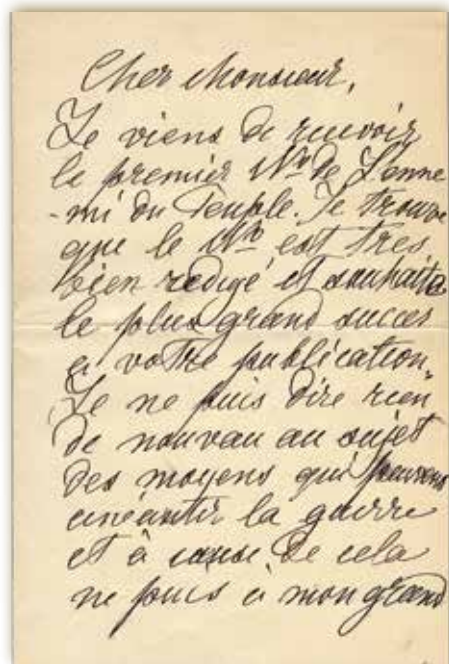
Аукцион М.Я. Чапкиной, № 76 (30.03.2002) — 1000 долл. (старт: 200 долл.); «Империя», № 25 (23.02.2013) — 50000 руб. (эстимейт: 40000–60000 руб.).

ПЕРВАЯ КНИГА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ» (СПБ., 1856):

«Дом антикварной книги в Никитском», № 16 (18.07.2013) — 1 100 000 руб. (эстимейт: 800 000–900 000 руб.); № 39 (9.10.2014) — 30 000 у.е. (эстимейт: 28 000–30 000 у.е.);

«Империя», № 38 (13.12.2014) — 11000 у.е. (эстимейт: 10 000–12 000 у.е.);

«Литфонд», № 1 (8.10.2015.) — 585 000 руб. (эстимейт: 550 000–600 000 руб.); № 2 (12.11.2015) — 420 000 руб. (эстимейт: 250 000–260 000 руб.).

Письмо Л.Н. Толстого Э. Жанвиону от 23 августа 1903 года

Титульный лист книги Л.Н. Толстого «Военные рассказы» (СПб., 1856)

Титульный лист книги Л.Н. Толстого «Детство и отрочество» (СПб., 1856)

«ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО» (СПБ., 1856):

«Совком», № 88 (16.12.2008) — *уход неизвестен (эстимейт: 50 000–55 000 руб.);*

«Bloomsbury» (13.11.2014) — *6 500 евро (эстимейт: 4 000–6 000 евро).*

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ВОЙНА И МИР» (М., 1868–1869; Т. 1–6):

«Империя», № 40 (18.04.2015) — *440 000 руб. (эстимейт: 420 000–440 000 руб.);* № 38 (13.12.2014) — *3 600 у.е. (эстимейт: 3 500–4 000 у.е.);* № 25 (23.02.2013) — *150 000 руб. (эстимейт: 130 000–150 000);*

«Дом антикварной книги в Никитском», № 64 (22.10.2015) — *190 000 руб. (эстимейт: 150 000–160 000 руб.);* № 40 (20.11.2014) — *не продан (эстимейт: 7 000–7 500 у.е.);* № 39 (9.10.2014) — *не продан (эстимейт: 14 000–15 000 у.е.).*

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»

(М., 1878; Т. 1–3, ТИРАЖ 6000 ЭКЗ.):

«Империя», № 12 (4.06.2011) — *240 000 руб. (эстимейт: 240 000–260 000 руб.);*

«Дом антикварной книги в Никитском», № 40 (20.11.2014) — *не продан (эстимейт: 5 000–5 200 у.е.);* № 39 (9.10.2014) — *не продан (эстимейт: 9 000–10 000 у.е.);*

«Антикварный книжный клуб», № 4 (20.05.2016) — *220 000 руб. (эстимейт: 180 000–200 000 руб.);*

«Sotheby's» (24.05.2016) — *информация о цене продажи на сайте аукционного дома отсутствует (эстимейт: 8 000–12 000 ф. ст.).*

ПУБЛИКАЦИЯ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА» В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ВЕСТНИК» (1875–1877) И ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ 8-Й ЧАСТИ:

Аукцион М.Я. Чапкиной, № 26 (5.03.1994) — *272 долл. (старт: 118 долл.);* № 31 (1.10.1994; Ч. 8) — *193 долл. (старт: 19 долл.).*

«Дом антикварной книги в Никитском», № 62 (24.09.2015) — *не продан (эстимейт: 120 000–130 000 руб.);*

«Литфонд», № 4 (12.12.2015) — *не продан (эстимейт: 75 000–80 000 руб.).*

ПОДШИВКА ЖУРНАЛА «НИВА» ЗА 1899 ГОД С ПУБЛИКАЦИЕЙ РОМАНА «ВОСКРЕСЕНИЕ»:

«Дом антикварной книги в Никитском», № 31 (19.06.2014) — *15 000 руб. (эстимейт: 15 000–16 000 руб.);* № 65 (19.11.2015) — *не продан (эстимейт: 70 000–75 000 руб.);*

«Sotheby's» (20.11.2014) — *4 000 ф. ст. (эстимейт: 4 000–6 000 ф. ст.)*

«В ЧЕМ МОЯ ВЕРА» (М., 1884):

«Империя», № 36 (27.09.2014) — *100 000 руб. за рукописный список 1884 года (эстимейт: 45 000–55 000 руб.). Других примеров продаж найти не удалось.*

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МУЖ УБИЛ СВОЮ ЖЕНУ. 1888 Г.» (М., 1890):

Аукцион М.Я. Чапкиной, № 68 (1.11.2001) — *100 долл. (старт: 20 долл.).*

«Антиквариум», № 19 (19.12.2015) — *44 000 руб. за машинописный экземпляр с надписью владельца: «Это первое / издание / «Крейцеровой сонаты» / до разрешения / цензуры» (эстимейт: 15 000–20 000 руб.).*

«ХАДЖИ-МУРАТ» (Пг., 1916):

«Империя», № 12 (04.06.2011) — *не продан (эстимейт: 12 000–14 000 руб.);* № 17 (11.02.2012) — *снят (эстимейт: 14 000–16 000 руб.).*

Продажи (комплект изданий Сытина (1912–1915, 10 томов):

«Дом антикварной книги в Никитском», № 55 (18.06.2015) — *300 000 руб. (эстимейт: 280 000–300 000 руб.);*

«Антикварный книжный клуб», № 1 (27.11.2015) — *не продан (эстимейт: 300 000–340 000 руб.).*

АВТОГРАФЫ Л.Н. ТОЛСТОГО:

«Империя», № 36 (27.09.2014) — *64 000 руб. за роспись на репродукции его портрета (1900-е годы) (эстимейт: 50 000–60 000 руб.);*

«Дом антикварной книги в Никитском», № 12 (28.03.2013) — *1 300 000 рублей за автограф на томе собрания сочинений: «Константину Васильевичу Волкову. Лев Толстой. 3 марта 1902 года» (эстимейт: 250 000–300 000 руб.);* № 22 (19.12.2013) — *42 000 руб. за роспись на книге (эстимейт: 35 000–40 000);*

«Sotheby's» (8.12.2009) — *6 250 ф. ст. (эстимейт: 4 000–6 000 ф. ст.)* (24.05.2016) — *информация о цене продажи письма отсутствует на сайте аукционного дома (эстимейт: 4 000–5 000 ф. ст.).*

Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей»¹

18 июня в клубе «Библиофильский улей» отметили 125-летие со дня рождения известного издателя, основателя и руководителя издательства «Алконост» Самуила Мироновича Алянского (28.05.1891–18.07.1974).

Плакат к заседанию клуба «Библиофильский улей», посвященного 125-летию со дня рождения С.М. Алянского

С основным докладом на встрече выступил М.В. Сеславинский, напомнив собравшимся вехи биографии С.М. Алянского. Будучи гимназистом, Самуил Миронович познакомился с известным фабрикантом библиофилом Л.И. Жевержеевым, под влиянием которого и сформировалась его любовь к книге. Не менее судьбоносным для Алянского стало знакомство, впоследствии переросшее в дружбу, с А.А. Блоком. Именно эта встреча вдохновила Самуила Мироновича начать издательскую деятельность, служению которой он посвятил более пятидесяти лет.

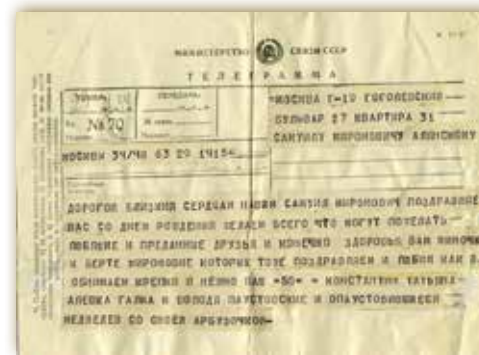
После ликвидации «Алконоста» в 1923 году С.М. Алянский работал в издательствах Наркомпроса, заведовал книжными магазинами АО «Международная книга» и издательства «Книга». Однако второй, важнейший после «Алконоста» этап в деятельности Самуила Мироновича начался в 1929 году, когда он стал заведующим «Издательством писателей в Ленинграде». Именно здесь публиковались произведения тех, кого называли цветом советской литературы, — К.А. Фебина, Н.С. Тихонова, В.Б. Шкловского, В.А. Каверина, М.С. Шагинян, И.С. Соколова-Микитова... Со мно-

гими из них С.М. Алянского связывали многолетние дружеские отношения.

«Тяжелые испытания выпали на долю издателя во время блокады Ленинграда, где он оставался вплоть до февраля 1942 года, работая в «Боевом карандаше»¹, — напомнил собравшимся докладчик. Эти блокадные месяцы подорвали здоровье жены и сына Алянского, и, уже находясь в эвакуации в Москве, они умерли от истощения.

После войны Самуилу Мироновичу пришлось заново налаживать жизнь. С Ленинградом было связано много горьких воспоминаний, поэтому он принял решение перебраться в Москву, где с 1945 года и до конца своих дней занимал пост художественного редактора, а затем консультанта издательства «Детская литература».

«Алянский был прирожденным архивистом, подтверждением чему служат те документы, которые периодически появляются на антикварно-букинистическом рынке, — отметил М.В. Сеславинский. — Так, в моем собрании есть подборка из 20–30 поздравительных телеграмм, адре-

Поздравительная телеграмма С.М. Алянскому от семьи К.Г. Паустовского, В.В. Медведева и Г.А. Арбузовой

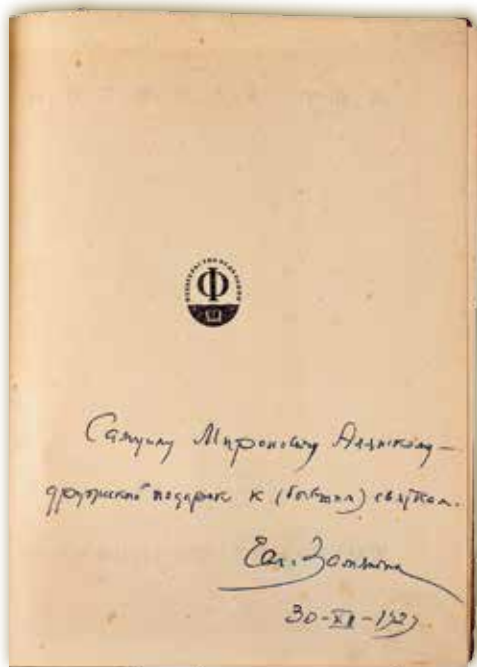
Ю.П. Анненков. Портрет С.М. Алянского. 1923.
С дарственной надписью Ю.П. Анненкова

сованных С.М. Алянскому. Среди отправителей такие известные советские писатели и художники, как С.Я. Маршак, К.А. Федин, К.Г. Паустовский, В.М. Конашевич, Л.А. Кассиль и другие».

С неизменной теплотой отзывались о Самуиле Мироновиче его многочисленные друзья и коллеги и после смерти издателя. 22 марта 1976 года в Ленинграде состоялось заседание Городской секции библиофилов, которое так и называлось: «Издатель А. Блока С.М. Алянский». С основным докладом тогда выступил биограф издателя, кандидат филологических наук С.В. Белов. О другом вечере в память Алянского, в ЦДРИ, С.В. Белов вспоминал:

¹ «Боевой карандаш» — творческое объединение художников блокадного Ленинграда, выпускавших в 1941–1945 годах агитационные плакаты и сборники сатирических рисунков. Среди инициаторов его создания художники В.И. Курдов, Н.Е. Муратов, И.С. Астапов, В.А. Гальба и С.М. Алянский.

¹ Фотографии Василисы Глухой

Дарственная надпись Е.И. Замятина С.М. Алянскому на экземпляре первого тома собрания сочинений Замятина (М., 1929)

Дарственная надпись В.Ф. Ходасевича С.М. Алянскому на экземпляре книги стихов Ходасевича «Путем зерна» (М., 1920)

«Мой рассказ о том, как я собирал материалы для книги об Алянском, был бы не полон, если бы я не упомянул о вечере памяти Самуила Мироновича, который состоялся 12 марта 1977 года в клубе книголюбов Центрального дома работников искусств под председательством доктора исторических наук Е.Л. Немировского.

Я сделал небольшой доклад о жизни и деятельности Алянского, а затем выступили с воспоминаниями хорошо его знавшие писатель В.Г. Лидин, заслуженный работник культуры РСФСР, бывший директор Детгиза К.Ф. Пискунов, настоящий друг детской книги, замечательный человек, много сделавший и для Алянского, и для выхода его книги «Встречи с Александром Блоком», художник Л.П. Зусман, заведующая редакцией дошкольной книги Детгиза, где тридцать

последних лет проработал Алянский, Л.Я. Либет.

Должна была еще выступить М.С. Шагинян, хорошо знавшая Самуила Мироновича еще с блоковских времен. Организаторы вечера не включили ее в программу, так как не знали, приедет она или нет, — ведь ей все-таки было тогда 89 лет. Но Мариэтта Сергеевна приехала и говорила стоя ровно десять минут. Я был так взволнован речью М.С. Шагинян, что в этот же вечер, придя в гостиницу, записал ее. Вот эта речь.

«Всю жизнь я думала о смерти Блока. И вот сейчас, в конце своей жизни, я поняла, почему Блок, умирая, не хотел видеть никого из друзей и родных (кроме Л.Д. Блок), а только одного Алянского допускал к себе. Смерть — это великая тайна. Жизнь каждого человека неповторима, смерть — тоже. Жизнь

и смерть творческого гения — тем более неповторима. Алянский единственный, кто понял, что Блок умирает, что Блок на пороге великой тайны. И, поняв это, он, в отличие от друзей и родных Блока, не стал сюсюкать или утешать его. Он просто молчал. И Блок был благодарен ему за это молчание, за то, что Алянский не мешает ему постигать великую тайну перехода в другой мир. И мы должны быть всегда благодарны Алянскому за то, что он дал возможность Блоку быть одному на пороге смерти²».

Затем собравшиеся на вечере «Библиофильского улья» смогли услышать фрагменты аудиозаписи, сделанной на том памятном вечере 1977 года.

Во второй части выступления М.В. Сеславинский продемонстрировал свою коллекцию автографов, адресованных С.М. Алянскому³. Томик из собрания сочинений Е.И. Замятина с повестью «Уездное» (М.: Федерация, 1929) радуется владельца следующим автографом: «Самуилу Мироновичу Алянскому — / дружеский подарок к (бывшим) святкам. / Евг. Замятин / 30-III-1929». Не менее ценен председателю НСБ инскрипт В.Ф. Ходасевича на его третьей книге стихов «Путем зерна» (М.: Творчество, 1920): «Уважаемому / С.М. Алянскому / с лучшими чувствами. / Владислав Ходасевич / 1921, февр. / Пбург».

Библиофилам был представлен портрет С.М. Алянского, выполненный известной советской писательницей О.Д. Форш. В правом нижнем его углу есть надпись: «С Самуила / Мироновича / Ольга Форш». Интересно, что в рисунке ярко отражены черты, описанные в воспоминаниях доктором физико-матема-

О.Д. Форш. Портрет С.М. Алянского

тических наук, поэтом В.Г. Сабининым-Кнорре: «Жизнь сделала С.М. человеком сдержанным и достаточно скептическим, хотя вспышки веселости нередко прорывали эту оболочку. <...> С.М. любил одеваться не то что шикарно (вряд ли это было ему доступно), но с неким оттенком артистизма — повязывал шарф на особый

² Белов С.В. Романтика книжных поисков. М.: Книга, 1986. С. 145–146.

³ Подробно см.: Сеславинский М.В. Искусство автографа : Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов : В 2 т. М.: Бослен, 2015.

Конверт и фрагмент письма В.В. Лебедева С.М. Алянскому. 1963

манер — что-то вроде галстука, кепку надевал модную, нося чуть-чуть наборк»⁴.

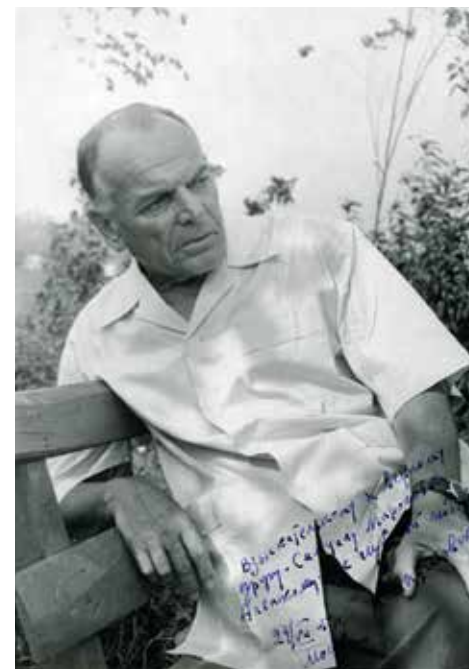
Демонстрировал Сеславинский и письма к С.М. Алянскому. Среди отправителей художники В.В. Лебедев и В.М. Конашевич, с которыми издателя связывали дружеские отношения еще со времен существования издательства «Радуга» (1922–1930). Так, например, в письме от 13 января 1945 года Конашевич сетует на запутанные финансовые дела с детским журналом «Мурзилка»: «<...> я совершенно запутался в своих денежных отношениях с Мурзилкой. Помогите!!! Нат[алья] Як[овлевна] любезно прислала мне подробный расчет, по кот[орому] мне следуют боль-

шие суммы, а их не получил. Не сполна во всяком случае». А Лебедев в письме от 4 марта 1963 года с горечью пишет о смерти их общего друга В.М. Конашевича: «Думаю о Владимире Михайловиче. Очень порядочный был человек...»

Живой интерес собравшихся вызвало письмо художницы А.Н. Яковсон, адресованное С.М. Алянскому. Его украшает портрет женщины с караваем. Смысл этого рисунка становится понятен по прочтении письма: «Дорогой Самуил Миронович! Получили Ваше письмо. Если Вы приедете около 10/VI, я Вас встречу с «Караваем», он почти готов. <...> Конашевичи на даче. Илья сдает экзамены. Миней Ильич по-прежнему ни здоров, ни болен. Шлют Вам привет и я, и я. А. Яковсон». С издателем художницу связывали и многолетняя дружба,

Письмо А.Н. Яковсон С.М. Алянскому

Фотография К.Г. Паустовского с дарственной надписью С.М. Алянскому. Конец 1950-х годов

и совместная работа в системе советского книгоиздания.

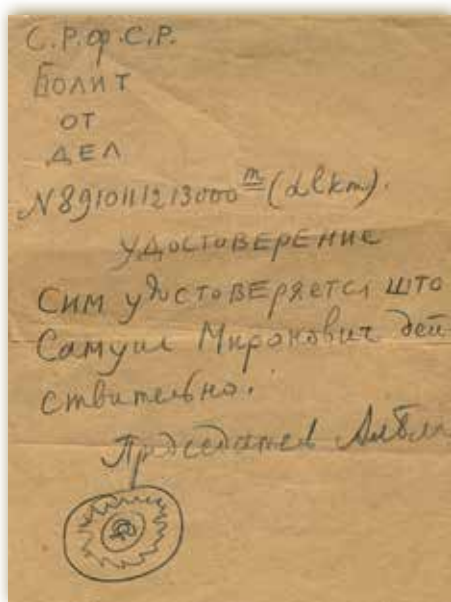
По прошлогодней поездке в Тарусу члены НСБ знают еще об одном автографе из собрания М.В. Сеславинского, адресованном С.М. Алянскому. Речь идет о прекрасной фотографии К.Г. Паустовского 1950-х годов с его дарственной надписью: «Взыскательному и верному / другу — Самуилу Мироновичу / Алянскому с глубокой любовью / К. Паустовский / 29/VII-59 г. / Москва». В последние годы жизни Паустовский был тесно связан с С.М. Алянским. Их деловые отношения переросли в настоящую дружбу. В 1958 году Паустовский писал Алянскому из Тарусы: «Вы сделали мне царский подарок — автограф Блока, да еще на книге, которая его, очевидно, очень интересовала. <...> Дня через два-три я окончу четвертую автобиографическую книгу... 1921–22 годы в Одессе. <...> Уви-

дился, когда Вы вернетесь из Дубултов, я в это время еще буду здесь, и Вы приедете, так как с меня врачи сняли запрет общения (они проводили его очень строго). Я очень хочу видеть Вас, поговорить за жизнь и за все прочее, включая литературу». (Здесь надо отметить, что автографы А.А. Блока были для Алянского чрезвычайно дороги. Покидая блокадный Ленинград, он взял с собой только самое ценное и дорогое сердцу, в том числе фотографию и несколько книг с инскриптами поэта. Оставшаяся часть библиотеки, в которой среди прочего была ценная коллекция изданий «Алконоста», была утрачена во время войны).

Совсем недавно коллекцию М.В. Сеславинского пополнил еще один замечательный документ, связанный с именами А.А. Блока и С.М. Алянского. Ранее он был описан лишь художником Л.А. Токмаковым, видевшим его у Паустовских.

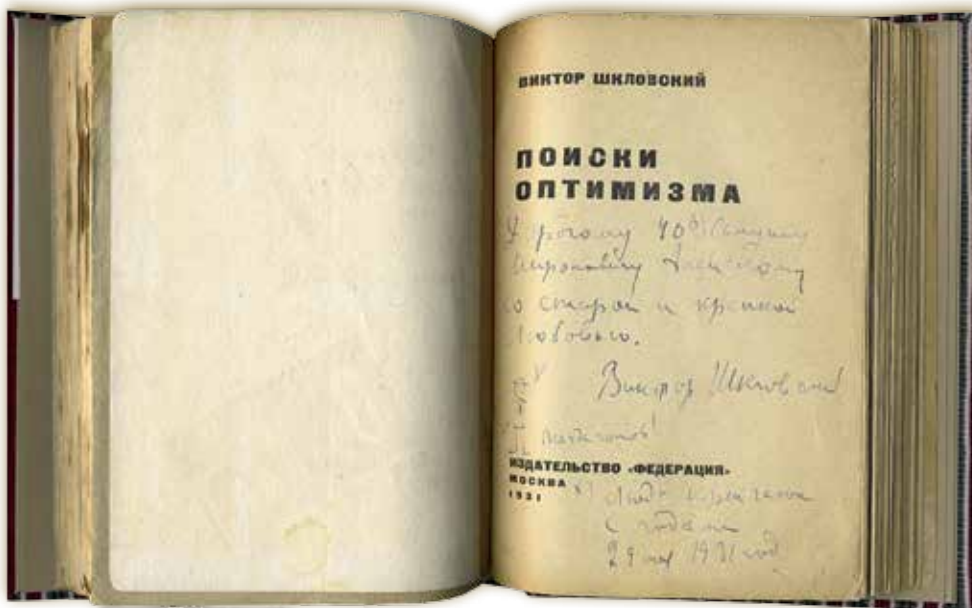
«Это самодельное удостоверение, выданное С.М. Алянскому А.А. Блоком, с его карандашной печатью, — начал свой рассказ докладчик, — меняет наше представление о поэте, которого мы не представляли веселым человеком, склонным к розыгрышам и шуткам. Лучше меня об этом документе расскажет сам Самуил Миронович»: «Это было летом 1919 года. Как-то я засиделся на Офицерской у Блока до того часа, когда хождение по улицам без специального пропуска уже запрещалось. «А Вас не задержат?» — спросил Александр Александрович, прощаясь. И вдруг он улыбнулся чему-то, попросил меня минуточку подождать. Подошел к столу и быстро написал вот это удостоверение. Передал его мне и серьезно сказал: «С этим Вас пропустят». На следующий день, когда я рассказал Блоку, что у самого моего дома меня все же задержали, что патруль, после внимательного изучения моего

⁴ Наше наследие. 2003. № 6. С. 150–159.

«Удостоверение», выданное А.А. Блоком С.М. Алянскому. 1919

удостоверения, отпустил меня, Александр Александрович долго смеялся продолжению его шутки».

Разворот конволюта с дарственной надписью В.Б. Шкловского С.М. Алянскому на титульном листе книги Шкловского «Поиски оптимизма» (М., 1931)

«К оборотной стороне удостоверения, — рассказал М.В. Сеславинский, — прилагается записка со следующим текстом: «Дорогой Константин Георгиевич, Александр Александрович Блок был очень веселый человек. И я сегодня рад подарить тебе эту шутку, написанную рукой поэта, тоже веселому и бесконечно любимому мною человеку и поэту. 31 мая 1962 года. Самуил Алянский». Текст же самого удостоверения следующий: «С.Р.Ф.С.Р. / Болит / от / дел / № 891011213000m (dlkm) / Удостоверение / Сим удостоверяется што / Самуил Миронович дей- / ствительно. / Председатель Ал. Блок.»

Периодически на антикварно-букинистическом рынке встречаются автографы самого С.М. Алянского. Так, например, недавно библиотека М.В. Сеславинского пополнилась конволютом из книг «Легенда о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» В. Гюго (Пб : Алконост, 1919), «Памяти Блока» (Пб : Поляр. звезда, 1923), «Поиски опти-

Верхняя крышка переплета и титульный разворот книги А.П. Гайдара «Чук и Гек» (М.-Л., 1939) с дарственной надписью Б.М. Алянской

мизма» В.Б. Шкловского (М.: Федерация, 1931) с инскриптом издателя его сестре Б.М. Алянской: «Моей сестре Берте / от знаменитого / «Алконоста» / С. Алянский». Кроме того, на титульном листе книги «Поиски оптимизма» присутствует дарственная надпись В.Б. Шкловского: «Дорогому 40-у Самуилу / Мироновичу Алянскому / со старой и крепкой / любовью. / Виктор Шкловский. [рисунок] / Всегда готов!» Люди крепчают / с годами / 29 мая 1931 год»). Книга же «Памяти Блока» украшена дарственной надписью П.Н. Медведева: «Многоуважаемому / Самуилу Мироновичу / Алянскому / искренне расположенный / автор. / 31/VIII-923».

К слову сказать, автограф А.И. Гайдара сестре Алянского был опубликован в первом томе альбома «Искусство автографа», но тогда адресата установить не удалось. И вот теперь, спустя полгода после выхода альбома в свет, установлено, кому же подарил свою знаменитую книгу автор «Чука и Гека»: «Берта / прочтите / эту книгу /

это зима [нарисована стрелка, указывающая на фронтиспис, где изображена зима] / а я помню палатку / песок ветер и от / чистого сердца вас / Гайдар».

Берта Мироновна Алянская — женщина удивительной судьбы. Она родилась в 1900 году, а умерла в XXI веке, в 2005 году. Училась в Институте живого слова у Н.С. Гумилева. До войны возглавляла вагон-библиотеку одного из агитпоездов, следовавшего по маршруту Ленинград–Мурманск. В 1945–1951 годах руководила первым Ленинградским библиотечным техникумом, где преподавала курс «Организация библиотечных фондов и каталогов».

Закончил свое выступление председатель НСБ чтением небольшого лирического эссе под названием «Мои встречи с С.М. Алянским»:

«Когда я был маленьким мальчиком, то нередко во время летних каникул ездил с родителями в Москву, Ленинград, различные города Южного берега

С.М. Алянский.
1960-е – начало 1970-х годов

Крыма, путешествовал на теплоходе по маршруту Горький–Москва–Астрахань–Горький.

Весьма памятной для моих последующих библиофильских увлечений стала июньская поездка в Москву в 1972 году. Помимо посещения музеев, театров и иных столичных достопримечательностей обязательной составной частью таких поездок было пополнение продовольственных запасов.

В самом начале Гоголевского бульвара, справа от знаменитого памятника великому русскому писателю находился неплохой гастроном с удивительным для провинции ассортиментом дефицитных товаров. Правда, для их покупки надо было отстоять немалую очередь. Однажды мои папа с мамой встали в конец выходящей на улицу очередь, дабы отovarиться несколькими банками растворимого кофе, индийским чаем в памятных коробках с изображением слона, полукопченой колбасой и еще чем-то весьма вкусным.

— Иди, Миша, пока посиди на лавочке на бульваре и почитай, только далеко не уходи от памятника, — сказал папа.

В восьмилетнем возрасте я уже читал почти запоем.

На этот раз у меня в руках была большеформатная книжка «Собака Клык» какого-то болгарского автора с чудесными иллюстрациями⁵.

Погрузившись в увлекательную историю из жизни пограничников, я не заметил, как рядом со мной сел на скамейку пожилой мужчина, тепло одетый не по июньской погоде, с черной шляпой на голове. Он заглянул в книжку и поинтересовался, как меня зовут и что я читаю. Посмотрев находящийся у меня в руках сборник, он похвалил красочные иллюстрации.

Мы познакомились и разговорились о детских книгах. Самуил Миронович расспрашивал меня о книжках издательства «Малыш» и «Детская литература». Я, конечно же, знал все произведения, которые он называл.

«Пожар», «Дядя Степа», «Сказка о глупом мышонке», «Вот какой рассеянный», «Путаница», «Федорино горе» и многие другие.

Помню, что меня очень удивили вопросы о том, иллюстрации каких художников были в моих книжках. Сами картинки я помнил весьма отчетливо, а вот фамилии художников в те годы мало что значили для меня. Да и сами перечисленные произведения остались в прошлом, ибо тогда, в восемь лет я уже вполне перешел на литературу с грифом «Для младшего и среднего школьного возраста».

Вскоре подошли мои родители, несколько расстроенные тем, что им не достался ряд дефицитных продуктов.

Они познакомились с Алянским, которого мой папа, будучи заядлым книжником, конечно же заочно хорошо знал.

В то время подобные знакомства между столичной и провинциальной интеллигенцией были обычным делом, никакого снобизма и чопорности не было и в помине.

Мы почти сразу же были приглашены на чаепитие к Самуилу Мироновичу на следующий день к 11 часам.

У меня остались в памяти лишь самые смутные воспоминания о посещении просторной квартиры, расположенной по адресу: Гоголевский бульвар, д. 27, кв. 31. Помню высокие потолки, книжные шкафы и картинки на стенах. Помню само чаепитие с вкуснейшими бутербродами с докторской колбасой. Самуил

Бутылка – подарок С.М. Алянскому

Миронович с папой выпили несколько рюмок какой-то знатной настойки вроде бы на клюкве или рябине из прекрасной, расписанной красками, весьма объемной, как мне тогда казалось, бутылки. На одной ее стороне был нарисован ироничный портрет самого Алянского. После этого возлияния беседа их была весьма оживленной. Помню, что мама буквально тянула меня за рукав из-за стола, дабы подать папе пример.

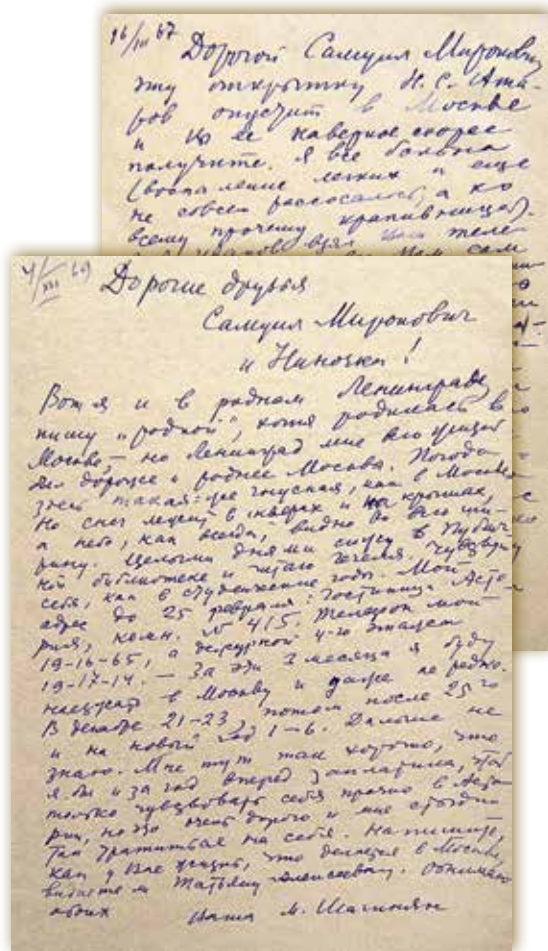
Прощаясь, мы получили в подарок эту самую бутылку и приглашение, как говорили на маминой родине в поволжском городке Кинешма, «жаловать вость». К сожалению, через два года Самуил Миронович скончался, и больше мы с ним не виделись.

Знал ли я тогда, что эти две мимолетные встречи с патриархом советского книгоиздания будут сопровождать меня всю жизнь. Что детские книги, изданные при его непосредственном участии, составят золотой фонд этого раздела моего собрания. Что постепенно попадут в мои руки автографы, рисунки, документы и прочие артефакты, связанные с жизнью и творчеством человека, 125-летие которого мы отмечаем сегодня на заседании клуба «Библиофильский улей».

И дабы подкрепить этот рассказ более или менее значимыми артефактами, я принес ту самую бутылку 1971 года мая 29-го дня и бутылку рябины на коньяке, — торжественно провозгласил М.В. Сеславинский. — Часть из прочитанного является серьезным преувеличением. Но надеюсь, что это маленькое эссе украсило наше заседание».

Затем слово взял Роман Андреевич Лизогубов, который продемонстрировал небольшую подборку писем, записок и открыток, адресованных С.М. Алянскому. Среди отправителей такие известные советские писатели, как

⁵ Ташев Б. Собака Клык : Сборник / Борис Ташев, Эмил Манов; пер. с болг. Юрия Жанова; под ред. Валентины Арсеньевой; ил. С. Халачева, А. Денкова, В. Коренева. София: Болг. художник, 1966. [44] с. : ил. В книгу входят рассказы Б.Ташева «Собака Клык» и «Боевые товарищи» и Э. Манова «Буковая вода».

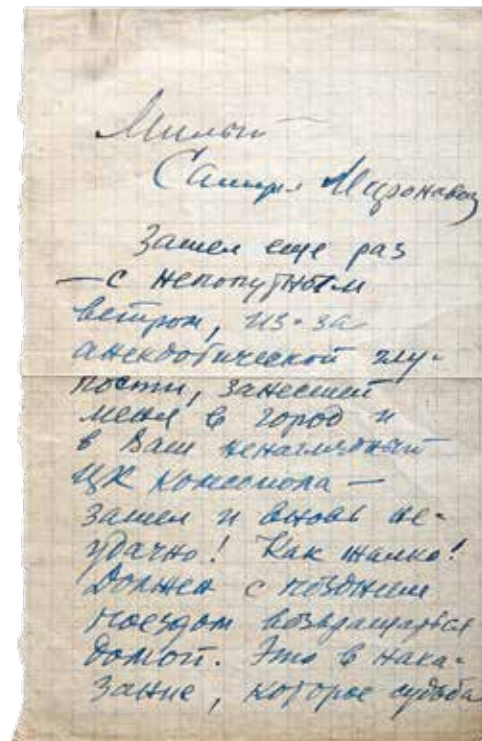
Письма М.С. Шагинян С.М. Алянскому.
Вторая половина 1960-х годов

М.С. Шагинян и К.А. Федин. В подборке были весьма забавные по содержанию документы, и счастливый владелец прочел несколько из них.

«Милый Самуил Миронович, зашел еще раз — с непопутным ветром, из-за анекдотической глупости, занесшей меня в город и в Ваш ненаглядный ЦК Комсомола — зашел и вновь неудачно! Как жалко! Должен с поздним поездом возвращаться домой. Это в наказание, которое судьба возложила на меня за легкомыслие, доверчивость, отзывчивость и пр. и пр.

А Ваш любимец комсомол порядочный разгильдяй, бог с ним! До свиданья! Ваш К.Ф. 20/VIII 1946 9:15 вечера». Или другое: «<...> Как только Константин Георгиевич (Паустовский. — Л.Л.) переехал к нам, сразу почувствовал себя лучше. В Нижней Орланде он явно скучал по Вас, я его там не решилась навестить. Но вот уже много дней у нас, гуляет, разговаривает со всеми, загорел, похорошел, пополнел, начал писать (!) и даже побывал наверху в кино. <...> Ваша Мариэтта Шаг».

В заключение Р.А. Лизогубов отметил: так как эти автографы не вписываются в тематику его собрания (напомним, что Роман Андреевич — владелец прекрасной библиотеки старопечатных книг), он принял решение передать их в дар РГАЛИ, о чем уже есть предварительная договоренность.

Фрагмент письма К.А. Федина С.М. Алянскому.
1946

Титульный разворот книги С.М. Алянского «Встречи с Александром Блоком» (М., 1969).
Дарственная надпись С.М. Алянскому Л.В. Успенскому на авантитуле книги

Еще один автограф С.М. Алянского из собственного собрания продемонстрировал заместитель председателя НСБ Андрей Юрьевич Дорошин. Авантитул книги «Встречи с Александром Блоком» (М.: Детская литература, 1969) украшает дарственная надпись: «Льву Васильевичу / Успенскому — с глубоким / уважением и сердечным / приветом на память / от автора. / 28 ноября 1970 г. / С. Алянский».

Под занавес встречи выступил Константин Сергеевич Костюченко — издатель книги «Азбука «Алконоста» (СПб.: Искусство России, 2015). Переехав в знаменитый Толстовский дом, он увлекся его историей, судьбами знаменитых жителей. От старожилов К.С. Костюченко узнал о знаменитом издателе С.М. Алянском, некогда жившем в этом доме. С этого

и началась его библиофильская деятельность — молодой человек задался целью собрать все издания «Алконоста», в чем и преуспел (в его коллекции отсутствуют только два редких издания). Книги из собрания К.С. Костюченко прекрасно проиллюстрировали «Азбуку «Алконоста», поэтому можно смело надеяться, что у этой пока небольшой коллекции есть будущее⁶.

По традиции встреча завершилась дружеским аукционом. Центральным событием торгов стала продажа нескольких поздравительных телеграмм в адрес С.М. Алянского, предоставленных М.В. Сеславинским для пополнения бюджета клуба.

На заседании, посвященном выдающемуся издателю и другу А.А. Блока, присутствовало 25 алянскофилов.

⁶ Рецензию на эту книгу, заинтересовавшую многих членов и гостей клуба, см. на С. 126–127.

27 августа после небольшого летнего перерыва клуб «Библиофильский улей» вновь встречал гостей. Собравшиеся «приготовили» традиционную летнюю книжную окрошку из своих последних приобретений.

И.В. Быков

Блестяще выступил Игорь Валентинович Быков, вновь поразивший коллег своими библиографическими новинками. Так, его собрание пополнилось экземпляром на веленовой бумаге знаменитого «Руководства к библиографическому описанию книг» Ю.Ю. Битовта (М., 1902) с автографом издателя, антиквара-букиниста М.А. Параделова его коллеге А.М. Старицыну: «Многоуважаемому / Александру Михайловичу / на добрую память от издателя / Москва / 10 Апреля 1902 г.»; «Библиографической заметкой о стихотворении Пушкина “Жених”» Д.В. Ульянинского (СПб., 1913) с его дарственной надписью библиографу Н.М. Лисовскому: «Глубокоуважаемому / Николаю Михайловичу / Лисовскому / от автора. / 11 декабря 1913 г.

/ Москва»; отдельным оттиском «Заметок и разъяснения к Опыт русской библиографии В. Сопикова» В.И. Саитова (СПб., 1878) с его инскриптом библиофилу Я.Ф. Березину-Ширяеву: «Многоуважаемому Якову Федуловичу / Березину-Ширяеву от составителя / брошюры. В. Саитов. / 5 Января 1879 г.».

Не менее интересным оказался «книжный улов» Бориса Абрамовича Хайкина. Как в книжном калейдоскопе, сменяя друг друга, перед собравшимися предстали «Думы» К.Ф. Рылеева (М., 1825), первая книга А.А. Дельвига «Стихотворения» (СПб., 1829), нумерованный экземпляр вакхической драмы И.Ф. Анненского «Фамира-Кифарэд» (СПб., 1919) с автографом издателя З.И. Гржебина: «Уважаемому / Эфраиму Абрамовичу / Кагану / на добрую / память / З. Гржебин / Петерб. 11/III 19», отдельные оттиски из альманаха артели писателей «Круг» с автографами Б.Л. Пастернака и Г.И. Чулкова (В.А. Ковалевскому и А.А. Сидорову соответственно).

Б.А. Хайкин

Затем слово взял Роман Андреевич Лизогубов, представивший коллегам несколько своих приобретений. Первым он показал экземпляр Азбуки, отпечатанной в Супрасле в 1781 году. Особую ценность изданию придает предисловие-автограф Г.И. Кулжинского, мечтавшего переиздать эту Азбуку в конце XIX века. Кроме того, Роман Андреевич напомнил коллегам о библиофильской удаче, за которую они неизменно поднимают бокалы на книжных посиделках. Дело в том, что несколько лет назад ему посчастливилось приобрести одно редкое издание XVII века — Канонник 1647 года с приплетенными к нему тоненькими брошюрами отдельных изданий Канонов. Всего таких канонов было издано четыре, в приобретенном тогда экземпляре их оказалось три. Стоит ли говорить, что библиофил и не надеялся найти последний, четвертый (к слову сказать, все эти издания известны в трех-пяти экземплярах). Но ему посчастливилось, и в этом году библиофил приобрел

Р.А. Лизогубов

еще один Канонник 1647 года с приплетенным отдельным Каноном. Надо ли говорить, что это был четвертый разыскиваемый. Фортуна была на стороне библиофила!

Андрей Юрьевич Дорошин продемонстрировал друзьям конвюлт с четырьмя сборниками «Л.Н. Толстой: памятники творчества и жизни» (Пг., 1917–1923) и автографами литературного критика А.Л. Бема, библиографа, историка литературы В.И. Срезневского, близкого друга Л.Н. Толстого, редактора и издателя его произведений В.Г. Чертова. Кроме того, зоркий библиофильский глаз А.Ю. Дорошина выловил среди страниц инскрипт дочери великого писателя А.Л. Толстой Н.Е. Фельтену. Николай Евгеньевич Фельтен (1884–1940) принимал активное участие в издании запрещенных статей Толстого, за что в 1909 году был приговорен к шести месяцам заключения.

А.Ю. Дорошин

Предваря сентябрьское заседание клуба, посвященное русской периодике, библиофил продемонстрировал экземпляр журнала «Печатное искусство» за июнь 1902 года, где была опубликована презабавнейшая статья под названием «Влияние алкоголя на скорость набора».

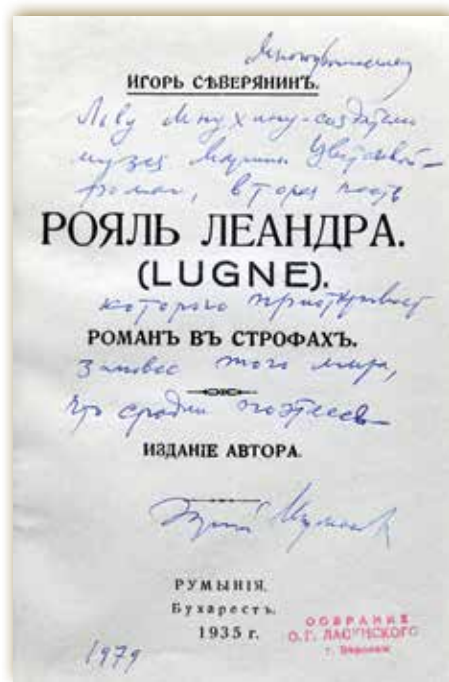

С.В. Василенко

Впервые на заседании клуба «Библиофильский улей» выступил создатель негосударственного музея (кабинета) О.Э. Мандельштама Сергей Васильевич Василенко, который также познакомил собравшихся со своими приобретениями — книгами, газетами и другими материалами, связанными с именем поэта. Однако особую радость собирателю доставила покупка «Второй книги» О.Э. Мандельштама (М.; Пб.: Круг, 1923) из библиотеки А.М. Луценко, о которой мечтал многие годы.

Запоминающимся оказалось выступление Льва Абрамовича Мнухина, поделившегося с коллегами забавным случаем из своей библиофильской жизни. В начале года к нему обратились за помощью сотрудники аукционного

дома «Литфонд» с просьбой расшифровать автограф на книге И. Северянина «Рояль леандра (Lugne)» (Бухарест, 1935). Инскрипт был адресован самому Льву Абрамовичу, а его автор — поэт, литературовед и переводчик Ю.Д. Шумаков: «Многоуважаемому / Льву Мнухину — создателю / музея Марины Цветаевой / — роман, вторая часть / которого приоткрывает / занавес того мира, / что сродни поэтессе. / Юрий Шумаков / 1979». Несмотря на просьбы Л.А. Мнухина приобрести этот автограф, не дожидаясь торгов, книга И. Северянина с дарственной надписью Ю.Д. Шумакова была пущена с молотка. Примечательно, что ее купил патриарх отечественного библиофильства О.Г. Ласунский, который знал все обстоятельства этой истории от самого Льва Абрамовича и к тому же поспешил

Дарственная надпись Ю.Д. Шумакова Л.А. Мнухину на титульном листе книги И. Северянина «Рояль Леандра (Lugne)» (Бухарест, 1935)

Л.А. Мнухин

рассказать об этом курьезном случае на страницах нашего журнала.

«Вот так меня дважды опередил профессионал своего дела — Олег Григорьевич», — со смехом подытожил Л.А. Мнухин.

Вновь порадовал коллег Евгений Игоревич Жарков, представивший инскрипты, связанные с именем его любимца М.А. Волошина. Первым он показал экземпляр книги Е.Л. Ланна «Писательская судьба Максимилиана Волошина» (М., 1926) с его автографом: «Дорогим, милым / Спасским от Ланна / 1927 Май / Москва». С.Д. Спасский был дружен с А. Белым, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернаком, он автор замечательных воспоминаний о В.В. Маяковском и его круге. Не менее интересный инскрипт украшает другую книгу из собрания Е.И. Жаркова — нумерованный экземпляр «Библиографии И. Анненского» (М., 1914). На шмуцтитуле книги дарственная надпись составителя Е.Я. Архипова поэту А.В. Звенигородскому: «Дорогому Прекрасному моему / Другу / Евгений, поклонник и сочувственный / старый / 30 ноября 1914». Другим

своим приобретением библиофил обязан доброму гению НСБ — Б.А. Хайкину. Именно его стараниями в коллекции Е.И. Жаркова оказался экземпляр книги А.И. Анисимова «Реставрация памятников древней русской живописи в Ярославле, 1919–1926» (М., 1926) с его автографом: «Многоуважаемому / Николаю Ивановичу / Репникову / на доброе воспоминание / автор. / СПб. / Февр. 1927 г.». Примечательно, что в тексте дарственной надписи А.И. Анисимов позволил себе возмутительную дерзость — написать «Санкт-Петербург» вместо «Ленинград». И это в 1927 году! Поистине геройский поступок. Увы, такая жизненная позиция не могла принести ничего, кроме беды, и в 1937 году историка расстреляли. А ведь именно ему М.А. Волошин посвятил свое прекрасное стихотворение «Владимирская Богоматерь» (1929).

Обложка книги А.И. Анисимова «Реставрация памятников древней русской живописи в Ярославле, 1919–1926» (М., 1926)

Обложка стеклографированного издания книги М.А. Волошина «Стихи» (Коктебель, 1920-е годы)

Обложка каталога художественной выставки «Искусство в Крыму» (Ялта, 1918)

И «на десерт» Е.И. Жарков оставил две редкие брошюры — стеклографированное издание «Стихов» М.А. Волошина (Коктебель, 1925?) и каталог художественной выставки «Искусство в Крыму» (Ялта, 1918), приобретению коих не может не радоваться его библиофильское сердце.

Последним отчитался о приобретениях первой половины 2016 года

«Находка букиниста. «Ефремовский» Радищев

Букинисты не припомнят, чтобы в течение последних 25 лет к ним попали «ефремовские» тома Радищева, уничтоженные царской цензурой. И вот совсем недавно в ленинградский магазин № 34 «Старая книга» принесли для продажи несколько книг, среди которых букинист Б.Я. Майзель обнаружил два тома сочинений Александра Николаевича Радищева в издании П.А. Ефремова (1872 г.).

Оба тома в идеальном состоянии, аккуратно переплетены, причем из тех экземпляров, которые являются наиболее редкими — с портретом Радищева, с титульным листом, с библиографическими примечаниями Ефремова. Особенностью этого исклю-

М.В. Сеславинский, иронично назвавший свое выступление «Долгая дорога к книге». Дабы подогреть интерес собравшихся, он не стал сразу раскрывать все карты, предпочтя познакомить членов и гостей клуба с содержанием небольшой заметки из газеты «Книжное обозрение» (№ 24 за 1972 год). Мы приводим ее ниже.

М.В. Сеславинский

чительного по полноте и сохранности экземпляра является то, что во второй том, который был напечатан без заглавного листа, кем-то вплетен титульный лист от первого тома. Можно предположить, что это сделал сам Ефремов, ибо вряд ли кто-нибудь еще обладал лишним экземпляром издания, почти полностью уничтоженного.

По сведениям Л.М. Добровольского (см. его «Запрещенную книгу в России, 1825–1904. Архивно-библиографические разыскания». М., 1862, с. 91), тираж сочинений А.Н. Радищева в 2 томах издания 1872 года (редакция П.А. Ефремова, издание книжного магазина Черкесова) был 2000 экземпляров, из которых 1960 уничтожены по постановлению комитета министров 11 июня 1873 года «посредством обращения в массу» на картонной фабрике Крылова.

Такой знаток книги, как Н.П. Смирнов-Сокольский, в своих «Рассказах о книгах» сообщает о том, что кроме 25 экземпляров, не уничтоженных официально, еще 15 книг было выкрадено из типографии буквально под носом полицейских букинистом-книгоношей по кличке «Гумбольдт». Их купил у него по высокой цене сам Ефремов.

До сих пор был известен один собственно ефремовский экземпляр Радищева, который попал в библиотеку Смирнова-Сокольского и подробно им описан в 1-м томе издания «Моя библиотека» (М., 1969). Возможно, мы имеем дело с еще одним ефремовским экземпляром сочинений А.Н. Радищева, хотя на нем нет владельческих помет.

На оборотной стороне верхней крышки переплета имеется книжный знак, гравированный известным мастером итихеля Павловым по рисунку художника Пискарева. На экслибрисе инициалы и фамилия Н.Ю. Ульянинского, двоюродного брата

знаменитого библиофила Д.В. Ульянинского. Его собрание находится сейчас в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина.

Судьба редчайшей находки букинистов сейчас изучается.

Борис Казанков
Ленинград».

«Сразу хочу сказать, что у меня находится не описанный в заметке экземпляр, — поспешил сообщить коллегам М.В. Сеславинский. — Но прежде чем рассказать о долгой дороге ко мне эти замечательных томиков, я поделюсь с вами результатами своей небольшой исследовательской работы. Мне стало интересно, в каких государственных собраниях есть «ефремовский» Радищев. Ответ очевиден — во всех крупнейших библиотеках и музеях страны. Среди них — РНБ, ГПИБ, НБ МГУ, ГЛМ и другие. Остановлюсь более подробно на РГБ, в которой хранится целых пять экземпляров этой

книги (сведения любезно предоставлены А.Ю. Самариним).

Первый экземпляр — из коллекции В.А. Десницкого. Оба тома в издательской обложке, без переплета. Тетради сброшюрованы, вложены рукописный титульный лист и оглавление. Портрет отсутствует. Во втором томе — корректурный экземпляр оды «Вольность» (полный текст, без изъятий).

Второй экземпляр — личный экземпляр из собрания П.А. Ефремова, позднее принадлежал Н.П. Смирнову-Сокольскому. Оба тома сплетены вместе. Имеются экслибрисы П.А. Ефремова, Л.Э. Бухгейма.

Третий экземпляр — т. 1–2 в отдельных блоках. Сохранена издательская обложка. На печатном шмуцтитуле каждого из томов карандашная запись: «От М.Н. Лонгинова» и чернилами: «А. Пыпин. СПб., 1872». Портрет сохранен. Во втором томе ода «Вольность» с изъятиями.

Четвертый экземпляр — т. 1–2 в отдельных блоках. Заключены во владельческий переплет. Издательская обложка не сохранена. Экслибрисы С.Д. Шереметева. Портрет Радищева сохранен. Ода «Вольность» с изъятиями.

Пятый экземпляр. Оба тома сплетены вместе. Вплетена издательская обложка. Оглавление отсутствует. Портрета нет. Ода «Вольность» с изъятиями.

Таким образом, мы видим, как частные собрания пополнили фонды РГБ».

Далее М.В. Сеславинский предоставил слово петербургскому реставратору и переплетчику Елене Владимировне Матвеевой, благодаря мастерству

которой редчайшее ефремовское издание оказалось в его библиотеке. Чтение паспорта книги сопровождал показ слайдов, практически поэтапно иллюстрирующий работу этого подлинного мастера своего дела. Позволим себе полностью воспроизвести этот документ.

Реставрационный паспорт № 4 от 20.07.2016 г. к изданию:

Сочинения Александра Николаевича Радищева с портретом автора и статьей «О жизни и сочинениях Радищева» А.П. Пятковского. (Редакция изд. П.А. Ефремова). СПб, Изд. кн. маг. Черкесова, 1872 г. В двух томах (в двух книгах) с сохранением обложек (передние и задние) в обоих томах.

Книги поступили в работу 20 января 2016 г. в 23:00. Издание частично пострадало при пожаре частной библиотеки. Книги были залиты водой при тушении пожара. После этого были вынесены на холод и находились на морозе более месяца.

Состояние книг до консервативно-реставрационных работ:

- блоки деформированы в результате подмочки;
- крышки блоков покороблены;
- загрязнения: оседание на бумагу продуктов горения;
- следов биоповреждений нет;
- продукты горения попали на поверхность крышек блоков и бумагу, а также из-за намокания проникли внутрь волокон материальной основы, вследствие чего удаление стало не осуществимо;
- на некоторых листах имелись затеки.

При получении книги нельзя было раскрыть вследствие оледенения.

Реставрационные мероприятия:

При комнатной температуре лед начал таять, в связи с чем работу нельзя

Е.В. Матвеева

было откладывать до утра. По мере размораживания книг между страницами прокладывалась фильтровальная бумага для устранения влаги. Бумага постоянно менялась по мере впитывания воды. В результате заморозки кристаллы льда расширили пространство между волокон бумаги, чем вызвали сильное разбухание блока. Форзацы и гравюра в ч. I (приклеенной лист) также отделились. Таким образом, книги фактически распались на части.

Реставрация проводилась с задачей сохранить все «родные» элементы двухтомника.

Блоки были расшиты и разобраны по тетрадкам для последующей просушки.

Сушка на теплом полу и периодическая смена фильтровальной бумаги проводились одновременно. Крышки также были завернуты в фильтровальную бумагу до утра следующего дня. Когда степень

Обложка первого тома издания сочинений А.Н. Радищева (СПб., 1872)

увлажнения перестала быть критичной, картонные сторонки были помещены под груз во избежание деформации.

Ляссе полиняли и оставили следы краски на нескольких листах. Было принято решение не выводить следы краски и оставить как есть.

Окончательная просушка и отпрессовывание длилось 1,5 месяца.

Кожа после удаления влаги уменьшилась в размерах, утратила эластичность, поменяла цвет, придав матовый оттенок. Пропитка кожи специальными составами длилась более месяца для возвращения ей эластичности и податливости.

После отпрессовывания листы фальцевались. Поскольку пропилены не пострадали, новые не делались. Сшитые и готовые блоки сохранили свой первоначальный размер (до происшествия) судя по отставу.

Золото на корешке и верхней головке обреза потускнело. Новое тиснение и золочение не выполнялось.

Внешний вид издания сочинений А.Н. Радищева (СПб., 1872) до проведения реставрационных работ

Вследствие своевременного проведения консервативно-реставрационных мероприятий удалось не допустить появления биоповреждений.

Книги сданы 12 августа 2016 г.

Приложение на 6 л.: фото книг до поступления в работу и в процессе реставрации.

Исполнитель:

Е.В. Матвеева

«Настоящий документ обречен на вечность уникальную по масштабу работу Елены Владимировны. Думаю, прочитанный ею паспорт книги украсит экземпляр», — отметил М.В. Сеславинский.

Затем взору библиофилов наконец предстали герои заседания — уникальные томики «Сочинений Александра Николаевича Радищева» в переплетах фабрики Н.В. Гаевского с сохранившимися издательскими обложками.

«Многое удалось Елене Владимировне, но с одним она так и не сумела спра-

Заседание клуба «Библиофильский улей» 27 августа 2016 года. Выступает А.Ю. Самарин

виться. Как вы думаете, с чем именно? — поинтересовался у коллег председатель НСБ. — Не удалось удалить запах пожара! И когда вы будете смотреть эти томики, которые я сейчас пускаю по рядам, то первым делом поднесите их к носу и почувствуйте этот запах пожара».

«Нюхайте осторожно, берегите аромат», — остроумно заметил Л.И. Чертков.

По окончании заседания состоялся библиофильский коллоквиум, посвященный выходу на финишную прямую нового проекта М.В. Сеславинского «Русские книжные редкости XX века». Предваряя неизбежную острую дискуссию, автор идеи и составитель рассказал собравшимся об основных принципах отбора изданий для этой книги⁷. Однако несмотря на то, что участники обсуждения смогли выпить лишь постную чашку чая вместо традиционного бокала «Вдовы Клико», дискуссия была чрезвычайно оживленной и порадовала ее устроителей.

На летней книжной окрошке присутствовал 31 гурман.

Л.Г. Ларионова

К.В. Павло

⁷ В следующем номере нашего журнала будет опубликована статья М.В. Сеславинского, посвященная русским книжным редкостям XX века. В ней он постарался ответить на все возможные вопросы относительно будущего издания.

Проект издания «Лицевого летописного свода царя Ивана Грозного» осуществлен при поддержке ПАО «Транснефть»

**В рамках совместного проекта ПАО «Транснефть»
и Благотворительного фонда содействия развитию культуры
«Общество любителей древней письменности» издана серия книг
«Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного».**

Лицевой летописный свод был создан в Александровской слободе в 1568–1576 годах по заказу Ивана Грозного. Он включал в себя 9745 листов, украшенных 17744 иллюстрациями, и являлся крупнейшим летописно-хронографическим сводом Древней Руси. В его состав вошли тексты исторических библейских книг, повествования о важнейших событиях древнегреческой, древнеримской и византийской истории, изложение русской истории с начала XII до середины XVI века. Рассказывая о становлении Российского государства, составители свода демонстрировали преемственную

связь власти московских великих князей с византийскими императорами, рассматривая отечественную историю в контексте истории мировой.

В миниатюрах Лицевого летописного свода, который представляется не только выдающимся памятником книжного искусства, но и ценнейшим историческим источником, нашли отражение многие реалии своего времени. Их изучение дает богатейший материал по различным аспектам жизни средневековой Руси — хозяйственным отношениям, быту, военному искусству, религии, зодчеству.

В настоящее время Лицевой летописный свод частями хранится в Москве в Государственном историческом музее и в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке и библиотеке Академии наук.

Факсимильное издание свода включает как оригинальный текст, так и перевод на современный русский язык. Как отмечают специалисты, подобные издания представляют собой значительную ценность: каждый том стилизован под старину, страницы напоминают пергамент, текст сохранен в первоначальном, рукописном исполнении.

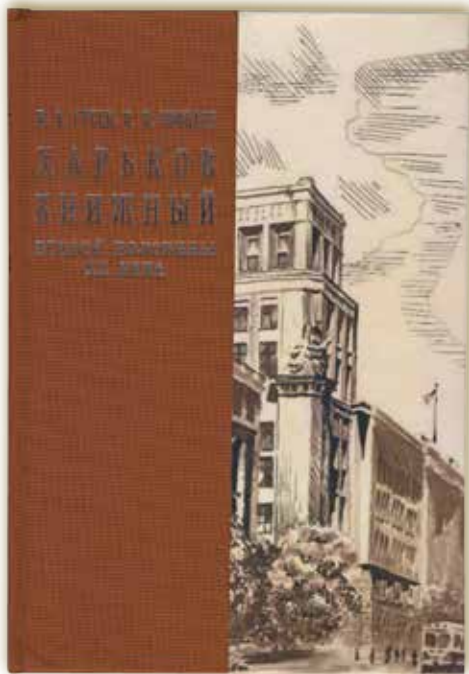
Проект по изданию свода, реализованный при поддержке ПАО «Транснефть», призван значительно расширить доступ к уникальному литературному памятнику средневековой Руси специалистов, в том числе и зарубежных исследователей, сделать его достоянием мировой культуры.

Лицевой летописный свод бесплатно распространяется среди учебных заведений и библиотек Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья. Факсимильным изданием свода уже пополнились, в частности, библиотеки Университета Эдинбурга (Шотландия), Фуданьского университета (Китай), Сеульского национального университета (Корея), Университета Гронингена (Нидерланды). Всего до настоящего времени в иностранные вузы и библиотеки при содействии Министерства иностранных дел Российской Федерации передано более шестидесяти комплектов издания.

Московской духовной академии для распространения среди духовных учебных заведений РПЦ предоставлено сорок комплектов издания. В учебные заведения, библиотеки, духовные семинарии уже передано более семидесяти комплектов, а еще более тридцати находятся в настоящий момент в стадии передачи.

Ex libris «Про книги»

Гусев В.А., Рофварг Л.П. Харьков книжный второй половины XX века / В.А. Гусев, Л.П. Рофварг. — Киев: Личности, 2015. — 202, [1] с.: ил. — 150 экз.

Прекрасное начинание, прямо-таки требующее издательского продолжения, осуществлено усилиями наших коллег — украинских собирателей Владимира Андреевича Гусева и Льва Петровича Рофварга, а также издателя Юрия Александровича Белецкого (члена Национального союза библиофилов).

Мы знаем издания о книжной Москве и книжном Петербурге, но все они обращены в достаточно далекое прошлое и охватывают не столько библиофильскую проблематику, сколько изда-

тельно-книготорговую. Ныне же нам предложен фактически увлекательный роман о жизни харьковских библиофилов во второй половине XX и даже начале нынешнего века. Ткань романа соткана из чудесных лоскутков-рассказов о жизни собирателей и букинистов, о первых харьковских книжных аукционах, деятельности книголюбских клубов, поисках и находках. Все эти до боли знакомые каждому библиофилу истории читаются буквально на одном дыхании и вызывают живой отклик в наших умах и сердцах.

В.А. Гусев делится с читателем тем, как сформировалась идея написать библиофильские воспоминания, основываясь на удачном опыте издания каталога коллекционной части своей библиотеки. При этом он уделяет особое внимание волнующему каждого из нас вопросу о будущей судьбе собранной многолетними трудами библиотеки. Ответ его однозначен: в государственные хранилища принимаются лишь особо ценные коллекции, но даже им невозможно гарантировать дальнейшую жизнь в целостном обособленном виде. «Второй же вариант, принципиально отличный от первого, — самому владельцу успеть «распылить» коллекцию в книжном мире и тем самым дать возможность новым собирателям получить радость от встречи с редкостями и от их приобретения. В этом случае книги... вновь получают ... возможность складываться в иные комбинации и иные системы в соответствии со вкусами и возможностями новых владельцев». В.А. Гусев также достаточно подробно рассказывает

о тяжелом психологическом испытании для владельца, расстающегося со своим собранием, но не забывает упомянуть и о том, что наследники, как правило, плохо справляются с проблемами реализации книжных сокровищ.

Воспоминания написаны живым языком, в результате чего перед нами встают весьма эмоциональные образы как книжных собирателей, так и букинистов, дилеров, книговедов. Как правило, все портреты, даже не очень квалифицированных «книжных жучков», выполнены с большой симпатией, по всей видимости, еще и из-за необъятной любви к книжному миру как таковому.

Весьма тщательно и откровенно описан опыт по проведению антикварно-букинистических аукционов в Харькове во второй половине 1980-х годов. Особый интерес вызывают описания топлотов и финальные цены их продажи (в советских рублях).

Вторая глава воспоминаний В.А. Гусева посвящена крупнейшим харьковским частным библиотекам и их владельцам. Так же как и в первой главе, текстовые портреты сопровождаются фотографиями основных действующих лиц. Ну и, конечно, такими же главными персонажами на протяжении всего повествования выступают сами книжные редкости. Некоторые из них на фоне нынешней бурной московской антикварно-букинистической жизни выглядят не такими уж удивительными дезидератами, но многие действительно остались в списке «записных редкостей» и шедевров.

С особым интересом читается глава, посвященная памятным случаям из собирательской практики В.А. Гусева. Удивительные случайные находки, курьезные происшествия, «библиофильская охота» — все это составляет существенную часть собирательской жизни.

Компактные воспоминания Л.П. Рофварга дополняют панораму харьковской библиофильской жизни и читаются с не меньшим интересом.

Особые слова благодарности надо сказать авторам за наличие «Краткого словаря книжников Харькова», а издателю — за изящный макет и прекрасное полиграфическое воплощение этого важного издания.

М.С.

Книжные знаки в собрании Политехнической библиотеки: иллюстрированный каталог. — Кн. 1: Библиотеки российских организаций и учреждений / под общ. ред. И.В. Полянкой, сост.: О.Ю. Плешакова. — М.: Политехнический музей, 2015. — 254 с.: ил.; Кн. 2: Российские частные библиотеки / сост. О.Ю. Плешакова, И.В. Полянская. —

М.: Политехнический музей, 2016. — 288 с.: ил.

Данный каталог — результат исследования фонда редких и ценных изданий одной из старейших и крупнейших научно-технических библиотек России — библиотеки Политехнического музея. По замыслу составителей, задача издания — уделить особое внимание информационному раскрытию фонда с точки зрения описания не книги или журнала в целом, а отдельно взятого экземпляра в процессе его бытования. Экслибрисы, владельческие записи, штампы, указывающие на принадлежность к той или иной коллекции, и стали предметом изучения для составителей каталога Ольги Юрьевны Плешаковой и Ирины Валерьевны Полянской.

Представленные книги открывают серию изданий о книжных знаках в собрании Политехнической библиотеки. В первом томе описаны книжные знаки коллективных владельцев (научных обществ, учебных заведений, музеев, библиотек, фирм и различных предприятий, органов государственной власти, воинских подразделений и других) российского происхождения XVIII — середины XX века. Внимание уделено самым разным по происхождению экземплярам — от хранившихся в библиотеке Государственной думы до входивших в книжную коллекцию московского кружка любителей культуры аквариума и террариума. Каждая из ста статей содержит краткую историческую справку об организации или учреждении, описания и изображения книжных знаков (всего их в первом томе опубликовано 164), выявленных в фонде, информацию о литературе и источниках по теме статьи.

Во второй том вошли статьи о 100 владельцах частных библиотек и описания 142 книжных знаков XVIII —

первой половины XX века. Приводятся краткие биографические сведения о владельцах, информация о количественном и тематическом составе библиотек, месте их расположения и дальнейшей судьбе книжных собраний. В числе других описаны экземпляры принадлежавшие военному и государственному деятелю князю П.М. Волконскому, известному коллекционеру князю Н.В. Гагарину, библиографу и библиофилу П.А. Ефремову, историку И.Е. Забелину, политическому и государственному деятелю М.В. Родзянко, финансисту, промышленнику, коллекционеру С.П. Рябушинскому.

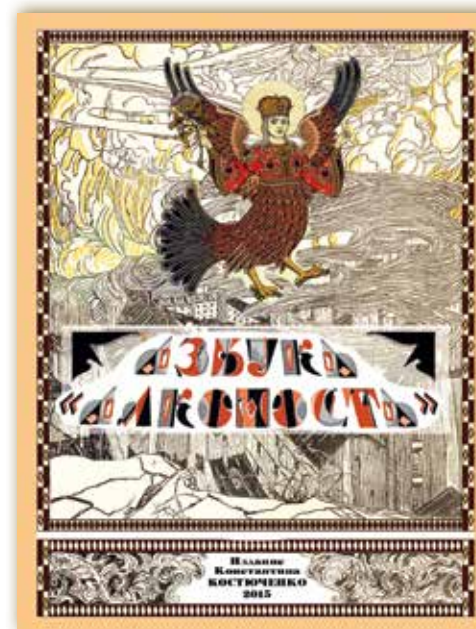
Справочный аппарат каталога включает указатели организаций и лиц, упомянутых в издании, а также перечень изданий с оттисками книжных знаков и список сокращений.

Исполненное на высоком полиграфическом уровне, богато иллюстрированное (в тексте и на отдельных вкладках) издание можно рекомендовать специалистам в области истории книги и библиотечного дела, коллекционерам экслибрисов, библиофилам, специалистам антикварной книжной торговли, которые, можно не сомневаться, будут с нетерпением ожидать выхода в свет новых томов каталога книжных знаков из собрания Политехнической библиотеки.

С.Ч.

Колотило М.Н. Азбука «Алконоста» / М.Н. Колотило; под науч. ред. канд. искусствоведения И.В. Обуховой-Зелинской. — Санкт-Петербург: Искусство России : изд. К. Костюченко, 2015. — 127 с. : ил. — (Серия книг «Толстовский дом»; вып. 5).

Толстовский дом — единственный жилой дом в Санкт-Петербурге (к дворцам и особнякам — особый счет), который удостоился целой серии книг. Все они

(первая была издана в 2010 году) написаны или составлены искусствоведом, культурологом Мариной Николаевной Колотило. В их числе и вышедшая в марте 2016 года пятая книга серии — «Азбука «Алконоста», посвященная знаменитому петроградскому книжному издательству.

В издательстве «Алконост» в 1918 — 1923 годах вышли 60 книг выдающихся авторов Серебряного века: Александра Блока, Анны Ахматовой, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, Алексея Ремизова, Константина Эрберга... Среди книг этого издательства и безусловный шедевр книжного искусства и предмет вожделения многих библиофилов — поэма Александра Блока «Двенадцать», проиллюстрированная замечательным художником Юрием Анненковым, которая была издана в 1918 году тиражом всего 300 экземпляров. Кроме Анненкова с «Алконостом» сотрудничали многие выдающиеся художники, среди которых Добужинский, Кустодиев, Бакст, Замирайло, Головин, Альтман...

«Азбука «Алконоста» значительно отличается от предыдущих книг серии, которые носили историко-краеведческий характер. «Азбуку...» же один из жителей Толстовского дома, заместитель директора Русского музея Иван Иванович Карлов, охарактеризовал как «литературоведческий импрессионизм». Основной текст состоит из тридцати семи маленьких главок, озаглавленных буквами дореформенного русского алфавита. В «Азбуке «Алконоста» встречаются символы и ассоциации, связанные не только с буквами современной азбуки, но и с буквами давно из нее вычеркнутыми, ибо без них картина была бы неполной — первые книги в издательстве «Алконост» выходили в старой орфографии. Недаром в издании процитированы слова академика Д.С. Лихачева о старом дореформенном алфавите: «Всю русскую азбуку можно сравнить с приготовленным к иконописанию материалом. Простые буквы, в большинстве случаев соответствующие звукам, можно будет сравнить с чистыми красками: синий, белый, зеленый, желтый и т.д.; «Ѣ» следует уподобить золоту, серебру, а «Ѧ» (ижицу) драгоценным камням. Введение новой орфографии равносильно изъятию церковных ценностей».

Оригинальные буквицы по мотивам шрифтов Сергея Чехонина (комплект из 37 рисунков, соответствующих полному дореформенному алфавиту) и оригинальную библиофильскую суперобложку для малой части тиража изготовил известнейший мастер переплетного дела, художник-реставратор, коллекционер Леонид Леонидович Колпахчиев.

Большинство иллюстраций для издания взяты из коллекции жителя Толстовского дома библиофила Константина Костюченко, который и выступил издателем представленной книги.

Л.Л.

Книжные ПРОИсшествия

Выставки в Российской государственной библиотеке

Сразу несколько интереснейших экспозиций представили в июле — сентябре 2016 года сотрудники РГБ.

В разгар лета, 1 июля, открылась выставка из цикла «Некнижная тема в книге»: «Одним воздушным очертанием я так мила...»: *Бабочки в изданиях XVIII—XX веков из фонда Музея книги Российской государственной библиотеки*. По словам организаторов, среди которых и автор журнала «Про книги», глав-

ный хранитель фондов Музея книги РГБ Нина Викторовна Чаленко, данная экспозиция — настоящий подарок для тех, кто не устает восхищаться игрой природы, создавшей такую красоту, как бабочки.

Вниманию посетителей выставки были представлены уникальные издания немецкой художницы, гравера, энтомолога Марии Сибиллы Мериан «Чудесное превращение гусениц» (Амстердам, б.г. и 1717) и «Метаморфозы суринамских насекомых» (Амстердам, 1705 и 1719), «Естественная история английских насекомых» (Лондон, 1720) известного английского натуралиста и акварелиста

Гравюры из издания Марии Сибиллы Мериан «Метаморфозы суринамских насекомых» (Амстердам, 1705). РГБ

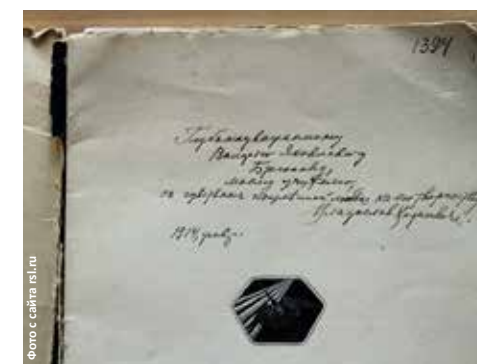
Елезара Албина (содержащиеся в издании сто гравюр на меди раскрашены автором вручную), четвертый том (1785) из редчайшего (было напечатано всего 250 экземпляров) восьмитомного парижского издания «Бабочки Европы» французского энтомолога, монаха монастыря Малых Августинцев в Париже Жака-Луи-Флорентина Энграмеля.

На стендах выставки детская книга «с элементами игры» Нины Петровны Найденовой «Бабочки» (Москва, 1946) соседствовала с великолепным изданием поэзии Джорджа Гордона Байрона (Лондон, б.г.) с раскрашенной вручную литографией с изображением бабочки на переплете из кожи и дерева, а книга Сергея Тимофеевича Аксакова «Бабочки» (Ленинград, 1938) — с изданием стихов страстного любителя этих чудесных насекомых Владимира Владимировича Набокова, который критиковал рассказ Аксакова.

17 августа в читальном зале отдела рукописей РГБ открылась выставка «Русские писатели Серебряного века: к 130-летию со дня рождения В.Ф. Ходасевича и 150-летию со дня рождения Д.С. Мережковского».

На первый взгляд, очень трудно проследить значительные связи между двумя героями экспозиции, но куратору выставки Анне Евгеньевне Родионовой, главному архивисту отдела рукописей, и ее коллегам — Любови Александровне Шевцовой и Вере Игоревне Бурцевой — удалось сделать экспозицию цельной и познакомить ее посетителей со всеми гранями таланта двух ярчайших фигур Серебряного века. При этом и Дмитрий Сергеевич Мережковский, и Владислав Фелицианович Ходасевич предстали людьми неординарными, глубокими, сомневающимися и страдающими.

В экспозиции были представлены, в частности, многочисленные автографы стихотворений Владислава Ходасевича, его переводы армянской поэзии, «Воспоминаний итальянского дворянина» Стендаля, драмы Зыгмунта Красинского «Иридион», сборники, письма, критические статьи. Можно было увидеть и автографы произведений Дмитрия Мережковского «Царевич Алексей», «14 декабря», «Петр и Алексей», его стихотворений «Трубный глас», «Молитва о крыльях», письма к Антону Павловичу Чехову, черновики к пьесам, посвящения, дневники.

Письма Д.С. Мережковского В.В. Розанову (1900-е годы) (РГБ); дарственная надпись В.Ф. Ходасевича В.Я. Брюсову на книге стихов «Счастливые дни» (М., 1914) (РГБ) — экспонаты выставки «Русские писатели Серебряного века»

Коран (Бомбей, 1881). ЦВЛ РГБ

Со 2 по 22 сентября в Центре восточной литературы РГБ проходила выставка «Национальная библиотека Индии в гостях у Российской государственной библиотеки: редкие книги XVIII—XIX веков из фондов двух библиотек».

Экспозиция, посвященная истории индийского книгопечатания, была организована в рамках программы культурных обменов между Министерством культуры Республики Индия и Министерством культуры Российской Федерации. Индийская сторона представила 23 книги (копии), увидевшие свет в XVIII—XIX веках. В свою очередь, Марина Владимировна Меланьина, заведующая Центром восточной литературы, и Смиа Сенгупта, заведующая сектором ЦВЛ, отобрали 30 редких изданий (оригиналов) того же времени издания из фондов РГБ. Все они были изданы как в крупных центрах книгопечатания — Бомбее, Вепери, Дели, Колкате, Мадрасе, так и в небольших городах — Дарджилинге, Джалпаигури, Шиллонге и других. Книги, в том числе на редких индийских языках гаро, деори-чутья, качари, лепча, миккир, сантал, посвящены истории, культуре, философии, языко-

нанию. Самую старую из экспонированных книг, изданный на Гоа в 1642 году трактат о выступлениях жителей Эфиопии против Римско-католической церкви, предоставил Музей книги РГБ.

По материалам сайта www.rsl.ru

36-й Всемирный конгресс экслибриса FISAE в Вологде

С 22 по 27 августа 2016 года в Вологде проходил 36-й Всемирный конгресс экслибриса FISAE. Его участниками стали художники, коллекционеры и историки из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках конгресса состоялось открытие «Всемирной выставки экслибриса. 2014–2016», которая разместилась в Центральном выставочном зале Вологодской областной картинной галереи. На ней представлены около полутора тысяч оригинальных авторских книжных знаков, которые создали почти 400 художников из 39 стран мира. Среди них — российские мастера экслибриса Владимир Зуев, Олег Яхнин, Валентина Анопова, Нина Казимова, болгарин Юлиан Йорданов, Мариус Мартинеску из Франции, Мартин Байенс из Бельгии, поляк Рышард Балон, китайцы Дон-Шен Чжоу и Фан-Цзюнь Чжао. Все работы в последующем пополнят коллекции Вологодской картинной галереи, а в перспективе могут стать экспонатами первого в стране Музея экслибриса, который планируют открыть в Вологде.

Кроме того, двенадцать специальных выставок экслибриса работали с 22 августа по 17 сентября в Музейно-творческом центре «Дом Корбакова». Посе-

тители могли познакомиться с работами графиков России и Белоруссии, собранием экслибриса из фондов Вологодской областной картинной галереи и работами учащихся детской художественной школы города Вологды. Отдельные экспозиции были посвящены работам Валерия Мишина, Юрия Ноздрин, Леонида Шетнева, Михаила Верхоланцева, коллекции членов Общенационального общества любителей экслибриса и графики и собранию члена НСБ Владимира Беликова.

По материалам сайтов www.tv21.ru, vologda-portal.ru, www.vologda-gallery.ru, cultinfo.ru

Воровка картин Айвазовского прикидывалась блондинкой

Приговор аферистке, которая похитила картины знаменитых художников у коллекционеров, вынес Гагаринский суд столицы.

Как сообщил «МК» заместитель Гагаринского межрайонного прокурора Антон Шумский, 58-летняя Светлана Прибыткова с 2007 по 2011 год похищала произведения искусства у коллекционеров. Женщина обещала выступить посредником в выгодной сделке — продать произведения искусства и вернуть деньги владельцам, но в итоге не выполняла обещаний. Блондинка поражала коллекционеров наглостью и изощренностью. Она представлялась известнейшим искусствоведом и антикваром, имеющим большое влияние во всех кругах и множество покупателей. Таким образом были похищены у трех владельцев

И.К. Айвазовский. Берег моря. Штиль. 1880. Холст, масло

картины Ивана Шишкина «Преображенское», Айвазовский «Берег моря. Штиль» и картина Рериха «В монгольской степи» 1941 года.

Несколько раз Прибыткова использовала и другую схему. Например, своему знакомому известному коллекционеру и вице-президенту Союза антикваров Олегу Лукашину женщина пообещала помочь в приобретении нескольких произведений искусства великих мастеров — двух полотен Маковского, картины Верещагина и картины Айвазовского. На покупку раритетов Лукашин (сейчас его уже нет в живых) выделил 6,6 миллионов рублей, а еще 4 миллиона дал мошеннице в долг. Разумеется, ни денег, ни картин он так и не увидел.

За мошенничество и хищение предметов, имеющих особую ценность, Гагаринский суд приговорил женщину к четырем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Также был удовлетворен иск сына Лукашина на сумму 19 миллионов 900 тысяч рублей.

Юлия Афанасьева,
«Московский комсомолец»
(www.mk.ru)

Поэты ПРО книги

Иннокентий Омулевский

Я властвую над миром и так же могуч,
Как всепроникающий солнечный луч.
На полках стоят легионы мои,
Видавшие славу и черные дни, —
И эта отважная книжная рать
Готова всегда за меня постоять.

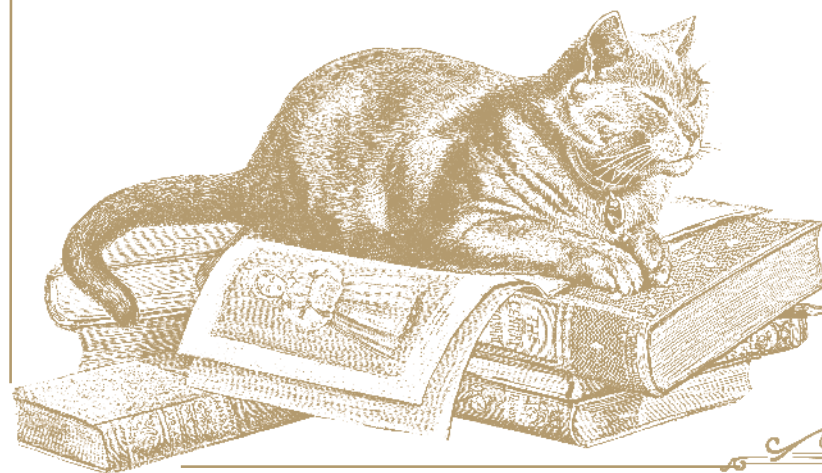
Поэты ПРО книги

Всеволод Рождественский

Друзья мои! С высоких книжных полок
Приходите ко мне вы по ночам,
И разговор наш — краток или долог, —
Всегда бывает нужен мне и вам...

Через века ко мне дошел ваш голос,
Рассеявшийся некогда, как дым,
И то, что в вас страдало и боролось,
Вдруг стало чудодейственно моим.

Листая старые газеты

Представляем в нашей традиционной рубрике статью, посвященную одному из самых значительных аукционов русских книг в истории — состоявшимся в конце 1975 года в Монте-Карло торгам по продаже коллекции С.П. Дягилева и С.М. Лифаря.

Материал для публикации предоставлен экспертом антикварной книжной торговли Л.В. Яшковой.

КНИЖНЫЙ АУКЦИОН В МОНТЕ-КАРЛО

*Рассказывает
доктор искусствоведения
И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН*

ДВЕ ТЫСЯЧИ РАРИТЕТОВ

Видимо, представлять старшего научного сотрудника Института мировой литературы, доктора искусствоведения Илью Самойловича Зильберштейна нет нужды. Читатели «ЛГ» не раз встречались с ним на страницах нашей газеты. Около десяти лет назад, в июне — июле 1966 года, мы опубликовали цикл интервью с И.С. Зильберштейном о том, как были

возвращены на Родину многие бесценные сокровища отечественной литературы, изобразительного искусства, истории... Некоторые из этих архивных материалов будут опубликованы на страницах издания «Литературное наследство», инициатором и непосредственным организатором которого И.С. Зильберштейн и является.

И.С. Зильберштейн только что вернулся из командировки во Францию. Мы

беседуем в его рабочем кабинете. На столах — старые в свежих закладках книги, неведомые репродукции, громоздкие альбомы, донельзя исписанные рабочие тетради... Еще не все отысканное во Франции дошло до Москвы — предстоит длительная, кропотливая работа.

С чем же была связана эта зарубежная поездка? С книжным аукционом в Монте-Карло, том самом Монте-Карло, в одном из

трех городов княжества Монако... В этой едва ли не самой маленькой стране Западной Европы, кроме больших картежных битв, происходят и иные, действительно крупные события.

— 28 ноября в Монте-Карло должен был начаться книжный аукцион, можно с полным основанием сказать — крупнейший и важнейший в нынешнем XX веке аукцион старинных русских книг, то есть распродажа знаменитой библиотеки, собранной выдающимся деятелем русской художественной культуры Сергеем Павловичем Дягилевым...

Два слова о Дягилеве и его библиотеке.

В письме к композитору Н.А. Римскому-Корсакову от 11 июня 1907 года Дягилев с полным основанием причислял себя к тем, для кого «вопрос русских культурных побед — есть вопрос жизни».

Устроитель знаменитых «Русских сезонов» за рубежом Сергей Павлович Дягилев впервые с такой широтой представил зрителям ряда стран Запады балетное, оперное и музыкальное искусство России. В истории отечественной культуры он был неугомонным дерзателем. Таким он остался и тогда, когда всего за три года до своей кончины в Венеции,

в 1929 году, он стал страстным коллекционером автографов великих русских писателей, композиторов, редчайших русских изданий XVI—XIX веков.

— Ведь три года — это очень и очень короткий срок, — продолжал И.С. Зильберштейн. — И все же сколько Дягилев успел найти и собрать — это просто невозможно представить! Приведу несколько примеров. Ни в одной из крупнейших библиотек мира, даже в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина, не было знаменитой «Азбуки» первопечатника Ивана Федорова, а Дягилев нашел это бесценное издание. Разыскал он и десятки старопечатных книг XVI—XVII веков, два экземпляра первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева... Количество собранных им книжных редкостей составило 2000 названий. И все это раритеты, значение которых понимает каждый любящий книгу человек.

Он искал их всюду. У меня издавна хранятся два письма С.П. Дягилева к его парижским друзьям: он просил их приобрести для него некоторые редкие книги, которые сам не успел купить в Париже...

Но еще большее значение имели собранные Дягилевым автографы вели-

ких русских писателей. Так, в его коллекции находилось 10 писем А.С. Пушкина к невесте и одно письмо к ее матери, письма, которые в 1878 году И.С. Тургенев впервые, со своим предисловием, опубликовал в петербургском журнале «Вестник Европы». Все отделы рукописей лучших библиотек Запады имеют один-два автографа стихов или писем Лермонтова, — Дягилев разыскал четыре письма великого поэта к его близкому другу А.А. Лопухину и две стихотворные рукописи.

— Библиотека Дягилева — это поистине замечательное собрание сокровищ культуры России. Сергей Павлович твердо надеялся, что все собранное им, несомненно, вернется на Родину. В этом смысле весьма примечательна надпись, которую он сделал на изданной в Берлине книге

Памятник С.П. Дягилеву в Монте-Карло

«Тарантас» В.А. Сологуба. Вот она, эта надпись: «Тарантас» для возвращения В Россию.

Париж... С. Д.».

...Какая же судьба постигла библиотеку Дягилева и собранные им автографы после его смерти в 1929 году? Значительную часть приобрел известный мастер балета Сергей Михайлович Лифарь, который, живя в Париже, с той давней поры также стал библиофилом и коллекционером автографов. Бережно храня коллекцию Дягилева, в минувшие полвека С.М. Лифарь сумел разыскать ряд других автографов Пушкина, книги с дарственными надписями великих русских писателей. В своих статьях он прямо утверждал, что все это «принадлежит России».

И, пожалуй, ни один из русских парижан не дарил своей Родине столько ценных реликвий отечественной культуры, как С.М. Лифарь. Так, в 1956 году он прислал в Ленинград, в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), где хранятся рукописи великого поэта, автограф «Предисловия» А.С. Пушкина к неосуществленному тогда отдельному изданию «Путешествия в Арзрум». Это тетрадь большого размера, девять страниц которой исписаны рукою гения.

...Я рассказываю И.С. Зильберштейну, что в 1961 году, когда С.М. Лифарь впервые приехал в Советский Союз, был в Ленинграде, посетил Пушкинский Дом, мне довелось беседовать с ним. Тогда С.М. Лифарь передал подорожную, с которой Пушкин в 1820 году направился в южную ссылку. Я был на этой церемонии, подробно записал ее в своем рабочем дневнике, записал дословно и то, что сказал тогда С.М. Лифарь:

— Я счастлив, что подорожная уже на родине нашего великого национального гения, на нашей с вами родине.

...Илья Самойлович Зильберштейн вспоминает, что в 1969 году, по его просьбе, С.М. Лифарь передал Родине знаменитую картину Михаила Юрьевича Лермонтова «Вид Крестовой горы», лучшую изо всех четырнадцати сохранившихся до наших дней картин, которые великий поэт написал маслом. Ныне это великолепное полотно украшает Домик-музей Лермонтова в Пятигорске.

— Думается, — резюмирует И.С. Зильберштейн, — что этих фактов достаточно для того, чтобы убедиться в том, что слова С.М. Лифаря об имеющихся у него культурных сокровищах, которые принадлежат Родине, — не пустой звук...

В «ЗИМНЕМ СПОРТИНГЕ»

— И все же с чем конкретно была связана ваша новая поездка за границу? — спрашиваю И.С. Зильберштейна.

— 4 августа 1975 года я получил из Парижа от Лифаря письмо, в котором он сообщил, что собирался прилететь в Москву для переговоров о судьбе своей библиотеки, о судьбе пушкинских автографов. Но в связи с рядом обстоятельств он не смог осуществить это намерение. Письмо заканчивалось так:

«С грустью извещаю, что мою Дягилевскую библиотеку (с XVI по XIX века) — 2000 томов я вынужден «разбазарить» с торгов... На ее содержание не имею средств!»

— Я немедленно написал Сергею Михайловичу в Париж, выразив великую печаль по этому поводу, — продолжал И.С. Зильберштейн. — Вскоре получил от чего ответ, в котором он сообщил, что пришел к решению продать основную часть своей библиотеки... Сначала я полагал, что и пушкинские рукописи пойдут с аукциона. Но, к счастью, этого не произошло. Тогда же, в ноябре 1975 года, С.М. Лифарь писал мне:

«Посылаю Вам спешно каталог русско-славянской библиотеки, библиотеки,

с которой я вынужден расстаться...

...Как все это ценнее имущество сохранить в целом? Другого исхода, нежели этот (то есть аукцион. — И. З.) — я не нашел.

А горечь Вашу я понимаю...»

Письмо С.М. Лифаря заканчивалось так:

«Мою зарубежную Пушкиниану и Дягилевские архивы мне удалось сохранить... А что дальше?..»

Спустя три дня И.С. Зильберштейн получил высланный С.М. Лифарем каталог. Вот он перед нами. На переплете — знак лондонской аукционной фирмы «Сотеби Парк Бернет»: ей С.М. Лифарь поручил провести аукцион в Монте-Карло.

Далее крупно набрано:

«Библиотека Дягилева-Лифаря. Монако. 28–29–30 ноября, 1 декабря 1975 г.»

Листаю книгу с золотым тиснением. Этот весьма квалифицированно составленный и превосходно изданный каталог содержит сведения более чем о 800 названиях (около 2000 книг), а также о ряде музыкальных автографов. Сей быстро распространившийся среди антикваров, библиофилов и собирателей многих стран каталог свидетельствовал, что на предстоящем аукционе в Монако выставлены многие уникаль-

ные издания, которые на протяжении десятилетий невозможно было обнаружить в продаже...

— 25 ноября я получил из Парижа телеграмму: «Был бы рад вашему присутствию на продаже русской библиотеки 28 ноября. Привет, Сергей Лифарь», — продолжает Илья Самойлович. — О предстоящем аукционе я сообщил академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР академику М.Б. Храпченко. Этим важным делом заинтересовалось Министерство культуры СССР, предложило срочно командировать меня на аукцион в Монако, затем в Париж для поиска русских реликвий. Времени до отлета оставалось мало, а дел много. Когда я показал каталог будущего аукциона в Монте-Карло директору Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина профессору Н.М. Сикорскому, выяснилось, что даже в фондах этой нашей самой богатой библиотеки, увы, отсутствуют 16 названий из числа тех раритетов, которые описаны в каталоге. Н.М. Сикорский просил сделать все возможное, чтобы приобрести и отправить на Родину эти книги...

Итак, только 28 ноября, то есть в день начала аукциона, я вылетел из Москвы

и прибыл в Париж в одиннадцатый час дня по местному времени. Отсюда надо час лететь в Ниццу, но это была пятница, конец недели, и ни на один самолет уже не осталось билетов. Лишь благодаря помощи И.М. Шагал, дочери знаменитого художника, я с трудом получил билет на самолет, вылетающий в Ниццу. И только в семь вечера я добрался до Монте-Карло и был у здания, где происходят аукционы, — оно называется «Зимний спортинг» и находится неподалеку от знаменитого казино и театра. Но, увы, первый день, первый «сеанс» аукциона уже завершился: я опоздал... Надо было ждать завтрашнего утра...

СХВАТКА АНТИКВАРОВ

В это утро здесь, в большом зале «Зимнего спортинга», собрались прибывшие из многих стран мира известные антиквары, книжники, собиратели уникальных, представители многочисленных богатых фирм, посланцы известных коллекционеров — миллионеров, которые не стесняются в расходах, лишь бы приобрести первое издание древнейшей книги или несколько страниц «живого Стравинского» и другие музыкальные автографы — они тоже были объявлены в каталоге.

Именитые покупатели, а их собралось здесь свыше 120, еще накануне внимательно осмотрели книги из библиотеки Дягилева, которые должны были продаваться. Некоторые экземпляры и сейчас были представлены за стеклом — их можно поглядеть.

— Я пришел около десяти утра, осмотрел роскошный зал, встретил здесь нервного, взвинченного С.М. Лифаря, встретил давнего знакомого русского парижанина, который обещал и действительно затем помог приобрести некоторые книги, которых нет в Ленинской библиотеке...

...Но вот на просцениум поднялись десять импозантных представителей лондонской фирмы «Сотеби»... В центре — почтенный джентльмен, некий лорд, который будет вести аукцион, он знает всю представленную для продажи коллекцию, цены и конъюнктуру, знает по именам всех участников торга и их кредитоспособность... Рядом с ним весьма представительная дама с молоточком. В зале — напряжение.

Аукцион библиотеки Дягилева продолжается. Предлагается хорошо известное нашим библиофилам первое издание «Бориса Годунова» Пушкина.

Лорд называет исходную цену.

— 3000 франков!
— 3500...
— 4000...
— 5000...
— 6000!
— 6000 — раз, 6000 — два, 6000...
— 7000!

«Охота» за «Борисом Годуновым» охватила зал: цены взлетали мгновенно — 8000, 9000, 10000... Еще два удара молотка.

— 12 000 франков — раз, 12 000 — два, 12 000 — три... Продано! — не изменяя монотонной речи, объявила дама с молоточком.

— Так шел этот аукцион века в Монте-Карло. Именно века: более богатого в истории книжных аукционов русских книг в этом столетии не было, — продолжал И.С. Зильберштейн. — Острое внимание собравшихся здесь антикваров мира привлекли листы «Библии» первопечатника Белоруссии Франциска Скорины, датированной 1518 годом. Специально прибывший из Лондона господин не стеснялся в расходах и за очень высокую цену купил эти листы.

Целое сражение возникло вокруг рукописи композитора Игоря Стравинского. Это двенадцать страниц нотного текста — сюита из «Жар-птицы». Первая названная руководителем аукциона цена — 5000 франков. За несколько

минут эта цифра удесятерилась, и в итоге ожесточенной схватки рукопись была продана за 97 000 франков...

Так аукцион действовал все четыре дня!

— А каковы итоги вашего участия в аукционе?

— Как я уже сказал, в первый день я не был на аукционе, поэтому шесть книг из 16 отсутствующих в фондах Ленинской библиотеки, к сожалению, были уже проданы. В последующие дни удалось приобрести семь названий книг: «Триодъ» (Венеция, 1561 г.), «Требник» (Киев, 1703 г.), «Октоих» (Львов, 1715 г.), «Искусство явиться в свет с успехом» (СПб., 1774 г.), «Новейший полный письменник, или Всеобщий секретарь» (СПб., 1807 г.), А.К. Толстой. «Князь Серебряный» (М., 1862 г., с дарственной надписью автора), А.К. Толстой. «Князь Серебряный» (СПб., 1863 г., с дарственной надписью автора).

А еще два нужных нам издания Сергей Михайлович Лифарь снял с аукциона и передал их в дар Родине. Это 12 томов знаменитой «Минеи» в десяти переплетах, изданных в России в 1666 и 1724 годах. А другое издание — быть может, единственный в мире экземпляр книги «Петербургские трущобы из трущоб», напечатанной в «Печатне «Мирской вестник» по Ека-

терининскому каналу, близ Какушкина моста № 70, в Петербурге» в 1870 году. На титульном листе, под заголовком, набрано:

«Роман не роман; а нечто вроде повести или рассказа. Сочинение П. Столичного».

— Эта книга в каталоге аукциона была помечена № 731, — комментирует Илья Самойлович. — Ее, видимо, издал сам автор, который вместо своей фамилии поставил псевдоним.

Третью необходимую нам книгу из библиотеки Дягилева приобрел на аукционе в Монте-Карло выходец из России, ныне проживающий в княжестве Лихтенштейн, 60-летний вице-председатель Олимпийского коми-

тета этой небольшой страны Э.А. Фальц-Фейн.

— Он услышал русскую речь и подоспел ко мне, рассказывает И.С. Зильберштейн. — И по-русски спросил: «Извините, сударь, не из Москвы ли будете?» — «Да, именно из Москвы». — «Очень приятно! Позвольте представиться — барон Фальц-Фейн, Эдуард Александрович. Россия — это и моя родина: мой дядя был основателем любительского зоопарка, из которого вырос затем заповедник Аскании-Нова, что под Херсоном...»

— У вас — сладкая фамилия, я ее очень хорошо помню с детских лет, — ответил И. Зильберштейн. — Я родился в Одессе, а конфеты, шоколад и другие

сладости отец покупал нам в магазине Фальц-Фейна...

— Как вы сказали, — сладкая фамилия?! Да, это был дядин магазин... А я, признаться, совсем недавно побывал в Аскании-Нова, где меня великолепно приняли. Я с удовольствием осматривал ныне знаменитый заповедник, в степях которого дядя любил гулять со мной... Так давно я не был в Аскании-Нова — и вот ведь довелось еще раз увидеть! Я рад встретиться с вами и в память об этом позвольте подарить Родине книгу, которую только что приобрел здесь, на аукционе...

Барон передал изданную в России в 1774 году книгу Николая Курганова «Наука

Продававшаяся на аукционе библиотеки С. И. Дягилева в Монте-Карло редкое иллюстрированное издание, задуманное и осуществленное художником И. Степановым (Петербург 1837—1858 гг.). В этом издании карикатур, исполненных литографским способом (72 листа — 360 рисунков), принимали также участие художники П. Анненский, А. Волков, Г. Дестунис, Р. Жуковский, М. Зичи.

Морская». А заодно подарил и изданную им в княжестве Лихтенштейн на английском, французском и немецком языках книгу, которая называется «Аскания-Нова — жемчужина Украины».

БЕСЦЕННЫЙ АВТОГРАФ

Итоги этой поездки значительны, и в одном репортаже обо всем подробно не расскажешь... И.С. Зильберштейн осторожно, почти не дыша, выкладывает на стол все новые неведомые раритеты...

— Вы говорите, итоги?.. С этим еще придется долго разбираться... После аукциона, уже в Париже, мы сердечно беседовали с Сергеем Михайловичем Лифарем, и он решил подарить Родине еще три книги, которые миновали аукцион... Вот они, смотрите...

Гляжу! Тонкая книжка в розовой обложке. Раскры-

Надпись А. С. Пушкина на пятой главе «Евгения Онегина», подаренной в 1828 году журналисту О. М. Солову, принимавшему близкое участие в редакционных делах пушкинской «Литературной газеты»

ваю — пятая глава «Евгения Онегина». А на обороте титула рукою великого поэта выцветшими коричневыми чернилами выведена дарственная надпись литератору и журналисту той поры:

«Оресту Михайловичу Голову. А. Пушкин».

Еще одна книга — первый том собрания сочинений И. С. Тургенева, вышедший в 1880 году, с дарственной надписью общественному деятелю и издателю А.М. Щепкину — сыну знаменитого артиста.

И наконец, третья книга — великолепный экземпляр в мягкой кожаной обложке с золотым обрезом, исполненным из самого что ни на есть натурального золота... Чудесные гравюры украшают книгу, которая вышла в свет в Петербурге около 150 лет назад — в 1827 году. Это первый том одного из тогда популярных, но бесталанных романов.

— Таковы результаты пребывания на книжном аукционе в Монте-Карло и встреч с С.М. Лифарем, — продолжает И.С. Зильберштейн. — Во время нашей последней беседы он просил передать Министерству культуры СССР эти три книги. Но, конечно, было бы гораздо лучше, закономернее и, наконец, естественнее, если бы вся замечательная библиотека Дягилева была сохранена целиком ее

нынешним владельцем и не разошлась бы в сотни различных, иногда весьма случайных мест, не стала бы предметом торгашества...

За несколько дней до аукциона в Монте-Карло я получил от С.М. Лифаря копию опубликованной во Франции его газетной статьи «Моя победа и мое поражение». С полным основанием Сергей Михайлович считает, что факт сохранения им на протяжении почти полувека библиотеки Дягилева и собранных им автографов, как он пишет, «славная победа и гордость перед родной культурой». Но объясняя свое решение все-таки продать значительную часть библиотеки, Лифарь в этой же статье пишет: «А теперь — другое. Реальное. Скорбное. Признавая себя побежденным, я с болью в сердце вынужден расстаться с дорогим мне наследием русской, отечественной культуры, отдав на публичную продажу с аукциона дягилевскую библиотеку». Далее С.М. Лифарь утверждает, что его намерение сохранить библиотеку целиком не увенчалось успехом. Поэтому он решил продать книги, чтобы спасти их от «порчи, сырости и паразитов в подвальном хранении».

Нечто подобное писал П.П. Свиньин, видный русский журналист эпохи Пушкина, который с 1819 по

1834 год собирал экспонаты для задуманного им Русского Музеума. По разным причинам он вынужден был расстаться со своим детищем. Превосходные экспонаты будущего Русского Музеума также разошлись с аукциона, на котором присутствовал Александр Сергеевич Пушкин. Так вот, П. Свиньин писал своему другу:

«Наконец, о моем Русском музее можно сказать, что и о турецком флоте под Чесмой: был!»

— Я убежден, что поражение Сергея Михайловича Лифаря стало бы его победой, если бы вся библиотека целиком стала бы достоянием Родины. Разве не звучит трагично то обстоятельство, что город Монте-Карло, в котором стоит памятник Сергею Павловичу Дягилеву и где на скале можно увидеть превосходную мемориальную доску с трогательной надписью, — именно он стал местом «похорон» чудесной библиотеки!

Конечно, такая библиотека не должна валяться в подвале и гнить... И все же следовало по-настоящему, с деловыми предложениями обратиться в наши государственные органы относительно судьбы библиотеки. И лишь после того, когда пришел бы официальный ответ я не сомневаюсь, что он был бы положитель-

ным, — Сергей Михайлович Лифарь мог бы распорядиться ею гораздо мудрее...

...Мы говорили с Ильей Самойловичем долго. Он ответил на многие вопросы. Одно обстоятельство нас особо волновало: какова судьба знаменитых писем А.С. Пушкина к невесте, поистине бесценных свидетельств его жизни, находившихся также у С.М. Лифаря?

— И этот ваш вопрос не является неожиданным: после приезда в Москву я уже не раз слышал его. И вот что могу сообщить. Обращаясь к одному из руководителей Министерства культуры СССР, С.М. Лифарь пишет:

«Надеюсь, что подлинник и этих чудесных автографов, которые мне удалось спасти, в дальнейшем найдут себе достойное место на моей родине».

— Что касается меня, — сказал в заключение И.С. Зильберштейн, — то я нисколько не сомневаюсь, что это решение С.М. Лифаря станет реальностью и все наши почитатели гения Пушкина — а их миллионы и миллионы — скажут их нынешнему владельцу спасибо!

...Итак, мы говорили с вами о книжном аукционе в Монте-Карло. Но эта поездка — еще и акварельный портрет Н.К. Загряжской кисти П.Ф. Соколова —

по словам П.А. Вяземского, «Пушкин заслушивался рассказом Натальи Кирилловны», сам же великий поэт признавался, что в образе графини из «Пиковой дамы» много сходства с Загряжской; еще и неизвестные письма А.М. Горького, И.А. Бунина и А.И. Куприна, дневники А.М. Ремизова, рисунок И.Е. Репина, новые материалы и до сих пор неведомые художнические произведения Александра Бенуа (их общее число 160) — это его иллюстрации к литературным произведениям, эскизы декораций и костюмов к драматическим, балетным и оперным постановкам, рукописи воспоминаний Константина Коровина и многое другое. Впрочем, это уже иные темы...

...Слушая И.С. Зильберштейна, я снова вспомнил весенний день 1961 года в Ленинграде. С.М. Лифарь подробно говорил о радости встречи с Родиной, о ее сокровищах, которые он упорно собирал и бережно хранит.

— Придет время, и все это будет здесь, на родной земле, — сказал он тогда, в Ленинграде...

Н. Мар
*(Литературная газета,
1976. 11 февраля)*

Замечательным явлением в детской литературе начала XX века был издаваемый в 1911–1913 годах под редакцией А.А. Радакова юмористический иллюстрированный журнал «Галчонок». Представляем вниманию читателей своеобразный комикс о пользе чтения художника Н.Э. Радлова, опубликованный в «Галчонке» в апреле 1912 года (№17).

У купца Бирюлина были два племянника, Федорь и Ивань. Книгъ они терпеть не могли: одинъ любилъ гулять, а другой играть на биллардѣ. Думалъ Бирюлинъ, какъ бы приучить ихъ къ чтенію. Однажды призвалъ онъ ихъ къ себѣ и сказалъ:
— Я старъ, скоро помру; оставилъ я въ одной изъ книгъ своей библіотеки завѣщаніе: раздѣлите наследство по-ровну.

Пришелъ въ библіотеку Иванъ, сталъ хватать книги и перетрахать ихъ—лѣнь было перелистывать,—и ушелъ.

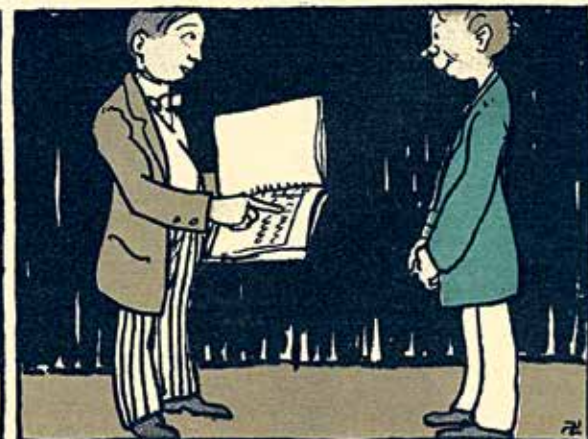
— Стану я еще книги просматривать! Выдумалъ тоже дѣла! Поиду—думаю,—лучше на биллардѣ поиграю.

Пришелъ Федоръ, сталъ просматривать книги, перелистывать, читать, и заинтересовался одной статьей: «Жизнь людей въ лѣсахъ Канады». Канада? Что это за страна? Гдѣ она находится?... Нашелъ Федоръ и о Канадѣ статью...

Прошелъ мѣсяць, а Федоръ все читаетъ статью за статьей: одна интереснѣй другой—и о звѣряхъ разныхъ, и о небесахъ свѣтилахъ... Не замѣтилъ, какъ полъ-библіотеки просмотрѣлъ. Вдругъ, видитъ, на одномъ изъ листовъ наклеено завѣщаніе: оставляетъ дѣду сто рублей на двоихъ.

Можно, конечно, догадаться, что было дальше: Иванъ, получивъ свою половину, въ тотъ же день проигралъ все на биллардѣ, а Федоръ, пристрастившійся къ чтенію, опять засѣлъ за книги. И не было человека счастливѣе его.

No comments

«Искры». 1907. № 8. 25 февраля. Фото К.К. Буллы

Въ Петербургскомъ Маринскомъ Дворцѣ. Представители русской печати, распределяющіе между собой на общемъ собраніи мѣста въ Госуд. Думѣ.

Издатель И. Д. Сытинъ.

Редакторъ Ф. И. Благоевъ.

Тиражирующіе Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Петербургъ, самъ в.

Представители русской печати, распределяющие между собой на общемъ собраніи мѣста въ Госуд. Думѣ.

Распространяется в городах Пушкино • Ивантеевка 16+

Бизнес-проспект

www.prospektk.ru on-line № 62 (352) 29 августа 2016 г.

Внимание!

ОКНА ПВХ САЛОН ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИХ ОКОН С КЛИМАТ-КОНТРОЛЕМ - ТЕПЛОПАКЕТ - на 50-80% меньше тепла, - в 2 раза меньше шума - в 4 раза больше срок службы, - до 50% меньше затрат, - увеличена зона теплового комфорта. г. Пушкино, Школьный проезд, д. 2 8(495) 515-02-81 (495) 744-34-17 8(496) 583-10-64 8(926) 905-51-60 (495) 744-34-17 8(926) 905-33-75 УТЕПЛЕНИЕ • ОСТЕКЛЕНИЕ БАЛКОНОВ • ЛОДЖИИ, ЖАЛЮЗИ г. Ивантеевка, ул. Заводская, д. 18 8(495) 515-02-81 (495) 744-34-17 8(496) 583-10-64 8(926) 905-51-60 (495) 744-34-17 8(926) 905-33-75	ЗАМКИ ЗАМКИ, ПЕРЕКРЫТИЕ ПОРТОВ И ДВЕРЕЙ СТАЛЬНЫМИ ДВЕРЯМИ 8(495) 515-02-81, 8(916) 255-26-31 Пенсионеры со скидкой!!! ОКНА СКИДКИ Родные Жители Ипотечная ипотека ШКАФЫ-КУПЕ по индивидуальным размерам 8-903-759-80-37 8-905-517-86-55 8-903-164-66-98 г. Ивантеевка, Садовый проезд, д. 16, 18 Спальня, 1 этаж уютная квартира.	Сеть семейных медицинских центров ПАРАЦЕЛЬС г. Ивантеевка Медицинские услуги для детей и взрослых Профилактический осмотр ребёнка по специальной цене 300 руб. ГРАФИК РАБОТЫ с 8:00 до 20:00 БЕЗ ВЫХОДНЫХ 8(495) 586 15 00 4(916) 747 00 03 www.paracelsus.ru г. Ивантеевка, ул. Пушкина, д. 8
--	--	--

Сегодня я принёс с помойки
собрание сочинений Джека
Лондона и три тома Азимова.
Я счастлив!

Наши авторы

Варава Борис Николаевич — коллекционер, исследователь, член НСБ, профессор.

Динерштейн Ефим Абрамович — историк, книговед, доктор исторических наук.

Долгодрова Татьяна Алексеевна — ведущий научный сотрудник НИО редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки (РГБ), доктор исторических наук.

Костюченко Константин Сергеевич — издатель, библиофил.

Ларионова Людмила Геннадьевна — ответственный секретарь НСБ, кандидат исторических наук.

Сеславинский Михаил Вадимович — руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, председатель Совета НСБ, член-корреспондент Российской академии художеств.

Чистяков Сергей Сергеевич — ответственный редактор журнала «Про книги», кандидат исторических наук.

Штакельберг Леонид Леонидович — писатель, публицист.

Table of contents

Mikhail Seslavinsky.

Tolstoy's publications in bibliophilic life

Tatiana Dolgodrova.

Ubiquitous putti in book ornamentation

Efim Dinershtein.

Unknown caricature with Gorky

Boris Varava.

Remizov's damaged autograph

A catalogue of «Le Bibliophile Russe»

Pavel Efebovsky.

A second-hand bookseller

Konstantin Kostyuchenko.

What does Tolstoy House remember?

Andrey Bartashevich.

Blockade diary

Poets about books

«Bibliophile hive» chronicle

Transneft supported edition of Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible

Ex libris «Pro knigi». Book reviews

Book events

Leafing through old newspapers

Nicolay Radlov.

Comic strip

No comments

Именной указатель

- Аверченко А.Т. — 58
Адамович Г.В. — 26
Азов В.А. — 56–58
Айвазовский И.К. — 131
Аксаков С.Т. — 129
Албин Е. — 129
Альтман Н.И. — 84, 127
Алянская Б.М. — 107
Алянский С.М. — 55–59, 100–110
Алянский Ю.Л. — 58
Андреев Л.Н. — 58
Андроников М.М. — 63
Анисимов А.И. — 115
Анненков Ю.П. — 56–57, 63, 101, 127
Анненский И.Ф. — 112
Анопова В.А. — 130
Арбузова Г.А. — 101
Ариосто Л. — 6
Арсеньева В. — 108
Архипов Е.Я. — 115
Астапов И.С. — 101
Афанасьева Ю. — 131
Ахмадулина Б.А. — 53
Ахматова А.А. — 27, 57–63, 115, 127
- Байенс** М. — 130
Байрон Д.Г. — 129
Бакст Л.С. — 58, 127
Балон Р. — 130
Балтрушайтис Ю.К. — 59
Баррет Г. — 93–94
Барташевич А.А. — 64–65, 85
Барташевич К.А. — 65, 75, 85
Бахрах А.В. — 25–27
Белецкий Ю.А. — 124
Беликов В.Г. — 131
Белкин В.П. — 72
- Белов С.В. — 57, 101
Белуха Е.Д. — 78
Белый А. — 33, 57, 115
Бем А.Л. — 113
Бенуа А.Н. — 17, 54, 65, 141
Беньяш Р.М. — 61–62
Берггольц О.Ф. — 62
Бердяев Н.А. — 23
Березин-Ширияев Я.Ф. — 112
Билибин И.Я. — 58, 68, 83
Битовт Ю.Ю. — 112
Блок А.А. — 24, 33, 55–57, 61–62, 100–103, 105–107, 111, 127
Бобровский Г.М. — 83
Бобышев Д.В. — 63
Боварле Ж.Ф. — 11
Боголюбов В.Я. — 75, 81
Боткина А.С. — 85
Британишский В.Л. — 62
Бродский И.А. — 63
Брюсов В.Я. — 33, 129
Булгаков М.А. — 63
Булла К.К. — 54, 56, 63, 144
Бунин И.А. — 25–26, 23, 141
Бунич-Ремизов Б.Б. — 24
Бурцева В.И. — 129
Бухгейм Л.Э. — 118
Быков И.В. — 112
Быльев Н.М. — 71, 78
- Варава** Б.Н. — 21, 27–28, 31, 33
Василенко С.В. — 114
Венгеров А.А. — 96
Верар А. — 6
Верейский Г.С. — 68, 71, 87
Верхоланцев М.М. — 131
Вивьен Л.С. — 77
Визель Э.О. — 78
Владимиров И.А. — 78
- Волконский П.М. — 126
Волошин М.А. — 33, 115–116
Воровский В.В. — 17
Врангель Н.Н. — 29
Вьен Ж.-М. — 9
Вяземский П.А. — 141
- Гагарин** Н.В. — 126
Гаевский Н.В. — 120
Гайдар А.И. — 107
Гальба В.А. — 101
Гарин С.А. — 59
Гаршин В.Г. — 59–60
Гевирц Я.Б. — 65
Гельфрейх В.Г. — 57
Гиппиус З.Н. — 33
Глебова-Судейкина О.А. — 57
Глинка В.М. — 85
Гозенпуд А.А. — 65
Голлербах Э.Ф. — 84
Голов О.М. — 140
Головин А.Я. — 126
Гольцев Ю. — 58
Гончарова Н.С. — 22
Гордон Б.А. — 16
Горький М. — 13, 15–18, 141
Гржебин З.И. — 13–18, 112
Гржебин Т.Н. — 17–18
Гролье Ж. — 9
Груббе Э.К. — 16
Грушке А.А. — 79
Гумилев Н.С. — 33, 60–61, 107
Гуминер Я.М. — 83
Гусев В.А. — 96, 124–125
- Дельвиг** А.А. — 112
Демидова А.С. — 61–62
Денков А. — 108
Десницкий В.А. — 118
- Динерштейн Е.А. — 13
Добровольский Л.М. — 117
Добужинский М.В. — 14–15, 22, 29, 57, 127
Довгелло С.П. — 23–24, 33
Довлатов С.Д. — 62
Долгодрова Т.А. — 5
Дормидонтов Н.И. — 72, 74
Дорошин А.Ю. — 111, 113
Дягилев С.П. — 134–141
- Епифанов** Г.Д. — 83
Есенин С.А. — 33, 59
Ефебовский П.В. — 45
Ефремов П.А. — 117–119, 126
- Жаба** А.К. — 83
Жанвион Э. — 95–96
Жанов Ю. — 108
Жарков Е.И. — 115
Жевержеев Л.И. — 100
- Забелин** И.Е. — 126
Загряжская Н.К. — 141
Загурский Б.И. — 65, 76, 80–81, 87
Замирайло В.Д. — 57, 84, 127
Замятин Е.И. — 33, 102–103
Звенигородский А.В. — 115
Зильберштейн И.С. — 134, 136–141
Зоргенфрей В.А. — 57
Зуев В.В. — 130
Зусман Л.П. — 102
- Иван IV Грозный**, царь — 122
Иванов В.И. — 21, 33
Иванов-Разумник Р.В. — 57
Иваск Ю.П. — 25
Ильин-Женевский А.Ф. — 59
- Иордан О.Г. — 87
Йорданов Ю. — 130
Исаева В.В. — 81
- Каверин** В.А. — 100
Каган Э.А. — 112
Казанков Б. — 118
Казанцев А.И. — 81
Казимова Н.И. — 130
Каляев И.П. — 23
Каменский В.А. — 79
Кандинский В.В. — 22
Каплун А.В. — 71, 80
Карабчевский В.П. — 16
Карасик З.М. — 13
Карев А.Е. — 83
Карлов И.И. — 127
Кассиль Л.А. — 101
Киселева Л.И. — 32
Клаудиан — 6, 11
Клемма Г. — 5, 7
Клемперер В., фон — 8
Клюев Н.А. — 33, 59
Князев В.В. — 58–59, 61
Кобелев В.А. — 81
Ковалевский В.А. — 112
Колотило М.Н. — 53, 63, 126–127
Колпахчиев Л.Л. — 127
Конашевич В.М. — 68, 78–80, 87, 104
Коновалов А.И. — 16
Коренев В. — 108
Корнилов П.Е. — 67, 69
Костюченко К.С. — 53, 127
Котов Л.В. — 65
Красинский З. — 129
Кроленко А.А. — 77
Крючков П.П. — 17–18
Кузмин М.А. — 27, 33
Кулжинский Г.И. — 113
Куприянов Н.Н. — 57
Куприн А.И. — 14, 59, 62, 141
Курдов В.И. — 81, 101
- Кустодиев Б.М. — 21, 58, 127
Кучумов В.Н. — 72
- Ладьяжников** И.П. — 15, 17
Лазутин П.Г. — 82
Ланн Е.Л. — 115
Лансере Е.Е. — 93, 96
Лапшин Н.Ф. — 83
Ларионов М.Ф. — 22
Ларионова Л.Г. — 121, 127
Ласунский О.Г. — 114
Лебедев В.В. — 67, 104
Ленин В.И. — 15, 17, 23
Лео А.Н. — 57
Лермонтов М.Ю. — 62, 135–136
Лесман М.С. — 96
Либет Л.Я. — 102
Лидваль И.-А. — 53
Лидваль Ф.И. — 53
Лидин В.Г. — 102
Лизогубов Р.А. — 109–110, 113
Лисовский Н.М. — 112
Лифарь С.М. — 134, 136–138, 140–141
Лихачёв Д.С. — 127
Лишев В.В. — 68, 70, 73–75
Лонгинов М.Н. — 118
Лопухин А.А. — 135
Лорен М. — 9
Лоттер М. — 6
Лукашин О.В. — 131
Луначарский А.В. — 23
Луценко А.М. — 27–32, 114
Луценко О.В. — 27
Лютер М. — 6
- Майзель** Б.Я. — 116
Майо Т. — 9
Маклин Б.В. — 13
Мамонтова В.С. — 63
Манизер М.Г. — 70
Манов Э. — 108

- Мар Н. — 141
 Мартинеску М. — 130
 Маршак С.Я. — 101
 Матвеева Е.В. — 118–120
 Маяковский В.В. — 115
 Медведев В.В. — 101
 Медведев П.Н. — 107
 Медельский А.И. — 80
 Мейерхольд В.Э. — 57–58
 Мережковский Д.С. — 129
 Мериан М.С. — 128
 Митрохин Д.И. — 58, 86
 Мишин В.А. — 131
 Мнухин Л.А. — 114–115
 Морозов П.О. — 57
 Морра Ш. — 93
 Мочалов С.М. — 71
 Муратов Н.Е. — 101
- Набоков** В.В. — 129
 Найдёнова Н.П. — 129
 Найман А.Г. — 63
 Наппельбаум И.М. — 62
 Наумов П.С. — 83
 Немировский Е.Л. — 102
 Нигматулина Г.Н. — 27
 Николаев Я.Н. — 79–80
 Новариа Б.Р., де — 7
 Ноздрин Ю.А. — 131
 Нотгафт Ф.Ф. — 85
- Обухова-Зелинская** И.В. — 126
 Оль А.А. — 53
 Оммулевский И.В. — 132
 Орбели И.А. — 79, 87
 Остроумова-Лебедева А.П. — 54–55, 65, 68–69, 74, 84–85
 Охлопков И.Ю. — 89
- Павлов** Н.А. — 71, 73
 Пакулин В.В. — 70
 Параделов М.А. — 112
 Пастернак Б.Л. — 112, 115
- Паустовский К.Г. — 101, 105, 110
 Пахомов А.Ф. — 71, 73
 Перельман А.Ф. — 18
 Пикассо П. — 22
 Пискунов К.Ф. — 102
 Плешакова О.Ю. — 125
 Позднеева Д.М. — 63
 Позднякова Т.С. — 60
 Полянский И.В. — 125
 Попков П.С. — 80
 Правосудович Т.М. — 78
 Прибыткова С. — 131
 Прошкин В.Н. — 79–80
 Пунин Н.Н. — 59
 Пушкин А.С. — 62, 112, 136, 138, 140–141
 Пыпин А. — 118
 Пяст В.А. — 57
 Пятковский А.П. — 119
- Равло** К.В. — 121
 Радаков А.А. — 142
 Радищев А.Н. — 116–120, 135
 Радлов Н.Э. — 57, 142
 Распутин Г.Е. — 63
 Рахманинов С.В. — 24
 Резникова Н.В. — 32
 Рейн Е.Б. — 62–63
 Ремизов А.М. — 17, 21–30, 32–33, 57–58, 127, 141
 Ремизова Н.А. — 24
 Ремизов-Васильев Н.В. — 58
 Репин И.Е. — 15, 22, 141
 Репников Н.И. — 115
 Рерих Н.К. — 131
 Римский-Корсаков Н. А. — 135
 Родзянко М.В. — 126
 Родионова А.Е. — 129
 Рождественский В.А. — 133
 Роза С. — 8
 Розанов В.В. — 129
- Рофварг Л.П. — 124–125
 Рубанчик Я.О. — 85–86
 Рудаков К.И. — 68
 Рутковский Н.Х. — 68, 79, 81
 Рылеев К.Ф. — 112
 Рябушинский С.П. — 126
- Сабинин-Кнорре** В.Г. — 103
 Савин А.В. — 28, 30–32, 34
 Савинков Б.В. — 23
 Савинов А.И. — 83
 Сайтов В.И. — 112
 Самарин А.Ю. — 118, 121
 Свиньин П.П. — 140–141
 Северянин И. — 114
 Сергей Александрович, великий князь — 96
 Серебряный И.А. — 83–84
 Серов Вал. А. — 14, 22
 Серов Влад. А. — 67–68, 70, 78–81, 84–85
 Сеславинский М.В. — 89, 96, 100–101, 103–106, 111, 116–118, 120–121, 125
 Сидорин Я.С. — 92
 Сидоров А.А. — 112
 Сикорский Н.М. — 137
 Симанович А.С. — 63
 Скалон А.В. — 83
 Скорина Ф. — 138
 Слепян Д.Ф. — 60, 62
 Смирнов-Сокольский Н.П. — 96, 117–118
 Смолич Н.В. — 58
 Соколов П.Ф. — 141
 Соколова Л.Д. — 95
 Соколов-Микитов И.С. — 100
 Соловьев А.Н. — 78
 Соловьев В.Н. — 57
 Сологуб В.А. — 136
 Сологуб Ф.К. — 33
 Сомов К.А. — 29
- Спасский С.Д. — 115
 Срезневский В.И. — 113
 Старицын А.М. — 112
 Стравинский И.Ф. — 137–138
 Страхов Н.Н. — 95
 Стрекавин А.А. — 81
 Струве Г.П. — 33
 Суков В.В. — 83
 Суханов Н.Н. — 16
 Сытин И.Д. — 16
- Ташев** Б. — 108
 Твелькмейер В.Ф. — 73
 Теренций — 6–7
 Терешкович К.А. — 93
 Тихонов А.Н. — 15–17
 Тихонов В.Н. — 27
 Тихонов Н.С. — 100
 Токмаков Л.А. — 105
 Толстая-Оболенская М.Л. — 95
 Толстой А.К. — 138
 Толстой А.Л. — 113
 Толстой Д.А. — 91
 Толстой Л.Н. — 15, 53, 89–97, 99, 113
 Толстой М.П. — 53
 Третьяков П.М. — 14
 Тургенев И.С. — 135, 140
 Тырса Н.А. — 82–83
 Тышлер А.Г. — 61
 Тютчев Ф.И. — 62
- Уайлд** О. — 63
 Ульяновский Д.В. — 112, 118
 Ульяновский Н.Ю. — 117
 Успенский Л.В. — 111
- Ушин Н.А. — 83
- Фальц-Фейн** Э.А., фон — 139
 Федин К.А. — 100–101, 110
 Федорова А.Г. — 18
 Фельтен Н.Е. — 113
 Феррари Г.Д., де — 7
 Философов Д.В. — 23
 Фитингоф Г.П. — 84–86
 Форш О.Д. — 103
- Хайкин** Б.А. — 112, 115
 Халачев С. — 108
 Хан У. — 5
 Хигер Е.Я. — 65, 68
 Хижинский Л.С. — 83–84
 Хлебников В.В. — 26
 Ходасевич В.Ф. — 28, 61, 102–103, 129
 Храпченко М.Б. — 137
- Цветаява** М.И. — 25, 114
 Цензор Д.М. — 59
- Чаленко** Н.В. — 128
 Чахров Я.А. — 83
 Чертков В.Г. — 91, 113
 Чертков Л.И. — 121
 Чехов А.П. — 129
 Чехонин С.В. — 127
 Чжао Фан-Цзюнь — 130
 Чжоу Дон-Шен — 130
 Чистяков С.С. — 126
 Чуковская Л.К. — 59, 61
 Чуковский К.И. — 56
 Чулков Г.И. — 112
- Шагал** И.М. — 137
- Шагинян М.С. — 100, 102, 110
 Шварц Е.Л. — 14
 Шевцова Л.А. — 129
 Шепелевский М.А. — 79
 Шереметев С.Д. — 118
 Шилинговский П.А. — 65–66, 68–70, 73–74, 83, 130
 Шишкин И.И. — 131
 Шкловский В.Б. — 57, 100, 106–107
 Штакельберг Л.Л. — 64–65
 Шумаков Ю.Д. — 114
 Шумилов А.О. — 70, 79
 Шумский А. — 131
 Шушаев В.И. — 93–94
- Щеголев** П.Е. — 23
 Щекотин Ф.И. — 23–24, 27
 Щепкин А.М. — 140
 Щепкина-Куперник Т.Л. — 59
 Щербов П.Е. — 13–15, 17–18
 Щетнёв Л.Н. — 131
- Энграмель** Ж.-Л.-Ф. — 129
 Эрберг К.А. — 57, 127
- Юдовин** С.Б. — 65, 68, 76–78, 81
 Юнгер А.А. — 58
- Явейн** И.Г. — 79
 Якобсон А.Н. — 104
 Яхнин О.Ю. — 130

Учредитель: ООО «ИнтегроСофт».
Юридический адрес: 109147 Москва, ул. Таганская, д. 21, к. 1
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77132045 от 20.05.2008 г.
Почтовый адрес: 123557 г. Москва, ул. Б. Тишинский пер., д. 38.
Адрес редакции: г. Москва, Калашный пер., д. 3а, оф. 320.
Тел.: +7 (495) 691-65-01.
E-mail: about-books@yandex.ru.
Сайт: www.aboutbooks.ru.

Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов журнала.
Авторы несут ответственность за содержание статей,
точность приводимой информации, цитат и ссылок.
Редакция не несет ответственность за достоверность информации
в рекламных материалах.
При использовании материалов, опубликованных в журнале,
ссылки на журнал носят обязательный характер.

В оформлении обложки и страниц журнала использован фрагмент линогравюры
С. Б. Юдовина «В мастерской художника» (ГРМ).

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат».
107140, г. Москва, пер. 1й Красносельский, д. 3, оф. 17

Тираж 2000 экз.
Цена свободная.